

ИМЕНОВАНИЕ И НЕОБХОДИМОСТЬ

Сол Аарон Крипке

Saul A. Kripke. Naming and Necessity

Copyright (c) 1972, 1980 by Saul A. Kripke

Двенадцатое издание, 2001

Harvard University Press
Cambridge, Massachusetts

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Лекция 1. 20 января 1970 г.	15
Лекция 2. 22 января 1970 г.	42
Лекция 3. 29 января 1970 г.	61
Приложение А	88
Приложение В. Глоссарий	93
Приложение С. Полезные материалы	95

Предисловие

Первоначально я намеревался пересмотреть или обстоятельно дополнить «*Именование и Необходимость*». Прошло значительное время, и я понял, что любая обширная ревизия или дополнение задержат появление отдельного, менее дорогостоящего издания «*Именование и необходимость*» на неопределенный срок. Кроме того, что касается пересмотра, есть причины для сохранения работы в ее первоначальной форме со всеми ее недоработками. Таким образом, я придерживался очень консервативной политики исправления для настоящего издания. Очевидные ошибки были исправлены, также были внесены небольшие изменения, чтобы сделать различные предложения или формулировки более ясными.^{*1} Хорошим признаком моей консервативной политики является сноска 56. В этой сноске была изменена буквенная номенклатура для различных объектов, необъяснимо искаженная в оригинальной печати; но я не упоминаю о том факте, что теперь мне кажется, что аргумент в сноске имеет требующие дальнейшего обсуждения проблемы, о которых я не знал, когда писал его.^{*2}

Те же соображения заставили меня отказаться от любой серьезной попытки использовать это предисловие, чтобы усилить мои предыдущие аргументы, заполнить пробелы или уделить место разбору серьезной критики или трудностей. Очевидно, что помимо такого усиления в предисловии в монографии есть отрывки, кроме примечания 56, которые я мог бы изменить. Я придерживаюсь основных тезисов моей работы, и давление для большого пересмотра работы не является столь интенсивным. Я, однако, кратко воспользуюсь этим предисловием, чтобы описать предысторию и генезис ведущих идей этой монографии и обсудить несколько недоразумений, которые кажутся распространенными. Я боюсь, что я должен разочаровать тех читателей, которые уже нашли изложение в монографии по этим вопросам удовлетворительным. Сравнительно мало будет добавлено, чтобы разобраться с тем, что я вижу как более существенные проблемы монографии. Объясненные далее вопросы в основном связаны с модальностями и жесткой десигнацией, возможно, уже понятны большинству читателей. С другой стороны, те читатели, которые склонялись к некоторым из упомянутых здесь возражений, вполне обоснованно могут требовать более тщательной аргументации. Я боюсь, что в большинстве случаев обращение к допустимым в предисловии спорным вопросам будет слишком коротко, чтобы убедить многих читателей, которые были склонны верить возражениям. В какой-то степени краткое обращение к возражениям может принести больше вреда, чем пользы, поскольку читатель, который был в сомнениях, может подумать, что если *это* все аргументы, которые можно предоставить, то исходное возражение должно быть убедительным. Тем не менее, я решил, что должен кратко остановиться на том, почему я думаю, что определенные мнения ошибочны.

---

^{*1} Я благодарю Margaret Gilbert за ее ценную помощь в редактировании.

^{*2} Хотя у меня не было времени для тщательного изучения критики Натана Самона (Journal Of Philosophy (1979), стр. 703-725) этой сноски, представляется вероятным, что его критика аргумента, хотя и связана с моей, но не та же самая и реконструирует его таким образом, который не соответствует моему точному намерению и делает аргумент излишне слабым. Кроме того, у меня не было амбиций в этой короткой сноске строго доказать «эссенциализм из теории референции». Сноска была настолько сжата, чтобы читатели могли легко восстановить детали.

Надеюсь, что в некоторых случаях я смогу описать проблемы более подробно. Здесь я должен признать, что в рамках этого предисловия тщательное обсуждение невозможно.^{*3}

Читатели, которые не знакомы с этой книгой, могут использовать предисловие для дальнейшего уточнения определенных вопросов и для краткой истории их появления. Я бы рекомендовал, чтобы такие читатели сначала не читали предисловие, но возвращались к нему для разъяснения (если необходимо) после того, как они прочитали основной текст. Предисловие *не* является полностью автономным.

Идеи в «*Именовании и Необходимости*» развивались в начале шестидесятых годов - большинство мнений были сформулированы примерно в 1963-1964 годах. Конечно, работа выросла из более ранних формальных работ в [теории моделей](#) модальной логики. Уже когда я работал над модальной логикой, мне показалось, как сказал Wiggins, что [принцип](#) Лейбница о неразличимости идентичностей^{*4} был столь же самоочевидным, как и закон противоречия. То, что некоторые философы могли сомневаться в нем, всегда казалось мне странным. Изучение теории моделей модальной логики (семантика «возможных миров») могло только подтвердить эту убежденность. Предполагаемые контрпримеры, включающие модальные свойства, всегда оказывались в некотором затруднении: связанные контексты не выражали истинных свойств, области видимости были спутаны, или совпадения между отдельными концепциями спутывались с идентичностью между индивидуумами. Теория моделей прояснила ситуацию, даже на интуитивном уровне она должна была быть достаточно ясной. Отвлекаясь от суетливых соображений, вытекающих из того факта, что x не обязательно необходимо существует, из $(x) \Box (x=x)$ и закона Лейбница ясно, что тождество является «внутренним» отношением: $(x)(y)(x=y \supset \Box x=y)$. (Какие пары (x,y) могут быть контрпримерами? Ни пары отдельных объектов, так как тогда антецедент является ложным, ни любая пара объекта и его самого, поскольку последующий результат будет истинным.) Если « a » и « b » являются жесткими десигнатами, следует, что « $a=b$ », если это истина, то это необходимая истина. Если « a » и « b » не являются жесткими обозначениями, из утверждения « $a=b$ » такой вывод не следует (хотя *объекты*, обозначенные « a » и « b », будут необходимо идентичны).

Говоря о жестких десигнатах, мы говорим о возможности, которая, безусловно, существует в формальном модальном языке. По логике мы еще не привержены тезису о статусе того, что мы обычно называем «именами» в естественном языке. Мы должны различать три различных тезиса: (i) идентичные объекты необходимо идентичны; (ii) что истинные утверждения идентичности между жесткими указателями являются необходимыми; (iii) что выражения идентичности между тем, что мы называем «именами» в естественном языке, являются необходимыми. (i) и (ii) являются (само собой разумеющимися) тезисами философской логики, независимой от естественного языка. Они связаны друг с другом, хотя (i) про объекты, а (ii) металингвистический. (iii) грубо «следует» из (i), используя замену жестких десигнатов для универсальных кванторов - я говорю «грубо», потому что деликатные различия в жесткости имеют значение, см. сноску *21, аналогичный вывод для нежестких десигнатов ошибочен.) Из (ii) все, что строго следует о так называемых «именах» на естественном языке, это что они либо не являются жесткими, либо истинные тождества между ними являются необходимыми. Наше интуитивное представление об именах предполагает, что имена жесткие, но я полагаю, что когда-то я смутно предполагал под влиянием преобладающих предпосылок, что

---

^{*3} Некоторые опубликованные критические замечания здесь не обсуждаются, потому что они настолько легкомысленны, что я надеюсь, они не вызовут широкого доверия; другие - потому что они слишком существенны; а третьи - просто из-за нехватки места. Я оставляю решать читателю, какая категория включает какой-либо конкретный пример.

^{*4} Принцип, что у идентичностей все свойства общие; схематически записывается: $(x)(y)(x=y \wedge \Box x \supset \Box y)$. Не путать с [идентичностью неразличимых объектов](#).

поскольку, очевидно, существуют случайные тождества между обычными так называемыми именами, такие обычные имена не должны быть жесткими. Однако из (i) было ясно, что без каких-либо исследований естественного языка общее для философских дискуссий о материализме того времени предположение о том, что объекты могут быть «случайно идентичными», неверно. Идентичность была бы внутренним отношением, даже если бы естественный язык не содержал никаких жестких десигнатов. Смешанная референция на объекты как «случайно идентичные» незаконно служила, как философский костыль: она позволила философам *одновременно* думать о некоторых десигнатах, как будто они были нежесткими (и, следовательно, найдены в «случайных идентичностях») и, как если бы они были жесткими. При размышлении о соответствующих *объектах* как «случайно идентичных», противоречие усиливается. Еще до того, как я ясно осознал истинную ситуацию с именами, я не испытывал симпатии к темной доктрине отношения «случайной идентичности». Уникально идентифицирующие свойства могут совпадать случайно, но объект не может быть «случайно идентичным».

В конце концов я осознал, - эта реализация открыла вышеупомянутую работу 1963-1964 годов, - что полученные предпосылки против необходимости идентичности между обычными именами были неверными, что естественная интуиция, что имена обычного языка являются жесткими десигнатами, может быть оставлена в силе.^{*5} Часть усилий, направленных на прояснение этого, заключалась в различии между использованием описания, чтобы придать смысл, и использованием его для фиксации референции. Таким образом, на этом этапе я отверг традиционную теорию дескрипции как поясняющую смысл, хотя ее достоверность в качестве пояснения фиксации ссылки осталась нетронутой. Вероятно, на мгновение я позволил себе удовлетвориться этой точкой зрения, но следующим естественным шагом стало сомнение в том, правильное ли объяснение дает теория дескрипции фиксации референций на имена. Результат появляется во второй из этих лекций. Это был короткий шаг, чтобы понять, что подобные замечания применимы и к терминам для естественных видов. Другие ведущие идеи пришли естественным образом, поскольку вещи «встали на свои места».

Позвольте мне не платить непомерную дань могуществу преобладавшего в прошлом комплекса идей, исходящих от Фреге и Рассела, которые я тогда оставил. Естественный и универсальный способ, с помощью которого эти идеи, по-видимому, объясняют множество философских проблем - их изумительная внутренняя согласованность - является адекватным объяснением их долгой привлекательности. Я сам был шокирован распространенностью некоторых идей в философском сообществе, которые для меня мало или вообще не привлекательны, но я никогда не ставил теорию дескрипции собственных имен в такую категорию. Хотя я, как и некоторые другие философы, всегда ощущал какое-то пятно в этой системе взглядов, и потребовалось некоторое время, чтобы освободиться от его соблазнительной силы.

Хотя теперь идея знакома, я все же дам краткую переформулировку идеи жесткого обозначения и интуиции об именах, лежащих в ее основе. Рассмотрим выражение:

(1) Аристотель любил собак.

Правильное понимание этого утверждения подразумевает понимание как (корректных) условий, при которых оно действительно является истинным, так и условий, при которых контрфактический ход истории, напоминающий в некоторых отношениях реальный курс, но не во всех, будет правильно (частично), описанным утверждением (1).

---

*5 Также стало ясно, что символ любого фактического или гипотетического языка, который не является жестким десигнатом, настолько отличается от имен обычного языка, что его нельзя называть «именем». В частности, это относится к гипотетической аббревиатуре нежесткого определенного описания.

По-видимому, все согласны с тем, что существует определенный человек - философ, которого мы называем «Аристотелем» - такой, что (1) истинно тогда и только тогда, если он любил собак.^{*6} Тезис жесткого обозначения - это просто - тонкие моменты в сторону^{*7} – та же парадигма, относящаяся к условиям истины (1), поскольку она описывает контрфактические ситуации. То есть (1) действительно описывает *контрфактическую* ситуацию тогда и только тогда, когда тот же самый вышеупомянутый человек любил бы собак, если бы была получена эта ситуация. (Забудьте о контрфактических ситуациях, в которых он не существовал бы.) Напротив, Рассел считает, что (1) следует анализировать как нечто вроде:^{*8}

(2) Последний великий философ древности любил собак,

и это, в свою очередь, необходимо проанализировать как:

(3) Точно один человек был последним среди великих философов древности, и любой такой человек любил собак.

Фактические условия истинности (3) согласуются с вышеупомянутыми выше для (1), предполагая, что Аристотель был последним великим философом древности. Но контрфактически, условия Рассела могут сильно отличаться от тех, которые допускаются тестом жесткости. Что касается контрфактической ситуации, когда кто-то другой, кроме Аристотеля, был бы последним великим философом древности, критерий Рассела утверждал бы, что *другой человек* любит собак, создавая соответствующую проблему для правильности (1)!

До сих пор я не сказал ничего, что, как мне казалось, я не прояснил бы раньше. Но из объяснения должно быть очевидно, что некоторые критические замечания представляют собой недоразумения. Некоторые думали, что простой факт, что два человека могут иметь одно и то же имя, опровергает тезис о жесткости. Это правда, что в настоящей монографии для простоты я говорил, как будто у каждого имени был уникальный носитель. На самом деле я не думаю, что, если говорить о жесткости, это серьезное упрощение. Я считаю, что многие важные теоретические вопросы о семантике имен (возможно, не все) были бы в значительной степени не затронуты, если бы наши соглашения требовали, чтобы двум вещам не давалось одно и то же имя. В частности, как я объясню, проблема жесткости не будет затронута.

---

^{*6} Все, даже Рассел, согласятся, что это истинная материальная эквивалентность, учитывая, что Аристотель действительно существовал.

^{*7} В частности, мы игнорируем вопрос о том, что сказать о контрфактических ситуациях, в которых Аристотель не существовал бы. См. сноску *21.

^{*8} Взяв «последнего великого философа древности» в качестве описания Рассел ассоциирует это с «Аристотелем». Пусть поклонники эпикурейства, стоицизма и т.д. Не будут оскорблены; если какой-либо читатель считает, что кто-то позже Аристотеля является истинным референтом данного описания, пусть этот читатель заменит Аристотеля на кого-то другого.

Я полагаю, что Рассел прав в том, что определенные дескрипции могут по крайней мере иногда интерпретироваться нежестко. Как я упоминаю в сноске 22, некоторые философы считают, что, кроме того, существует жесткий смысл определенных дескрипций. Как я уже говорил в последней сноске, я не уверен в этом, но если эти философы правы, мой основной тезис не затрагивается. Это противопоставляет имена с нежесткими дескрипциями, отстаиваемыми Расселом. См. Главу 2, стр. 258-261 моей статьи «*Referential Speaker's Reference and Semantic Reference*», *Midwest Studies in Philosophy*, II (197, стр. 255-276, также в *Contemporary Perspective in the Philosophy of Language*, под редакцией Peter A. French, Theodore E. Uehling, Jr., and Howard K. Wettstein, University of Minnesota Press, Minneapolis (1979), стр. 627) для краткого обсуждения отношения идеи жестких дескрипций к «референтным» дескрипциям Доннеллана. Я также обсуждаю связь их обоих с понятием сферы охвата.

В случае имеющегося у нас языка, мы могли бы говорить об именах как имеющих уникальный референт, если бы мы адаптировали терминологию, аналогичную практике названия омонимов различными «словами», согласно которой использование фонетически одинаковых звуков для обозначения отдельных объектов подсчитывает различные имена.^{*9} Эта терминология, конечно же, не согласуется с наиболее распространенным применением,^{*10} но я думаю, что это может быть очень полезно для теоретических целей.

Но главное, что, хотя философская теория может относиться к таким «одноименным»^{*11} именам, вопрос не имеет отношения к вопросу о жесткости. Как говорящий на своем идиолекте, я называю только один объект «Аристотель», хотя я знаю, что другие люди, включая человека, которого я называю «Онассис» или «Аристотель Онассис», имеют то же имя. Другие читатели могут использовать «Аристотель» для обозначения более чем одного объекта (человека или животного), и для них (1) не имеет однозначных условий истинности. Когда я говорил об «условиях истинности» (1), я предполагал определенное прочтение (1). (Так что, конечно, классический сторонник теории дескрипции, *это* не проблема между нами. Вы тоже склонны говорить для простоты, как если бы имена имели уникальные ссылки.) Я считаю, что обычно предполагается, что подразумеваемое при конкретном использовании предложения понятно из контекста. В данном случае, из контекста было ясно, что это традиционное использование «Аристотеля», как великого философа, о котором шла речь в вопросе. Затем, учитывая это понимание (1), вопрос о жесткости заключается в следующем: определяется ли правильность (1), *понятая таким образом*, определенная в отношении каждой контрфактической ситуации тем, нравились ли собаки определенному человеку (если бы эта была получена такая ситуация)? Я отвечаю на вопрос утвердительно. Но Рассел, кажется, считает иначе, даже когда то, что выражает (1), фиксируется контекстом. Только учитывая такое фиксированное понимание (1), Рассел читал (1) как (3) - если под «Аристотелем» не имеется в виду Онассис! - но требование жесткости нарушено. Этот вопрос полностью независим от наличия или отсутствия в языке других прочтений (1). Для каждого такого отдельного прочтения мы можем спросить, будет ли выражено то, что будет отражено в контрфактической ситуации, если и только если какой-либо определенный человек имеет соответствующее свойство. *Это* вопрос о жесткости.

Позвольте мне повторить точку зрения, игнорируя для этого изложения тонкие проблемы об «утверждениях», которые будут упомянуты в конце этого предисловия. Чтобы говорить об «условиях истинности» предложения, такого как (1), необходимо

---

^{*9} Фактически, критерий должен быть более тонким, и зависит от его теоретических представлений. Таким образом, на картине, аргументируемой в этой монографии, две совершенно разные «исторические цепи», которые по чистой случайности присваивают фонетически одно и то же имя одному и тому же человеку, вероятно, должны считаться созданием разных имен, несмотря на идентичность референтов. Личность может быть неизвестна докладчику или выражать недавнее открытие. (Точно так же сторонник теории дескрипции, который считает имена так, как предполагалось, предположительно считал бы два фонетически идентичных имени с отдельными связанными описаниями как разные, даже если два описания будут однозначно соответствовать одному и тому же объекту.) Но отличимость референтов будет достаточным условием для отличимости имен.

Я должен подчеркнуть, что я не требую и тем более не защищаю это использование, но упомянул об этом как о возможности, к которой я отношусь с пониманием. Дело в том, что жесткость не имеет никакого отношения к вопросу о двух людях, имеющих фонетически одно и то же имя, независимо от того, принята ли эта конвенция или нет.

^{*10} Но, возможно, «Как много имен может быть в этой телефонной книге?» является исключением (Anne Jacobson).

^{*11} Используя этот термин, я не собираюсь анализировать конкретный взгляд (см. также следующую сноску), я предлагаю свой собственный. Я просто имею в виду, что два человека могут иметь фонетически одно и то же имя.

принять *одно* утверждение - иначе его истинностные условия даже в отношении реального мира неопределенны. Таким образом, двусмысленные слова или омонимы (возможно, «собака» в (1)) должны читаться определенным образом (собака!), указателям должны быть назначены определенные ссылки, должны быть разрешены синтаксические двусмысленности, и необходимо зафиксировать, являются ли имя «Аристотель» именем философа или судоводного магната. Только при таком чтении Рассел может предложить анализ, такой как (3), - верно, никто никогда не винил его на этот счет. Тогда мое возражение против Рассела состоит в том, что многие утверждения, выраженные различными чтениями (1) (если предположить, что во всех чтениях «Аристотель» является именем собственным), если бы он был прав, не соответствовали бы правилу жесткости. Таким образом, ни одно из таких утверждений не соответствует правилу, что существует один индивид и одно свойство, такое что в отношении каждой контрфактической ситуации истинным условием предложения является владение свойством этим индивидом в этой ситуации. (Я полагаюсь на то, что на практике Рассел неизменно нечетко интерпретирует обычные имена.) То, что более чем одно предложение может быть выражено (1), не имеет значения: вопрос в том, оценивается ли каждое такое предложение так, как я описываю, или нет. Точка зрения относится к каждому такому предложению, взятому отдельно. Подробные вопросы о том, как теория должна учитывать тот факт, что наша лингвистическая практика позволяет двум вещам иметь фонетически одно и то же имя, не требуется решать, чтобы все было ясно.^{*12}

Другое заблуждение касается отношения жесткости к сфере охвата, которое, по-видимому, я рассмотрел слишком кратко. Кажется, часто предполагается, что все лингвистические интуиции, которые я выражаю от имени жесткости, можно было бы также обработать, читая имена в различных предложениях как нежесткие десигнаты с широкой сферой охвата, аналогично дескрипторам с широкой сферой охвата. Действительно, можно было бы интерпретировать некоторые из этих интуиций как результаты двусмысленности сферы охвата, а не жесткости - это я признаю в монографии. В этом отношении возражение оправдано, но мне кажется неправильным предполагать, что все наши интуиции могут быть обработаны таким образом. Я затронул этот вопрос довольно кратко, на стр. 62 (*прим. пер.: оригинала*) и в сноске 25, но похоже, что дискуссия была упущена многими читателями. В сноске я приводил некоторые языковые явления, которые, я думаю, поддерживают интуицию жесткости, как противоположную объяснению в терминах сферы охвата. Многие из этих читателей, кажется, даже не обратили внимания на интуитивную проверку на жесткость, как это подчеркивается на страницах 48-49 (*прим. пер.: оригинала*). Я не буду повторять или разрабатывать эти соображения в предисловии, хотя они, кажется, были сформулированы слишком кратко. Требования к предисловию могут сделать следующие замечания слишком краткими, но я буду обсуждать вопрос о сфере охвата в свете настоящего объяснения жесткости.

Утверждалось также, что моя собственная точка зрения сводится к представлению о сфере охвата, что доктрина жесткости просто является доктриной, согласно которой естественный язык имеет соглашение о том, что имя в контексте любого предложения следует читать с большой областью охвата, включая все модальные операторы.^{*13} Эта

---

^{*12} Например, некоторые философы ассимилировали бы имена собственные к указательным местоимениям. Их референция на то, что делает указательное местоимение, варьируется от высказывания к высказыванию. Это не влияет на обсуждаемые вопросы, поскольку для указания определенного предложения необходимо указать референцию на указательное местоимение. Хотя я не обсуждал вопрос в настоящей монографии, конечно, это было частью моего взгляда (сноска 16), что «это», «я», «вы» и т.д. - все являются жесткими (хотя их референции, очевидно, различаются вместе с контекстом высказывания). Дэвид Каплан подчеркнул жесткость указательных местоимений.

^{*13} См. Michael Dummett, Frege (Duckworth, 1973), стр.128. К сожалению, многие другие идеи Dummett или замечания относительно отношения жесткости к сфере охвата технически ошибочны -

последняя идея особенно широко известна; в терминах модальной логики она представляет собой техническую ошибку. Позвольте мне сначала разобраться с этим. (1) и (2) являются «простыми» предложениями. Ни одно из них не содержит модальных или других операторов, поэтому нет возможности для каких-либо различий в сферах охвата.^{*14} Никакое соглашение о сферах охвата более сложных предложений не повлияет на интерпретацию этих предложений. Тем не менее проблема жесткости имеет смысл применительно к обоим предложениям. Я считаю, что «Аристотель» в (1) является жестким, но «последний великий философ древности» в (2) таковым не является. Ни одна гипотеза о соглашениях о сферах охвата для модальных контекстов не выражает эту точку зрения,^{*15} это доктрина об условиях истинности в отношении контрфактических ситуаций, утверждений, выражаемых всеми предложениями, включая *простые* предложения.

Это показывает, что представление, которое *уменьшает* жесткость до сферы охвата указанным способом, просто ошибочно. Это также указывает на одну слабость (более понятной) подходов, которые пытаются использовать область охвата для *замены* жесткости. Доктрина о жесткости предполагает, что картина, представляющая собой ситуацию, правильно описанную в (1), должна *ipso facto* иметь целью изобразить самого Аристотеля как любителя собак. Никакая картина, предполагающая кого-то еще и его любовь к собакам, даже если она изображает другого человека как обладающего всеми свойствами, которые мы используем для идентификации Аристотеля, не представляет собой контрфактическую ситуацию, правильно описанную в (1). Разве это само по себе не отражает явно наши интуиции относительно (1)? Интуиция об истинных условиях, в контрфактических ситуациях, утверждения, выраженного простым предложением. Ни одна интерпретация с широкой сферой охвата определенных модальных контекстов не может иметь места. Чем в большей степени теория сохраняет эту интуицию, тем лучше для нее.

Еще одно замечание, не в такой степени полагающееся на контрфактические ситуации, может осветить некоторые вопросы. В монографии я утверждал, что истинные условия утверждения «Возможно, Аристотель увлекался собаками», соответствовали теории жесткости: нет никаких доказательств, что кто-то другой, кроме Аристотеля, мог любить собак и быть величайшим философом древности, и иметь отношение к истинности цитируемого утверждения. Ситуация не изменится, если мы заменим «величайшего философа древности» любым другим (нежестким) точным определением, как определение Аристотеля. Точно так же я утверждал: «возможно, Аристотель не был философом», выражает истину, хотя «возможно, величайший философ древности не был

например, на той же странице он говорит, что я придерживаюсь того, что дескрипции никогда (?) не являются жесткими и приравнивает это мнение к утверждению, что «в рамках модального контекста всегда следует использовать область охвата определенной дескрипции, чтобы исключить модальный оператор». Кроме того, некоторые из его комментариев о языковых интуициях кажутся мне ошибочными. Я не могу заниматься этими вопросами здесь.

^{*14} Фактически рассматриваемые предложения относятся к определенному времени и поэтому могут быть интерпретированы в формальном языке с временными операторами. Если мы будем трактовать время таким образом (его можно трактовать и иначе), то из-за временных операторов могут возникнуть другие вопросы сферы охвата. Речь идет, однако, о связи сферы охвата с модальными операторами, которые не возникают в этих предложениях, даже если при их анализе используются временные операторы. Утверждение о том, что предложения, о которых идет речь, не приводят к возникновению вопросов о сфере охвата, может быть сделано буквально истинным либо путем рассмотрения времени без использования операторов, либо (лучше), принимая связку (1) и (2) без учета времени.

^{*15} Тезис о том, что в простых предложениях имена являются жесткими, однако, эквивалентен (игнорируя осложнения, связанные с возможным отсутствием объекта) тезису о том, что если модальный оператор управляет простым предложением, содержащим имя, два чтения с большими и малыми областями сфер охвата эквивалентны. Это не то же самое, что доктрина, согласно которой у естественного языка есть соглашение, допускающее только прочтение с большей сферой охвата. Фактически эквивалентность имеет смысл только для языка, где оба чтения допустимы.

философом», не противоречит теории Рассела. (Аналогичный пример можно было бы дать для любой другой нежесткой идентифицирующей дескрипции). Теперь последнее цитируемое предложение будет выражать истину, если используемая дескрипция была бы прочитана, вопреки моим намерениям, с широкой сферой охвата. Поэтому, возможно, можно предположить, что проблема просто возникает из (необъяснимой!) тенденции давать «Аристотелю» широкое прочтение, в то время как дескрипциям дается узкое прочтение; предложения с именами и дескрипциями, однако, будут подчинены обоим показаниям. Моя точка зрения, однако, заключается в том, что будет иметь место контраст, если бы все предложения были явно интерпретированы небольшими сферами охвата. Далее, я привел примеры (см. выше), чтобы показать, что ситуация с именами не была фактически параллельна ситуации с дескрипциями с широкими сферами охвата. Сторонники противоположного взгляда часто, похоже, упускают из виду эти примеры, но это сейчас речь не об этом. Противоположное мнение должно состоять в том, что наши язык и мысли, каким-то образом, не могут точно удерживать различие, что именно это несет ответственность за возникающие трудности. Трудно понять, как это может быть: как мы делаем различие, если мы не можем этого сделать? Если формулировка с этим предложением действительно настолько запутана, что мы не можем отличить одно его прочтение от другого, как насчет:

(4) То, что (1) выражает, возможно, имело место.

Разве это не выражает желаемое утверждение без каких-либо двусмысленностей? Если нет, что может сделать это? (Вполне возможно, что формулировка может быть немного более естественной в диалоге: «- Аристотель любил собак. - Это не тот случай, хотя это могло быть так». Теперь я утверждаю, что наше понимание (4) соответствует теории жесткости. Никакая возможная ситуация, в которой кто-либо, кроме самого Аристотеля, любил бы собак, не может быть уместной.

Мое главное замечание состоит в том, что мы имеем прямую интуицию жесткости имен, проявляющихся в нашем понимании условий истинности конкретных предложений. Кроме того, различные второстепенные явления о том, «что мы скажем», например, упоминаемые в монографии и других работах, дают косвенное свидетельство жесткости. Как Рассел, например, предложил теорию, совершенно несовместимую с нашей прямой интуицией жесткости? Одна из причин заключается в том, что здесь, как и везде, он не рассматривал модальные вопросы; и вопрос о жесткости имен на естественном языке редко упоминается после него. Во-вторых, Расселу казалось, что различные философские аргументы требуют описания теории имен и элиминативной теории дескрипций. Рассел признал, что его взгляды несовместимы с нашими наивными реакциями (хотя проблема жесткости не упоминалась), но мощные философские аргументы, казалось, вынудили его принять свою теорию. Что касается вопроса о жесткости, мой собственный ответ принял форму мысленного эксперимента, кратко изложенного для «идентичности и шмиидентичности» на стр. 108 (*прим. пер.: оригинала*) настоящей монографии. В данном случае я вообразил гипотетический формальный язык, в котором жесткий десигнат вводится определенной «церемонией». «Пусть “*a*” (жестко) обозначает уникальный объект, который фактически обладает свойством *F*, когда речь идет о любой ситуации, фактической или контрфактической». Кажется очевидным, что если бы говорящий действительно вводил десигнат в язык таким образом, то в силу самого языкового акта он был бы в состоянии сказать: «Я знаю, что *Fa*», но тем не менее «*Fa*» будет выражать случайную истину (при условии, что *F* не является сущностным свойством уникального объекта, который им обладает). Во-первых, это показало, что эпистемические вопросы должны быть отделены от вопросов необходимости и случайности, и что фиксировать референцию не означает давать синоним. Что более важно, эта ситуация показала, что данные, обычно приводимые, чтобы показать, что имена были синонимичными

дескрипциям, могли бы быть рационализированы этой гипотетической моделью. Кроме того, модель удовлетворила нашей интуиции жесткости. Учитывая это, бремя аргументации, похоже, ляжет на философа, который захочет отрицать нашу естественную интуицию жесткости. Как я сказал выше, дальнейшее наблюдение, что обычно говорящие даже не фиксируют референции определением дескрипций обычного типа, пришло позже.

Скажу кое-что кратко о «возможных мирах».^{*16} (Я надеюсь развить эту тему в другом месте). В настоящей монографии я выступал против тех злоупотреблений понятием, которые рассматривают возможные миры как нечто вроде далеких планет, или как наше собственное окружение, но существующее в другом измерении, или приводят к ложным проблемам «трансграничной идентификации». Кроме того, если вы хотите избежать *Weltangst* (прим. пер.: *избежать страха перед «возможными мирами»*) и философских путаниц, которые многие философы связали с терминологией «миров», я рекомендовал бы, чтобы «возможное состояние (или история) мира» или «контрфактическая ситуация» были бы лучше. Следует напомнить себе, что терминологию «миров» часто можно заменить модальным разговором - «Возможно, что...»

Но я не хочу оставлять какое-либо преувеличенное впечатление, что я вообще отказываюсь от возможных миров, или даже что я считаю их просто формальным аппаратом. Мое собственное использование «возможных миров» должно было быть достаточно обширным, чтобы исключить такое недоразумение. На самом деле, есть концепции «возможных миров», которые я отвергаю, и которые - нет. Аналогия из школы - по сути, это не просто аналогия - поможет прояснить мою точку зрения. Две обычные игральные кости (назовите их кость А и кость В) выкидываются, отображая два числа лицом вверх. Для каждой кости существует шесть возможных результатов. Следовательно, имеется тридцать шесть возможных состояний пары костей, поскольку показанные лицевой стороной числа связаны, хотя только одно из этих состояний соответствует тому, как кости фактически выпадут. Мы все учили в школе, как вычислить вероятности различных событий (предполагая равновероятность состояний). Например, поскольку есть только два состояния - (кость А: 5; кость В: 6) и (кость А: 6; кость В: 5) - это дает общий выброс одиннадцати, вероятность выброса одиннадцати составляет $2/36=1/18$.

Теперь, выполняя эти школьные упражнения по вероятности, мы фактически с малого возраста были введены в набор (миниатюрных) «возможных миров». Тридцать шесть возможных состояний кубиков - это буквально тридцать шесть «возможных миров», если мы (фиктивно) игнорируем все о мире, кроме двух кубиков и того, что они показывают (и игнорируем тот факт, что одного или обоих кубиков могло не существовать). Только один из этих мини-миров - тот, который соответствует тому, как в действительности выпадут кости, - это «реальный мир», но другие представляют интерес, когда мы спрашиваем, насколько вероятным или невероятным был фактический результат (или будет). Благодаря этому элементарному случаю можно избежать некоторых путаниц.

---

^{*16} Некоторые из худших ошибочных интерпретаций жесткости употреблялись бы куда меньше, если бы соответствующие философские дискуссии проводились в контексте строгого представления в терминах «возможной семантики мира». Я не делал этого в настоящей монографии, потому что я не хотел сильно оспаривать аргумент о формальной модели и потому, что я хотел, чтобы работа была скорее философской, чем технической. Для читателей, которые хорошо знакомы с интенциональной семантикой, грубая схема изложения моих взглядов в этих терминах должна быть ясной без явного развития. Тем не менее, некоторые недоразумения концепции жесткости, включая некоторые аспекты, упомянутые в этом предисловии, привели меня к мысли, что техническое представление может устранить некоторые заблуждения. В конечном счете соображения времени и пространства заставили меня принять решение не включать такие материалы, но возможно я дам такое формальное изложение в другом месте.

Мы предположили, что кости действительно выпадают, что выпадает одно из тридцати шести состояний. Теперь «реальный мир» в данном случае - это состояние костей, которое фактически реализуется. Другой сущностью, более «конкретной», чем это состояние, является физическая сущность Lesniewski-Goodman, которая является «суммой» двух костей. Эта сложная физическая сущность («кубик», мысль об одном объекте) передо мной на столе после броска, и ее фактическое положение определяет фактическое состояние (двух) костей. Но когда мы говорим в школе о тридцати шести возможностях, нам совершенно не нужно полагать, что есть еще тридцать пять других сущностей, существующих в каком-то никогда не существовавшем мире, соответствующих физическому объекту передо мной. Нам также не нужно спрашивать, состоят ли эти фантомные сущности из (фантомных) «двойников» реальных отдельных костей или каким-то образом состоят из одних и тех же отдельных костей, но в «другом измерении». Тридцать шесть возможностей, которые включены в настоящее время, являются (абстрактными) *состояниями* костей, а не сложными физическими объектами. Также ни один школьный ученик не получит высоких оценок за вопрос «Как мы узнаем, в состоянии, где на А выпало 6 и на В выпало 5, 6 выпало на кости А или В? Разве нам не нужен «критерий идентичности состояний между мирами», чтобы идентифицировать кость с 6 (а не кость с 5) с нашей костью А? Разумеется, ответ состоит в том, что состояние (кость А: 6; кость В: 5) дается как таковое (и отличается от состояния (кость А: 5; кость В: 6)). Необходимость в каком-то дополнительном «критерии идентичности состояний между мирами» настолько сомнительна, что ни один компетентный школьник не будет настолько извращенным философом, чтобы его вводить. «Возможности» просто не даются чисто качественно (как то одна кость: 6, другая: 5). Если бы это было так, была бы только двадцать одна возможность, а не тридцать шесть. И состояния не являются фантомными парами костей, которые были бы видны издали, о которых мы можем поднимать эпистемически значимые вопросы вида: «которая это кость?» Кроме того, когда мы рассматриваем такие качественно одинаковые состояния как (А: 6, В: 5) и (А: 5, В: 6) как разные, нужно полагать, что А и В качественно различимы в каком-то другом отношении, скажем, в цвете. Напротив, для целей задачи с вероятностями численное выражение показано как будто это единственное свойство каждой кости. Наконец, при создании этого невинного маленького упражнения, касающегося выпадения костей, с возможностями, которые не описываются исключительно качественно, мы не устраиваем никаких неясных метафизических обязательств костям, как «пустым деталям», что бы это ни значило.^{*17}

«Возможные миры» - это нечто большее, чем мини-миры школьной вероятности, ставшие большими. Это правда, что в общем понятии есть проблемы, которые не связаны с миниатюрным вариантом. Миниатюрные миры жестко контролируются как по отношению к объектам (две кости), так и к соответствующим свойствам (число показано на верхней стороне) и, таким образом, имеет место идея вероятности. «Возможные миры» - это тотальные «пути, которыми мог бы развиваться мир», или состояния или истории *всего* мира. Размышления о совокупности всего этого связаны с гораздо большей идеализацией и более ошеломляющими вопросами, чем менее амбициозный аналог начальной школы. Разумеется, философ «возможных миров» должен заботиться о том, чтобы его технический аппарат не заставлял его задавать вопросы, смысл которых не

---

^{*17} Что касается возможных состояний всего мира, я не хочу категорически утверждать, что, как и в случае с костями, есть качественно идентичные, но отдельные (контрфактические) состояния. Я утверждаю, что у меня есть философский аргумент, исключаящий качественно идентичные, но различные миры, он не может быть основан просто на предположении, что миры должны быть обусловлены чисто качественно. То, что я защищаю, - это уместность введения возможных миров, как конкретных, так и описываемых качественно, независимо от того, действительно ли существуют качественно идентичные, но разные миры.

подтверждается нашими первоначальными интуициями возможности, которые придают аппарату его смысл. Кроме того, на практике мы не можем описать полный контрфактический ход событий и не нуждаемся в этом. Практическое описание того, насколько «контрфактическая ситуация» отличается соответствующим образом от реальных фактов, является достаточной; «контрфактическую ситуацию» можно было бы назвать мини-миром или мини-состоянием, ограниченными чертами мира, имеющими отношение к проблеме. На практике это предполагает меньшую идеализацию как для рассмотрения целых мировых историй, так и для рассмотрения всех возможностей. Однако для настоящих целей элементарный аналог дает прекрасную модель для соответствующих норм поведения относительно «возможных миров». В принципе нет ничего плохого в принятии этих принципов для философских или технических целей, как (абстрактных) сущностей - чистота школьного аналога должна смягчать любые тревоги на этот счет.^{*18} (Действительно, общее понятие «пространства выборки», которое составляет основу современной теории вероятностей, справедливо только для такого пространства возможных миров.) Однако нам следует избегать ловушек, которые кажутся гораздо более заманчивыми для философов с их великими мирами, чем у школьников с их скромными версиями. Нет никаких оснований полагать, что возможные миры должны быть даны качественно или что существует какая-либо настоящая проблема «трансграничной идентификации» - тот факт, что задействуются более крупные и более сложные состояния, чем в случае с игральными костями, не имеет никакого значения. «Фактический мир» - лучше, реальное состояние или история мира - не следует путать с огромным рассеянным объектом, который нас окружает. Последний также можно было бы назвать «(подлинным) миром», но здесь он не является уместным. Таким образом, возможные, но не подлинные миры не являются фантомными дубликатами «мира» в этом другом смысле. Возможно, такие путаницы были бы менее вероятными, но терминологическая катастрофа была вызвана использованием «возможных миров», а не «возможных состояний» или «восстановленных версий» мира, или «контрафактических ситуаций». Конечно, этого можно было бы избежать, если бы философы придерживались общепринятых практик школьников и специалистов по теории вероятности.^{*19}

Последний вопрос: некоторые критики моих доктрин и некоторые приверженцы, похоже, читали их как утверждение или, по крайней мере, подразумевающее под собой учение о всеобщем замещении собственных имен. Можно сказать, что предложение с «Цицероном» в нем выражает то же самое «высказывание», что и соответствующее с

---

^{*18} Я не думаю о «возможных мирах» как о предоставляющих редуцированный анализ в любом философски значимом смысле, то есть как о раскрытии конечной природы, будь то с эпистемологической или метафизической точки зрения, модальных операторов, предложений и т.д., или как об их «объяснении». В фактическом развитии нашей мысли, суждения, включающие явно выраженные модальные обороты речи («возможно, это был случай, в котором...»), конечно, встречались и раньше. Понятие «возможного мира», хотя оно и имеет свои корни в различных обычных представлениях о том, каким мог бы быть мир, приходит к значительно большему и развитому уровню абстракции. На практике никто, кто не может понять идею возможности, скорее всего, не поймет и идею «возможного мира». Философски, мы ни в коем случае не должны предполагать, что один тип дискурса «приоритетнее» другого, независимо от целей. Основная и главная мотивация «анализа возможных миров» - и способ, которым она вносит ясность в модальную логику - заключается в том, что она позволяет рассматривать модальную логику с помощью тех же теоретико-множественных методов теории моделей, которые оказались настолько успешными в применении к экстенциональной логике. Это также полезно для уточнения некоторых понятий.

Повторяя еще один момент: понятие всего состояния всего мира, которое возможно в самом широком (метафизическом) смысле, связано с определенной идеализацией, а также с философскими вопросами, которые я не обсуждал. Если мы ограничиваем миры более узким классом мини-миров, по существу все вопросы, касающиеся, скажем, жестких десигнатов, остаются прежними. Так же обстоят дела и с вопросами модальной семантики.

^{*19} Сравните, например, «умеренный реализм» относительно возможных миров Robert Stalnaker, 'Possible Worlds', *Nous*, том 10 (1976), стр. 65-75.

«Туллийем»; что верить высказыванию, выраженному первым предложением, значит верить высказыванию, выраженному вторым предложением, или что для всех семантических целей они эквивалентны. Кажется, Рассел придерживался такой точки зрения на «логически правильные имена», и кажется, что это похоже на картину именованности по Миллю, где только референт имени вносит свой вклад в то, что выражается. Но я (и, насколько я знаю, даже Милль^{*20}) никогда не собирался заходить так далеко. Мое мнение, что английское предложение «Геспер – это Фосфор» иногда может быть использовано для поднятия эмпирической проблемы, в то время как «Геспер – это Геспер» не может показать, что я не рассматриваю предложения как полностью взаимозаменяемые. Далее, это указывает на то, что способ фиксации референции релевантен нашему эпистемическому отношению к высказанным предложениям. Как это относится к вопросу о том, что «высказывания» выражаются этими предложениями, являются ли эти «высказывания» объектами знания и убеждений, и в целом, как рассматривать имена в эпистемических контекстах – неприятные вопросы. У меня нет «официальной доктрины» по отношению к ним, и на самом деле я не уверен, что аппарат «высказываний» не разрушается в этой области.^{*21} Поэтому я обошел такие вопросы; в моих словах не должна читаться никакая твердая доктрина в отношении этого пункта.

---

^{*20} Michael Lockwood («On Predicating Proper Names», *The Philosophical Review*, т. 84, № 4, октябрь 1975 г., стр. 471-498) указывает (стр. 491), что Милль не считает, что «Цицерон - это Туллий» означает то же, что «Цицерон - это Цицерон», а скорее придерживается мнения, что это означает, что «Цицерон» и «Туллий» являются соразмерными. Он указывает (стр. 490), что Милль видит такой металингвистический компонент во всех утверждениях, связанных с именами. Я еще не исследовал толкование Милля, поэтому я не имею представления о его точной доктрине.

^{*21} Причины, по которым я нахожу эти вопросы настолько оскорбительными, можно найти в моей «A Puzzle About Belief», в «Meaning and Use» (изд. А. Margalit), Reidel, 1979, стр. 239-283. Конечно, может быть более одного понятия «высказывания», в зависимости от требований, которые мы предъявляем к понятию. Тезис о жесткости, конечно, подразумевает взаимозаменяемость соразмерных имен (codesignative) в модальных контекстах, с учетом обычной оговорки о возможном несуществовании.

Что касается жесткости: во многих местах, как в этом предисловии, так и в тексте этой монографии, я сознательно игнорирую тонкие вопросы, связанные с возможным отсутствием объекта. Я также игнорирую различие между жесткостью *de jure*, где референция десигната обуславливается единым объектом, независимо от того, говорим ли мы о реальном мире или о контрфактической ситуации и просто «*de facto*» жесткости, где описание «*x*, для которого *Px*» использует предикат «*P*», который в каждом возможном мире относится к одному и тому же уникальному объекту (например, «наименьшее простое» жестко обозначает число два). Ясно, что мой тезис об именах состоит в том, что они жесткие *de jure*, но в монографии я удовлетворен более слабым утверждением жесткости. Поскольку имена жесткие *de jure* – см. стр. 78 (прим.пер.: оригинала) - я говорю, что собственное имя жестко обозначает его референт, даже когда мы говорим о контрфактических ситуациях, где этот референт не существовал бы. Таким образом, затрагиваются вопросы о несуществовании. Разные люди убедили меня, что все эти вопросы заслуживают более тщательного обсуждения, чем я предоставил в монографии, но я должен оставить их здесь.

Лекция 1. 20 января 1970 г.¹

Я надеюсь, что некоторые люди увидели связь между двумя темами в названии. В ином случае, такие связи будут развиваться в ходе наших бесед. Кроме того, из-за использования инструментов, включающих в себя референции и необходимость из современной аналитической философии, наши взгляды на эти темы действительно имеют более широкие последствия для других проблем в философии, которые традиционно могут считаться далекими от темы. Например, аргументы по проблеме разума и тела (mind-body problem) или по так называемой теории идентичности (identity thesis). В настоящее время материализм в таком виде часто используется в решении очень запутанных вопросов вроде тех, что необходимо и вероятно в идентичности свойств. Так что для философов, которые захотят работать во многих областях, действительно будет очень важным разобраться в этих концепциях. Возможно, я скажу кое-что о проблеме разума и тела в ходе этих лекций. Также я хочу найти время поговорить (я не знаю, будет ли у меня возможность) о субстанциях и естественных видах.

То, как я подхожу к этим вопросам, будет, в некотором роде, сильно отличаться от мнения других людей. Хотя здесь также есть некоторые точки соприкосновения с идеями, о которых люди пишут в наши дни, и если я не упомяну кого-то на неофициальных беседах, как сегодняшняя, я надеюсь, меня простят². Некоторые из моих взглядов поначалу могут показаться ошибочными. Мой любимый пример (который я не буду обосновывать на лекциях, все равно он никого не убеждает): в современной философии принято считать, что существуют определенные предикаты, которые хоть и являются фактически пустыми, - имеют нулевое расширение - имеют это свойство, как случайный факт, а не как необходимость. Здесь я не буду об *этом* спорить, но примером, который обычно вспоминают, является пример *единорога*. Говорят, что хотя мы и узнали, что

---

¹ В январе 1970 года я дал три расшифрованные здесь лекции в Принстонском университете. Чтобы прояснить стилистику расшифровки, я читал эти лекции без какого-либо написанного заранее текста. Настоящий текст слегка отредактирован с *дословной* записи. Несколько предложений были добавлены, чтобы раскрыть мысли, несколько предложений были переписаны, но не было предпринято каких-либо попыток изменить подачу информации оригинала. К оригиналу было добавлено много сносок, но некоторые из них действительно обсуждались на лекциях.

Я надеюсь, читатель будет помнить об этих моментах во время чтения текста. Представление о том, что текст произносится устно, с расстановкой соответствующих пауз и акцентов, иногда может облегчать понимание. Я согласился опубликовать лекции в таком виде с некоторыми оговорками. Отведенное на лекции время и неформальный стиль требовали некоторого сжатия аргументации, отсутствие возможности рассматривать некоторые возражения и т.п. В частности, в заключительных разделах, посвященных научной идентичности (scientific identities) и проблеме разума-тела, пришлось пожертвовать тщательностью. Некоторые обсуждавшиеся здесь темы, важные для полного представления картины, особенно утверждения о существовании (existence statements) и тема о пустых наименованиях (empty names), были полностью опущены. Кроме того, неформальность лекций, возможно, могла принести в жертву ясность в определенных вопросах. В интересах более ранней публикации все эти недостатки были приняты. Я надеюсь, что у меня будет возможность проделать более тщательную работу в будущем. Повторяю, я надеюсь, что читатель учтет, что он в целом читает неформальные лекции, не только когда он сталкивается с повторениями или нелепостями, но также и когда он сталкивается с непочтительностью или шутками.

² Т.к. у меня есть возможность добавить сноску, я должен упомянуть [Rogers Albritton](#), [Charles Chastain](#), [Keith Donnellan](#), и [Michael Slote](#) (в дополнение к философам, упомянутым в тексте, особенно [Хилари Патнэм](#)). Они независимо высказали свои взгляды, у которых имеются точки соприкосновения с различными аспектами того, о чем я говорю в этих лекциях. Albritton обратил внимание на проблемы необходимости и *приоритетности* у естественных видов, подняв вопрос о том, могли бы мы обнаружить, что лимоны не являются фруктами (Я не уверен, что он согласится со всеми моими выводами). Я также важность ранних разговоров с Albritton и [Peter Geach](#) о сущности происхождения (the essentiality of origins). Извинения на этом не заканчиваются. Я знаю, что список в этой сноске далеко не исчерпывающий. Я не пытаюсь перечислить здесь всех тех друзей и учеников, чьи стимулирующие беседы помогли мне. [Томас Нагель](#) и [Gilbert Harman](#) заслуживают особой благодарности за помощь в редактировании расшифровки стенограммы.

единорогов не бывает, они, конечно же, *могли бы* существовать. При определенных обстоятельствах единороги *существовали бы*. И это пример того, что, на мой взгляд, не является таковым. Как мне кажется, не стоит помещать правду в рамки высказывания, что попросту необходимо, чтобы не было никаких единорогов, но мы не можем сказать, при каких именно обстоятельствах единороги существовали бы. Кроме того, я думаю, что даже если бы археологи или геологи обнаружили завтра какие-нибудь окаменелости, убедительно показывающие существование в прошлом животных, удовлетворяющих всему, что мы знаем о единорогах из мифов, это не доказало бы, что единороги существовали. Сейчас я не знаю, будет ли у меня возможность обосновать свою точку зрения, но это – один из удивительных примеров (На самом деле я проводил семинар в этом учреждении, где в течении нескольких выступлений говорил об этой точке зрения). Итак, некоторые мои утверждения несколько удивляют; но давайте начнем с некоторой области, которая не так удивительна и знакомит нас с методологией и проблематикой настоящих лекций.

Первая тема – именование. Под именем здесь я буду иметь в виду имя собственное, т.е. имя человека, города, страны,... Хорошо известно, что современные логики также очень заинтересованы в точных дескрипциях: фразы в виде «*x* такое, что *φx*», например «человек, который совратил Гедлиберг» (*прим. пер.: рассказ Марка Твена*). Так что теперь, если один и только один человек когда-либо совратил Гедлиберг, то он является референтом, в логическом смысле этого описания. Мы будем использовать термин «имя», чтобы он *не включал* в себя определенные дескрипции такого рода, но только те вещи, которые на обычном языке назывались бы «собственными именами». Если мы хотим, чтобы общий термин охватывал и имена, и описания, мы можем использовать термин «десигнат» (*прим.пер.: обозначение, указатель, designator*).

Donnellan³ выдвинул идею о том, что при определенных обстоятельствах конкретный человек может использовать в речи определенную дескрипцию для референции не к соответствующему референту (в том смысле, как я только что его определил в описании), но к чему-то еще, на что этот человек хочет указать, что, по его мнению, является правильным референтом описания, но на самом деле это не так. Поэтому вы можете сказать: «Тот человек с шампанским в стакане счастлив», хотя на самом деле у него только вода в стакане. Теперь, хотя в бокале того человека нет

---

³[Keith Donnellan](#), 'Reference and Definite Descriptions', *Philosophical Review* 7S (1966), pp. 281-304 ([ссылка на статью](#)). См. также [Leonard Linsky](#), 'Reference and Referents', *Philosophy and Ordinary Language* (ed. Caton), University of Illinois Press, Urbana, 1963. Различие Доннеллана кажется применимым как к именам, так и к дескрипциям. Двое мужчин мельком замечают кого-то на расстоянии и думают, что это Джонс. - «Что делает Джонс?» - «Гребет листву». Если этот человек на самом деле оказывается Смит, то в некотором смысле они *ссылаются* на Смита, хотя оба они используют «Джонс» *как имя* Джонса. В тексте я говорю о «референте» имени имея в виду конкретно то, что названо этим именем, например, Джонсом, а не Смитом, даже если говорящий иногда может заявлять, что имя используется для обозначения кого-то другого. Возможно, было бы менее ошибочным, использовать технический термин, например «указывать» (*denote*), а не «ссылаться» (*refer*). Мое использование термина «ссылаться» таково, чтобы удовлетворялась схема: «Референт некоторого "X" является X», где «X» можно заменить любым именем или дескрипцией. Я склонен полагать, в противовес Доннеллану, что его замечания относительно референции имеют мало общего с семантикой или условиями истинности, хотя они могут иметь отношение к теории речевых актов. Ограничения по объему работы (*прим.пер.: как предложил Google Translate: просто-таки «Космические ограничения»*) не позволяют мне пояснить, что я имею в виду под этим, тем более обосновать свою точку зрения, за исключением краткого замечания: Назовите референта имени или дескрипцию в моем смысле «семантический референт»; для имени, это будет именуемая вещь, а для дескрипции - вещь, однозначно удовлетворяющая описанию.

Далее, говорящий может *ссылаться* на нечто иное, нежели на семантический референт, если у него есть соответствующие ложные убеждения. Я думаю, это как раз то, что происходит при именовании (Смит-Джонс), а также в случае с «шампанским» Доннеллана; один случай не требует теории неоднозначности имен, а другой случай не требует модификации теории дескрипций Рассела.

шампанского, и в комнате может быть еще один человек, у которого в бокале есть шампанское, говорящий *намерился* указать, или, может быть, в каком-то смысле слова «указывать», *указал* на человека, у которого, как он думал, было шампанское в стакане. Тем не менее, я просто собираюсь использовать термин «референт дескрипции» для обозначения объекта, однозначно удовлетворяющего условиям определенной дескрипции. Это тот смысл, в котором термин используется в традиции логики. Итак, если у вас есть дескрипция в виде « x такое, что ϕx », и существует ровно одно x такое, что ϕx , то это референт дескрипции.

И так, какая же связь между именами и дескрипциями? Существует хорошо известная теория Джона Стюарта Милля (в его книге «*A System of Logic*» - *пер.: скорее всего имеется ввиду «Система логики силлогистической и индуктивной», [статья о книге, книга](#)*), согласно которой имена имеют денотаты, но не имеют сопутствующих обозначений, коннотаций. Возьмем один из его примеров. Мы будем использовать имя «Дартмут» для описания определенного города в Англии, который так назван, потому что он лежит в устье реки Дарт. Но даже если бы, по словам Милля, река Дарт изменила курс так, что Дартмут больше не лежал бы в устье Дарт, мы все еще могли бы называть это место «Дартмут», хотя из названия можно предположить, что это место и лежит в устье Дарт. Изменяя терминологию Милля, возможно, мы должны сказать, что у какого-то имени, такого как «Дартмут», *есть* «коннотация» для некоторых людей, а именно, это имя имеет значение (не для меня - я никогда не думал об этом), что любое место под названием «Дартмут» располагается в устье Дарт. Но тогда в какой-то степени оно не имеет «смысла». По крайней мере, это не часть *значения* названия «Дартмут», говорящая о том, что названный город лежит в устье Дарт. Кто-то, кто сказал бы, что Дартмут не лежал в устье Дарт, не противоречил бы себе.

Не следует думать, что каждая фраза вида « x , такое, что Fx » всегда используется в английском языке как дескрипция, а не как имя. Я думаю, все слышали о Священной Римской империи, которая не была ни священной, ни римской, ни империей. Сегодня у нас есть Организация Объединенных Наций. Казалось бы, поскольку эти вещи могут быть так называемыми, хотя они и не являются Священной Римской Организацией Объединенных Наций, эти фразы следует рассматривать не как определенные дескрипции, а как имена. В некоторых условиях у людей могут возникнуть сомнения относительно того, являются ли они именами или дескрипциями; как, например, «Бог» - описывает ли оно Бога как уникальное божественное существо, или это имя Бога? Но такие случаи не должны нас сильно беспокоить.

Здесь я делаю различие, которое, безусловно, делается в языке. Но классическая традиция современной логики выступила с резкой критикой взглядов Милля. Фреге и Рассел оба считали и, казалось, пришли к этим выводам независимо друг от друга, что Милль ошибался в очень важном положении: действительно, правильное имя, правильно используемое, было просто определенной дескрипцией, сокращением или маской. Фреге специально отметил, что такое описание давало смысл имени.⁴

---

⁴Строго говоря, разумеется, Рассел утверждает, что имена не сокращают дескрипции и не имеют никакого смысла; но затем он также говорит, что только потому, что те сущности, которые мы называем «именами», сокращают дескрипции, они и не являются именами. Итак, поскольку «Уолтер Скотт», по словам Рассела, сокращает дескрипцию, «Вальтер Скотт» - это не имя. И единственные имена, которые действительно существуют в обычном языке, возможно, являются указателями, такими как «это» или «это», которые использовались в конкретный момент для обозначения объекта, с которым говорящий «знаком» в смысле Рассела. Хотя мы не будем говорить так, как предлагает Рассел, мы могли бы рассказать Расселу, что имена, как их обычно называют, имеют смысл. У них есть здравый смысл, а именно, мы должны иметь возможность дать точную дескрипцию таким образом, чтобы референтом имени, по определению, был объект, удовлетворяющий дескрипции. Сам Рассел, так как он исключает дескрипции из своей примитивной

Сейчас причины против взгляда Милля и в пользу альтернативных взглядов, принятых Фреге и Расселом, действительно очень сильны; это трудно понять, - хотя можно с подозрением относиться к этой точке зрения, потому что имена не кажутся замаскированными дескрипциями - как взгляды Фреге-Рассела или какой-то другой схожий вариант могут оказаться неподходящими.

Позвольте мне привести пример некоторых аргументов, которые кажутся убедительными, в пользу взглядов Фреге и Рассела. Основная проблема для любого взгляда, как взгляды Милля, заключается в том, каким образом мы можем определить, что именно является референтом имени, которое использует данный говорящий. Согласно дескрипции, ответ ясен. Если «Джо Доукс» просто сокращение для «человека, который совратил Гедлиберг», то тот, кто именно совратил Гедлиберг, является референтом имени «Джо Доукс». Однако если для имени *нет* такого дескриптивного содержания, то каким образом люди вообще используют имена для обозначения вещей? Ну, они могут быть в состоянии указать на некоторые вещи и, таким образом, наглядно определить референции для определенных имен. Это была доктрина Рассела о наглядном знакомстве (*doctrine of acquaintance*), согласно которой, как он считал, даются так называемые подлинные имена или имена собственные. Но, конечно, обычные имена относятся ко всем типам людей, вроде Уолтера Скотта, на которого у нас нет возможности указать. И наша референция здесь, по-видимому, определяется нашими знаниями об этих людях. Все, что мы знаем о них, определяет референт имени как уникальную вещь, удовлетворяющую этим свойствам. Например, если я использую имя «Наполеон», и кто-то спрашивает: «На кого вы указываете?», Я отвечаю что-то вроде: «Наполеон был императором французов в начале девятнадцатого века; он был, в конечном счете, побежден при Ватерлоо», таким образом, давая однозначно идентифицирующую дескрипцию, чтобы определить референт имени. Затем, Фреге и Расселл дают естественное объяснение того, как здесь определяется референция; Милль, похоже, ничего не дает.

Существуют вспомогательные аргументы, которые, хотя они основываются на более специализированных проблемах, также являются поводом для принятия такого взгляда. Во-первых, иногда мы можем обнаружить, что два имени имеют один и тот же референт и выражают это идентичным образом. Так, например (я думаю, это банальный пример), вечером вы видите звезду, она называется «Геспер». (Это то, как мы называем ее вечером, верно? - Надеюсь, это не так.) Мы видим звезду утром и называем ее «Фосфор». Итак, на самом деле мы обнаруживаем, что это не звезда, а планета Венера, и что Геспер и Фосфор на самом деле одно и то же. Поэтому мы выражаем это так: «Геспер - это Фосфор». Здесь мы, конечно, не просто говорим о том, что объект идентичен себе. Это то, что мы обнаружили. Можно естественным образом сказать, что реальное содержание состоит в том, что звезда, которую мы видели вечером, - это звезда, которую мы увидели утром (или, точнее, то, что мы видели вечером, - это то, что мы увидели утром). Таким образом, это дает реальный смысл рассматриваемому выражению идентичности; и анализ в терминах дескрипций делает это.

Также мы можем поставить вопрос о том, имеет ли имя вообще какую-либо референцию, когда мы спрашиваем, например, существовал ли Аристотель. Здесь кажется естественным думать, что то, что ставится под сомнение, заключается не в том, существует ли эта *вещь* (человек). Как только у нас *появляется* эта вещь, мы знаем, что она существует. В чем действительно заключается вопрос, отвечает ли что-либо тем

нотации, кажется, в работе «Об обозначении», говорит, что понятие «смысл» иллюзорно. Подытоживая взгляды Рассела, мы, таким образом, отклоняемся от него в двух моментах. Во-первых, мы указываем, что «имена» должны быть именами, которые обычно задумываются, а не «логически правильные имена» по Расселу. Во-вторых, мы рассматриваем дескрипции и их аббревиатуры, как имеющие смысл.

свойствам, которые мы связываем с именем, - в случае Аристотеля, какой-либо один греческий философ создал определенные работы или, по крайней мере, приемлемое их количество.

Было бы неплохо ответить на все эти аргументы. Я не полностью представляю, как я могу понять каждую проблему такого рода, которая может быть поднята. Кроме того, я уверен, что у меня не будет времени обсудить все эти вопросы на наших лекциях. Тем не менее, я думаю, что совершенно очевидно, что подход Фреге и Рассела неверен⁵.

Многие люди говорили, что теория Фреге и Рассела ложна, но, на мой взгляд, они ушли от изложенной теории, но сохранили ее дух, а именно, они использовали идею концепции кластера (*cluster concept*). Что это такое? Очевидная проблема для Фреге и Рассела, которая сразу приходит в голову, уже упоминается самим Фреге. Он пишет:

*«По поводу того, что следует считать смыслом настоящих имен собственных, таких как, например, Аристотель, могут быть разные мнения. Можно, в частности, считать, что слово Аристотель имеет смысл "ученик Платона и учитель Александра Великого". Тот, кто придерживается такого мнения, извлечет из предложения Аристотель родился в Стагире не тот же самый смысл, который извлечет из него человек, считающий, что слово Аристотель имеет смысл "учитель Александра Великого, родившийся в Стагире". Но до тех пор, пока значение имени остается одним и тем же, подобные колебания смысла допустимы, хотя в языках точных наук их следует избегать. В идеальном языке неопределенность смыслов тоже нежелательна».*⁶

Итак, по словам Фреге, в нашем языке есть определенная слабость. Некоторые люди могут придать один смысл имени «Аристотель», другие могут придать другой. Но, конечно, дело не только в этом; даже один говорящий, когда его спрашивают: «Каким описанием вы хотите заменить имя?» может оказаться в недоумении. На самом деле, он может знать много фактов про Аристотеля; но каждый отдельный факт, который он знает, как ему кажется, может явно выражать случайное свойство объекта. Если бы «Аристотель» означал человека, который учил Александра Великого, то сказать: «Аристотель был учителем Александра Великого», было бы простой тавтологией. Но, конечно же, это не так; это выражает тот факт, что Аристотель учил Александра Великого, что-то, что мы можем обнаружить, что может быть ошибочным. *Итак, быть учителем Александра Великого не может быть частью значения имени.*

Самый распространенный выход из этой трудности - сказать: «На самом деле, то, что в обычном языке мы не можем заменить имя конкретной дескрипцией, не является недостатком; все нормально. То, что мы действительно связываем с именем, - это семейство дескрипций». Хороший пример этого был (если получится найти) в *Philosophical Investigations*, где идея групповых сходств вводится и обладает большой силой.

---

⁵Когда я говорю о взглядах Фреге-Рассела и их вариантах, я включаю только те версии, которые имеют самостоятельную теорию референций имен (*theory of the reference of names*). В частности, предложение Куайна о том, что в «канонической нотации» имя, такое как «Сократ», должно быть заменено дескрипцией «Сократствующий» (где «Сократствовать» является изобретенным предикатом), и что дескрипция должна быть устранена по методу Рассела, не был предназначен как теория референций для имен, а как предполагаемая реформа языка с определенными преимуществами. Обсуждаемые здесь проблемы будут применяться, *mutatis mutandis* (с заменой того, что подлежит замене; с учетом соответствующих различий), к реформированному языку; в частности, вопрос: «Как определяется референция на «Сократа»?» приводит к вопросу: «Что подразумевается под выражением «Сократствовать»?» Конечно, я не предполагаю, что Куайн когда-либо утверждал обратное.

⁶ Перевод из http://pcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/35/35_15FREGE.pdf Г.Фреге «Смысл и денотат», примечание 2 на стр.354.

Рассмотрим такой пример. Если кто-то говорит, что «Моисей не существует», это может означать разные вещи. Это может означать «у израильтян не было *единого* лидера, когда они выходили из Египта», или «их лидера не называли Моисей», или «не было бы никого, кто бы совершил все, что Библия говорит о Моисее»... Но когда я делаю утверждение о Моисее, всегда ли я готов подставить какое-то *одно* из этих описаний для «Моисея»? Возможно, мне лучше сказать: под «Моисеем» я понимаю человека, который сделал то, что Библия говорит о Моисее, или, во всяком случае, о большей части из этого. Но сколько именно? Разве я указал, сколько деяний должны оказаться ложными, чтобы я отказался от моего предложения как ложного? Имеет ли для меня имя Моисей фиксированное и недвусмысленное использование во всех возможных случаях?⁷

Согласно этой точке зрения, и *locus classicus* (прим. пер.: *основное свидетельство по данному вопросу*) в статье Сёрла «[Proper Names](#)»⁸, референт имени определяется не одной дескрипцией, а некоторым кластером или семейством. Любая достаточно удовлетворяющая часть этого семейства, или же его большая часть, является референтом имени. Я вернусь к этой точке зрения позже. Как с анализом обычного языка, это может показаться более правдоподобным, чем теория Фреге и Рассела. Может показаться, что такой подход сохраняет все достоинства и устраняет недостатки их теории.

Позвольте мне заметить (и это приводит нас к другой новой теме, прежде чем я действительно приступлю к рассмотрению теории именования), что есть два способа, которыми можно рассматривать теорию концепции кластера или даже теорию, требующую только одной дескрипции. Один из способов ее рассмотрения говорит о том, что кластер или одна дескрипция фактически задает значение имени; и когда кто-то говорит «Вальтер Скотт», он имеет в *виду человека такого-то и такого-то*.

Другой способ говорит о том, что хотя дескрипция в некотором смысле не дает нам значения имени, она *определяет референцию имени*. И хотя фраза «Вальтер Скотт» не является синонимом «человека, такого-то и такого-то», или даже семейства таких дескрипций (если что-то может быть синонимом к семейству), семья или единственная дескрипция - это то, что используется для определения того, к кому кто-то обращается, говоря «Вальтер Скотт». Конечно, если, услышав его убеждения относительно Уолтера Скотта, мы обнаружим, что они на самом деле куда ближе к Сальвадору Дали, тогда согласно этой теории референцией этого имени будет г-н Дали, а не Скотт. Я думаю, есть писатели, которые даже сильнее меня отрицают, что имена вообще имеют смысл, но все же используют этот пример для демонстрации того, как определяется референт имени. Хорошим примером является Пол Зифф ([Paul Ziff](#)), который говорит, что имена вообще не имеют смысла, что они в каком-то смысле не являются частью языка. Но все же, когда он говорит о том, как мы определяем, что такое референция имени, он приводит этот пример. К сожалению, у меня нет отрывка, о котором идет речь, но это то, что он говорит.⁹

---

⁷ Ludwig Wittgenstein, *Philosophical Investigations*, translated by G.E.M. Anscombe, MacMillan, 1953, §79.

⁸ John R. Searle, 'Proper Names', *Mind* 67 (1958), 166-73.

⁹ Наиболее детальная версия теории Зиффа о референции имен в виде кластера дескрипций изложена в статье «About God», *Philosophical Turnings*, Cornell University Press, Ithaca, и Oxford University Press, London, 1966, pp. 94-96. Более короткое изложение можно найти в «*Semantic Analysis*», Cornell University Press, Ithaca, 1960, pp. 102-05 (esp. pp. 103-04). Последний отрывок предполагает, что имена вещей, с которыми мы знакомы, следует рассматривать несколько иначе (используя непосредственное прямое указание и первоначальное присвоение имени, чем имена исторических фигур, где референция определяется кластером связанных дескрипций. На стр. 93 «*Semantic Analysis*» Зифф говорит, что «обычные строгие обобщения об именах собственных» невозможны; «кто-то может сказать, что по большей части ...» Тем не менее, Зифф четко заявляет, что теория кластера дескрипций является разумной для таких грубых утверждений, по

Разница между использованием этой теории как теории смысла и ее использованием в качестве теории референции станет понятнее далее. Но некоторая привлекательность этой теории теряется, если она не способна придавать смысл имени; для некоторых решений проблем, которые я только что упомянул, не будет правильным, или, по крайней мере, будет явно не правильным, если в описании не указывается значение имени. Например, если кто-то сказал, что «Аристотель не существует», это *означает*, что «нет человека, делающего то-то и то-то». Или в примере из Витгенштейна, «Моисей не существует», *означает* «ни один человек не делал того-то», который может зависеть (и на самом деле, я думаю, зависит) от использования рассматриваемой теории, как теории значения имени «Моисей», а не только как теории его референции. Ну, я не знаю. Возможно, все перечисленное должно быть наоборот: если «Моисей» означает то же, что и «человек, который делал то-то и то-то», то сказать, что Моисей не существовал, это все равно, что сказать, что человека, который делал то-то и то-то, не существует, то есть, что никто этого не делал. С другой стороны, если «Моисей» не является синонимом какой-либо дескрипции, то даже если его референция в некотором смысле определяется дескрипцией, утверждения, содержащие имя, вообще не могут быть *проанализированы* путем замены имени дескрипцией, хотя они могут быть по факту эквивалентны утверждениям, содержащим дескрипцию. Поэтому анализ упомянутых выше высказываний о единичном существовании должен быть отброшен, если только он не будет подтвержден каким-либо специальным аргументом, не зависящим от общей теории значения имен; и то же самое относится к утверждениям об идентичности. В любом случае, я думаю, это ложно, что «Моисей существует» означает вообще все это. Так что мы не сможем увидеть, может ли быть составлен такой специальный аргумент.¹⁰

Прежде чем дальше углубляться в эту проблему, я хочу поговорить о другом различии, которое будет важно в методологии нашей беседы. Философы говорили (и, конечно же, в последние годы были значительные разногласия по поводу содержательности этих понятий) о различных категориях истины, которые называются «априорными», «аналитическими», «необходимыми», и иногда еще добавлявшимися сюда «определенными» (*прим. пер.: «a priori», «analytic», «necessary», «certain»*). Эти термины часто используются так, как *если бы* существовали объекты, соответствующие этим концепциям в интересующем нас вопросе, но мы можем также рассматривать их всех, как значащие одно и то же. Сейчас все помнят Канта (немного) определившего различие между «априорным» и «аналитическим». Так что, возможно, это различие все еще проводится. В современной дискуссии очень мало людей, если таковые имеются, различающих понятия утверждений априорных и утверждений необходимых. Во всяком случае, я не буду использовать здесь термины «априорный» и «необходимый», как взаимозаменяемые.

Рассмотрим, каковы традиционные характеристики таких терминов, как «априорный» и «необходимый». Во-первых, понятие о приоритетности – это понятие эпистемологии. Я предполагаю, что традиционная характеристика от Канта выглядит примерно так: априорные истины – это те, которые могут быть известны независимо от любого опыта. Это вводит еще одну проблему, прежде чем мы начнем, потому что в характеристике «априори» есть другая модальность, а именно, она предполагается чем-то, что *может* быть известно независимо от любого опыта. Это означает, что в некотором

крайней мере, для исторических фигур. Идеи Зиффа, что собственные имена обычно не являются словами языка и обычно не имеют смысла, см. стр. 85-89 и 93-94 «Semantic Analysis».

¹⁰Те детерминисты, которые отрицают важность личности в истории, вполне могут утверждать, что если бы Моисей никогда не существовал, кто-то еще мог бы достичь всего, что он сделал. Их требование нельзя опровергнуть, обратившись к правильной философской теории о значении выражения «Моисей существует».

смысле это *возможно* (независимо от того, действительно ли мы знаем или не знаем это независимо от какого-либо опыта) узнать независимо от какого-либо опыта. И возможно для кого? Для Бога? Для марсиан? Или просто для людей с такими умами, как у нас? Чтобы все это прояснить, придется ввести множество проблем, связанных с возможностью того, о чем здесь говорится. Поэтому лучше вместо использования фразы «априорная истина» (в той мере, в какой ее вообще используют) придерживаться вопроса о том, знает ли какой-то конкретный человек или знаток что-то априори или считает, что это верно на основе априорных свидетельств.

Я не буду углубляться в проблемы, которые могут здесь возникнуть в связи с понятием приоритетности. Скажу только, что некоторые философы каким-то образом меняют модальность в этой характеристике с *может* на *должен*. Они думают, что если что-то принадлежит сфере априорного знания, это невозможно узнать эмпирически. Это просто ошибка. Что-то может принадлежать к области таких утверждений, которые могут быть известны априори, но все же могут быть известны конкретным людям на основе опыта. Пример здравого смысла: любой, кто работал с вычислительной машиной, знает, что вычислительная машина может дать ответ на то, является ли такое-то число простым. Никто не подсчитал и не доказал, что число является простым; но машина дала ответ: это число является простым. Итак, если мы считаем, что число является простым, мы считаем так на основе нашего знания законов физики, построения машины и т.д. Поэтому мы не считаем так на основе сугубо априорных свидетельств. Мы считаем так (если вообще что-то в полной мере апостериори) на основе апостериорных данных. Тем не менее, возможно, это может быть известно априори кем-то, кто сделал необходимые вычисления. Так что «*может* быть известно априори» не означает «*должно* быть известно априори».

Вторая концепция, о которой идет речь, это необходимость. Иногда она используется эпистемологически и может означать «априори». И, конечно, иногда она используется физически, когда люди различают физическую и логическую необходимость. Но здесь меня интересует понятие, которое является понятием не эпистемологии, а метафизики, в некотором (я надеюсь) не уничижительном смысле. Мы спрашиваем, могло ли что-то быть правдой или могло быть ложью. Ну, если что-то ложно, это, очевидно, не неизбежно так. Если что-то истинно, могло ли оно быть иначе? Возможно ли, что в этом отношении мир должен был отличаться от того, какой он есть? Если ответ - «нет», то этот факт о мире - необходимый. Если ответ - «да», то этот факт о мире - случайный. Это само по себе не имеет ничего общего с чьим-либо знанием о чем-либо. Это, безусловно, философский тезис, и не вопрос очевидной эквивалентности определения: либо что все априори необходимо, либо все необходимое является априорным. Обе концепции могут быть неопределенными. Здесь возможна другая проблема. Но, во всяком случае, они имеют дело с двумя разными сферами, двумя разными областями, эпистемологической и метафизической. Рассмотрим, скажем, последнюю теорему Ферма - или гипотезу Гольдбаха. Гипотеза Гольдбаха гласит, что четное число, большее 2, должно быть суммой двух простых чисел. Если это так, это, по-видимому, необходимо. И, если оно ложно, по-видимому, с необходимостью ложно. Мы рассматриваем здесь классический взгляд на математику и предполагаем, что в математической реальности это либо истинно, либо ложно.

Если Гипотеза Гольдбаха ложна, то существует четное число, n , большее 2, такое, что не существует двух простых чисел p_1 и p_2 , меньших n , для которых $n = p_1 + p_2$. Если этот факт о числе n , если он истинный, возможно проверить непосредственными вычислениями, и, таким образом, факт будет необходимым, если результаты арифметических вычислений являлись необходимыми. С другой стороны, если Гипотеза истинна, то любое четное число больше 2, будет суммой двух простых чисел. Может ли тогда быть так, что, хотя на самом деле каждое такое четное число является суммой двух

простых чисел, может существовать такое четное число, которое не было бы суммой двух простых чисел? Что это будет значить? Такое число должно было бы быть одним из 4, 6, 8, 10, ...; и, по условию, поскольку мы предполагаем, что гипотеза Гольдбаха истинна, каждое из этих чисел будет суммой двух простых чисел, что может быть продемонстрировано непосредственными вычислениями. Таким образом, гипотеза Гольдбаха не может быть случайно верной или ложной; к какой бы из истин она не принадлежала с необходимостью.

Но, конечно, мы можем сказать, что прямо сейчас, насколько нам известно, вопрос возникнет в любом случае. Таким образом, в отсутствие математического доказательства, решающего этот вопрос, никто из нас не имеет априорных знаний об этом вопросе в любом из направлений. Мы не знаем, истинна или ложна гипотеза Гольдбаха. Поэтому прямо сейчас мы, конечно, ничего не знаем о ней априори.

Возможно, можно утверждать, что мы в принципе *можем* знать априори, верно ли это. Ну, может быть, мы сможем. Конечно, бесконечный ум, который может искать все числа, может или мог бы. Но я не знаю, способен ли на это конечный ум. Возможно, не существует каких-либо математических доказательств, которые разрешают гипотезу. Во всяком случае, это имеет место или же нет. Может быть, есть математическое доказательство, решающее этот вопрос; может быть, каждый математический вопрос разрешим интуитивным доказательством или опровержением. Так считал Гильберт; другие думали иначе; третьи считали этот вопрос некорректным, пока понятие интуитивного доказательства не будет заменено понятием формального доказательства в рамках одной формальной системы. Разумеется, ни одна формальная система не разрешает все математические вопросы, как мы знаем благодаря Геделю. Во всяком случае, и это важно, вопрос не тривиален; даже если кто-то сказал, что это необходимо, если вообще верно, что каждое четное число является суммой двух простых чисел, из этого не следует, что кто-то знает об этом априори. Я даже сомневаюсь, что последую дальнейшим философским аргументам (это интересный философский вопрос), что любой *может* знать что-либо априори об этом. «Может», как я уже сказал, связано с другой модальностью. Мы имеем в виду, что даже если никто в будущем не знает и не будет знать априори, правильна ли гипотеза Гольдбаха, в принципе есть способ, который *мог бы* использоваться, чтобы ответить на этот вопрос априори. Это утверждение не является тривиальным.

Таким образом, применяемые к утверждениям термины «необходимый» и «априорный» *не являются* банальными синонимами. Могут существовать философские аргументы, связывающие их, возможно, даже точно определяющие их; но требуются аргументы, а не просто наблюдение, что эти два термина явно взаимозаменяемы. (Далее я буду доказывать, что на самом деле они даже не являются соразмерными - что существуют и необходимые апостериорные истины, и случайные априорные истины).

Я думаю, люди могут считать, что эти два термина могут означать одно и то же, по следующим причинам:

Во-первых, если что-то истинно не только в реальном мире, но также истинно во всех возможных мирах, то, конечно, просто пробегая все возможные миры в наших головах, при достаточном старании мы увидим, что если утверждение необходимо, то оно будет необходимо, и поэтому мы будем знать это априори. Но на самом деле это совсем не очевидно.

Во-вторых, я полагаю, считается, что наоборот, если что-то известно априори, это должно быть необходимо, потому что оно было известно, не обращаясь к миру. Если бы

это зависело от какой-то случайной особенности реального мира, как бы мы могли это узнать, не обращаясь к миру? Возможно, реальный мир - один из возможных миров, в котором эта особенность оказалась бы ложной. Это зависит от тезиса о том, что не может быть способа узнать что-либо о реальном мире, не глядя на него, но это не будет подходящим способом, чтобы узнать о том же самом в каждом из возможных миров. Это связано с проблемами эпистемологии и природы знания; и, конечно, как было сказано, это очень неопределенно. Но это тоже не *тривиально*. Чем какой-либо конкретный пример чего-либо, что необходимо и не априорно или априорно и не необходимо, будет куда важнее понять, что сами эти понятия разные, что будет нетривиальным аргументировать на основе существования чего-то, о чем мы можем знать только апостериори, что это не необходимая истина. Это не будет тривиальным просто от того, что если что-то известно в некотором смысле априори, то оно является необходимой истиной.

Другой используемый в философии термин - это «аналитический». Для нашего разговора прояснение этого термина не будет настолько важным. В наше время обычные примеры аналитических высказываний - это что-то типа «холостяки не состоят в браке». Кант (кто-то только что подсказал мне) дает в качестве примера «золото - это желтый металл», который мне кажется необычным, потому что это то, что, я думаю, может оказаться ложным. Во всяком случае, давайте просто условимся, что аналитическое утверждение в некотором смысле истинно в силу его значения и истинно во всех возможных мирах в силу его значения. Тогда что-то, что будет аналитически истинно, будет и необходимым, и априорным. (Это своего рода соглашение).

Еще одна категория, о которой я говорил, - это определенность. Какова бы ни была определенность, совершенно не очевидно, что все необходимое будет являться определенным. Определенность - другое эпистемологическое понятие. Мы можем знать о чем-то или, по крайней мере, разумно допускать априори, не будучи в этом совершенно уверенным. Вы прочли доказательство в математической книге; и, хотя вы считаете, что оно корректно, возможно, вы допустили ошибку. Вы часто совершаете ошибки такого рода. Возможно, вы сделали расчеты с ошибкой.

Есть еще один вопрос, который я хочу предварительно рассмотреть. Некоторые философы проводят различие между эссенциализмом - верой в модальность *de re*, и простой защитой необходимости - верой в модальность *de dicto* (*прим. пер.: две фразы, используемые для различения интенциональных выражений; «de re» - «об объекте», «de dicto» - «о том, что сказано», подробнее на [wiki](#)*). Теперь, некоторые люди говорят: «давайте дадим понятие необходимости».¹¹ Хуже того, и это создает большие проблемы, можем ли мы сказать о чем-либо, что у него есть необходимые или случайные свойства, даже провести различие между необходимыми и случайными свойствами. Послушайте, это только *утверждение* или *состояние дел*, которое может быть либо необходимым, либо случайным! Есть ли у *определенного* свойства необходимость или случайность - зависит от того, как оно описано. Это, возможно, тесно связано с тем, что способ, при помощи которого мы ссылаемся (*refer*) к конкретным вещам, - это дескрипция. Какой один из знаменитых примеров Куайна? Если мы рассмотрим число 9, обладает ли оно с

---

¹¹Кстати, в философии принято думать, что не следует вводить понятие, пока оно не будет строго определено (согласно некоторому популярному понятию строгости). Здесь я просто имею дело с интуитивным понятием и буду придерживаться уровня интуитивного представления. То есть мы думаем, что некоторые вещи, хотя они и есть на самом деле, могли бы быть иными. Я бы мог не читать сегодня эти лекции. Если это так, то было бы возможно, что я бы не стал бы давать эти лекции сегодня. Совсем другой вопрос - это эпистемологический вопрос, каким образом какой-то конкретный человек знает, что я читал эти лекции сегодня? Полагаю, в этом случае он знает это апостериори. Но если кто-то родился с врожденной уверенностью, что сегодня я буду давать эти лекции, кто знает? В любом случае, давайте предположим, что люди знают это апостериори. Во всяком случае, два задаваемых вопроса различны.

необходимостью свойством нечетности? Было бы это число нечетным во всех возможных мирах? Конечно, это верно во всех возможных мирах, скажем мы, не могло бы быть иначе. Разумеется, можно было бы с таким же успехом выбрать 9, как *количество планет*. Это *не* необходимо, не истинно во всех возможных мирах, что число планет нечетно. Например, если бы планет было восемь, число планет не было бы нечетным. И поэтому думается: было ли это необходимостью или случайностью, что Никсон выиграл выборы? (Это может показаться случайностью, если у кого-то нет мыслей о каких-нибудь предопределенных процессах...) Но это случайное свойство Никсона только относительно нашего упоминания о нем как о «Никсоне» (предполагая, что «Никсон» не означает «человек, который выиграл выборы в таком-то году»). Но если мы обозначим Никсона «человеком, выигравшим выборы в 1968 году», то, конечно, будет необходимой истиной, что победитель на выборах 1968 года выиграл выборы в 1968 году. Точно также, имеет ли объект одно и то же свойство во всех возможных мирах, зависит не только от самого объекта, но и от того, как он описывается. Так что это доказано.

В литературе даже предлагается, что хотя понятие необходимости может иметь в своей основе какую-то интуицию (мы действительно думаем, что некоторые вещи могут быть другими; другие же вещи, о которых мы так не думали, так же могут оказаться другими). Это понятие различия между необходимыми и случайными свойствами - это просто доктрина, составленная каким-то плохим философом, который (я думаю) не осознавал, что существует несколько способов ссылаться (*referring*) на одно и то же. Я не знаю, понимали ли это некоторые философы. В любом случае это очень далеко от истины, что, эта идея о том, что свойство для объекта может считаться сущностным или случайным (*essential or accidental*) независимо от его описания, - это представление, которое не имеет интуитивного содержания, которое ничего не значит для обычного человека. Предположим, что кто-то сказал, указывая на Никсона: «Это тот парень, который мог бы проиграть». Кто-то еще говорит: «О нет, если бы вы описали его как “Никсон”, то он, возможно, проиграл бы; но если вы описываете его как победителя, то будет неправдой, что он мог бы проиграть». Теперь, кто из них является философом, не обладающим интуицией человеком? Мне кажется, очевидно, что второй. У второго человека есть философская теория. Первый человек сказал бы и с большой убежденностью: «Ну, конечно, победитель выборов *мог бы быть кем-то другим*. Фактический победитель, будь курс кампании другим, возможно, был бы проигравшим, а кто-то другой - победителем; или вообще бы не было выборов. Так что, такие термины, как «победитель» и «проигравший», не обозначают одни и те же объекты во всех возможных мирах. С другой стороны, термин “Никсон” - это просто *имя этого человека*». Когда вы спрашиваете, является ли это необходимым или возможным, что *Никсон* выиграл выборы, вы задаете интуитивный вопрос о том, действительно ли *этот человек* проиграл бы в контрфактической ситуации. Если кто-то считает, что понятие необходимого или возможного свойства (забудьте, что *есть* какие-либо нетривиальные необходимые свойства и учитывайте только *значимость* понятия ¹²) является философским понятием без интуитивного содержания, он ошибается. Конечно, некоторые философы считают, что что-то, имеющее интуитивное содержание, - это неубедительное доказательство в пользу этого. Я думаю, что это очень сильное доказательство в пользу

---

¹²Пример, который я дал, утверждает определенную победу на выборах - вероятность для Никсона, независимо от того, как он описывается. Конечно, если понятие вероятного свойства имеет смысл, понятие сущностного свойства также должно иметь смысл. Это не означает, что есть какие-то сущностные свойства, хотя, на самом деле, я думаю, что они есть. Обычный аргумент ставит под сомнение значимость эссенциализма и говорит, что независимо от того, является ли свойство случайным или сущностным для объекта, это зависит от его описания. Таким образом, нельзя считать, что все свойства случайны. Конечно, это также не тот взгляд, которого придерживаются некоторые идеалисты, что все свойства сущностны, все отношения внутренние.

чего-либо, что я действительно не знаю, в некотором смысле, какие еще убедительные доказательства в конце концов могут быть о чем-либо. Во всяком случае, я надеюсь, люди, которые думают, что понятие вероятных свойств не интуитивно, изменили свою интуицию.

Почему они так думали? Ну, для людей, которые так думают, существует много мотивов, один из них состоит в следующем: вопрос о так называемых сущностных свойствах должен быть эквивалентен (и он эквивалентен) вопросу об «идентичности в возможных мирах». Предположим, у нас есть кто-то, Никсон, и есть еще один возможный мир, где нет никого со всеми свойствами, которыми Никсон обладает в реальном мире. Кто из этих других людей, если таковые имеются, будет Никсоном? Конечно, здесь вы должны дать некоторый критерий идентичности! Если у вас есть критерий идентичности, вы просто ищете в других возможных мирах человека, который является Никсоном; и вопрос в том, что в том другом возможном мире, где Никсон обладает определенными свойствами, хорошо ли он определен. Предполагается также, что с точки зрения таких понятий должно быть четко определено, верно ли это во всех возможных мирах, или есть некоторые возможные миры, в которых Никсон не выиграл выборы. Но, как говорят, проблемы предоставления таких критериев идентичности очень сложны. Иногда в случае чисел это может показаться проще (но даже в этом случае утверждается, что это достаточно произвольно). Например, кто-то может сказать, и это, безусловно, правда, что если положение в ряду чисел является тем, что делает число 9 тем, чем оно является, то тогда, если бы (в другом мире) число планет было 8, то число планет отличалось бы от числа, которое есть на самом деле. Вы бы не сказали, что это число должно быть идентифицировано с нашим числом 9 в этом мире. В случае других типов объектов, скажем, людей, материальных объектов, подобных вещей, кто-нибудь дал набор необходимых и достаточных условий для их идентификации в возможных мирах?

Действительно, адекватные необходимые и достаточные условия для идентичности, которые не вызывают вопросов, в любом случае очень редки. Математика - единственный случай, когда я действительно знаю, где такие условия даются даже *в пределах* возможного мира, чтобы сказать истину. Я не знаю таких условий для идентификации материальных объектов на протяжении времени или для людей. Всем известно, какая это проблема. Но, давайте забудем об этом. Что более неприятно, это зависит от неправильного взгляда на возможный мир. Кто-то представляет себе возможный мир, как будто это другое государство. Кто-то смотрит на него, как наблюдатель. Возможно, Никсон переехал в другую страну, возможно, нет, это только свойства. Кто-то может исследовать все его свойства, но, конечно, никто не заметит, что этот человек - Никсон. Кто-то замечает, что человек имеет рыжие волосы (или зеленые или желтые), но не то, что это Никсон. Таким образом, у нас должен быть способ сказать с точки зрения имеющихся у объекта свойств, когда мы сталкиваемся с тем, что мы видели раньше; когда мы попадем в один из возможных миров, у нас должен быть способ сказать, какой человек был Никсоном.

Некоторые логики в своем формальном рассмотрении модальной логики могут поощрять такие взгляды. Ярким примером могу быть я сам. Тем не менее, интуитивно говоря, мне кажется, что я не думаю правильным образом о возможных мирах. Возможный мир - это не далекая страна, которая нам повстречалась или увидели в телескоп. Вообще говоря, другой возможный мир слишком далек. Даже если мы полетим быстрее скорости света, мы не доберемся до него. Возможный мир дается *через описательные условия (descriptive conditions), которые мы ассоциируем с ним*. Что мы имеем в виду, когда говорим: «В каком-то другом возможном мире я бы не дал эту лекцию сегодня?» Мы просто представляем себе ситуацию, в которой я решил не проводить эту лекцию или решил провести ее в другой день. Конечно, мы не

представляем себе все, что истинно или ложно, но только те вещи, которые имеют отношение к лекции; но, теоретически, необходимо рассмотреть все, чтобы составить полное описание мира. Мы не можем себе этого представить, кроме как частично; тогда это «возможный мир». Почему он не может быть частью *описания* возможного мира, который содержит *Никсона*, и что в этом мире *Никсон* не выиграл выборы? Конечно, может быть вопрос, возможен ли такой мир (это кажется, *prima facie* (*прим. пер.: на первый взгляд*)), вполне возможно). Но, как только мы увидим, что такая ситуация возможна, мы сталкиваемся с тем, что человек, который, мог проиграть выборы или проиграл выборы в этом возможном мире, - это Никсон, потому что это часть описания мира. «Возможные миры» обусловлены, а не обнаружены мощными телескопами. Нет причин, по которым мы не можем предугадать исход, когда говорим о том, что случилось бы с Никсоном в определенной контрфактической ситуации. Мы говорим о том, что с *ним* случилось бы.

Конечно, если кто-то требует, чтобы каждый возможный мир описывался чисто качественным образом, мы не можем сказать: «Предположим, что Никсон проиграл выборы», мы должны сказать: «Предположим, что человек с собакой по имени Чекерс, который выглядит как олицетворение Дэвида Фрая, находится в определенном возможном мире и проигрывает выборы». Что ж, достаточно ли он похож на Никсона, чтобы быть отождествленным с Никсоном? Очень точным и наглядным примером такого способа взглянуть на вещи является [теория двойников](#) (*прим. пер.: [wiki](#)*) [Дэвида Льюиса](#)¹³, но литература по количественной модальности изобилует этим¹⁴. Почему нам нужно это требование? Это не тот способ, которым мы обычно думаем о контрфактических ситуациях.

---

¹³ Дэвид Келлог Льюис, 'Counterpart Theory and Quantified Modal Logic', *Journal of Philosophy* 6S (1968), ПЗ-126. Элегантная статья Льюиса также страдает от чисто формальной трудности: по его интерпретации количественной модальности, привычный закон $(y)((x)A(x) \supset A(y))$ терпит неудачу, если $A(x)$ может содержать модальные операторы. (Например, $(\exists y)((x) \diamond (x \neq y))$ выполнимо, но $(\exists y) \diamond (y \neq y)$ невыполнимо). Поскольку формальная модель Льюиса довольно естественно вытекает из его философских взглядов на идею двойников, и поскольку невозможность универсальной реализации для модальных свойств интуитивно странная, мне кажется, что эта невозможность является дополнительным аргументом против правдоподобия его философских взглядов. Существуют и другие, меньшие формальные трудности. На них я не буду здесь останавливаться.

Строго говоря, идеи Льюиса – это не идеи о «трансмировой идентификации» ([transworldidentity](#)). Скорее, он полагает, что сходство между возможными мирами определяет противоположное отношение, которое не должно быть ни симметричным, ни транзитивным. Совпадение чего-то в другом возможном мире никогда не совпадает с самой вещью. Таким образом, если мы скажем: «Хамфри, возможно, выиграл выборы (если бы только он сделал то-то и то-то), мы не говорим о чем-то, что могло случиться с Хамфри, а кому-то другому, «двойнику»». Скорее всего, однако, Хамфри все равно, не будет ли кто-то другой, как бы он ни был похож на него, победителем в другом возможном мире. Таким образом, взгляд Льюиса кажется мне еще более причудливым, чем обычные понятия о трансмировой идентификации, которые он заменяет. Однако есть важные вопросы, общие для двух взглядов: предположение о том, что другие возможные миры подобны другим измерениям более инклюзивной вселенной, что они могут быть даны только чисто качественными описаниями, и поэтому либо отношение идентичности, либо отношение двойников должно быть установлено с точки зрения качественного сходства.

Многие указали мне, что отец параллельной теории, вероятно, Лейбниц. Здесь я не буду вдаваться в такой исторический вопрос. Было бы также интересно сравнить взгляды Льюиса с интерпретацией квантовой механики Уилера-Эверетта (*пер.: [многомировая интерпретация](#)*). Я подозреваю, что этот взгляд на физику может быть связан с философскими проблемами, аналогичными теории коллектива Льюиса; Они, безусловно, очень похожи по духу.

¹⁴ Другое *locus classicus* (*пер.: основное свидетельство по данному вопросу*) на взгляды, которые я критикую, с более филологическим изложением, чем статья Льюиса, - это статья [Дэвида Каплана](#) о трансмировой идентификации. К сожалению, этот документ так и не был опубликован. Эта теория не описывает взгляды Каплана в настоящий момент.

Мы просто говорим «предположим, этот человек проиграл». *Предполагается*, что в возможном мире есть *этот человек*, и что в этом мире он проиграл. Может возникнуть проблема в том, какие интуиции о возможности приходят. Но, если у нас есть такая интуиция о возможности *этого* (о проигрыше *этого человека* на выборах), то это интуиция о возможности *этого* события. Это не следует идентифицировать с возможностью того, чтобы человек, который выглядел так-то и так-то, или придерживался таких-то политических взглядов или иным образом качественно описывался, проиграл. Мы можем указать на *человека* и спросить, что *с ним* могло случиться, если бы события были другими.

Можно сказать: «Давайте предположим, что это правда. Это сводится к тому же, потому что, если бы у Никсона были определенные свойства, отличные от тех, которые у него есть на самом деле, это равносильно вопросу, будет ли критерий идентичности во всех других возможных мирах включать условие, что Никсон не имеет этих свойств». Но на самом деле это не происходит, потому что обычное понятие критерия трансмировой идентификации требует, чтобы мы предоставляли чисто качественные необходимые и достаточные условия для того, чтобы кто-то был Никсоном. Если мы не можем представить себе возможный мир, в котором Никсон не обладает определенным свойством, то это будет необходимым условием того, чтобы кто-то был Никсоном. Или необходимым свойством Никсона, что он имеет это свойство. Например, предположим, Никсон на самом деле является человеком. Казалось бы, мы не можем думать о возможной контрафактической ситуации, в которой он был бы, скажем, неодушевленным объектом; возможно, для него даже невозможно быть неживым объектом. Тогда это будет необходимый факт о Никсоне, что во всех возможных мирах, где он вообще существует, он человек, или, во всяком случае, он не является неодушевленным объектом. Это не имеет никакого отношения к какому-либо требованию, чтобы существовали чисто качественные *достаточные* условия для Никсоновости (бытия Никсоном), которые мы можем изложить. А такие условия вообще должны? Возможно, такой аргумент и должен существовать, но мы можем рассмотреть эти вопросы о *необходимых* условиях, не вдаваясь в вопрос о *достаточных* условиях. Более того, даже если бы существовал чисто качественный набор необходимых и достаточных условий для Никсона, мнение, которое я защищаю, не потребовало бы, чтобы мы нашли эти условия, *прежде* чем мы сможем спросить, мог ли Никсон выиграть выборы, и не требует, чтобы мы повторили вопрос с точки зрения таких условий. Мы можем просто рассмотреть *Никсона* и спросить, что могло случиться *с ним*, если бы разные обстоятельства были разными. Таким образом, два взгляда, два способа взглянуть на вещи, кажутся мне разными.

Обратите внимание на вопрос: «мог ли Никсон не быть человеком?» Это как раз тот случай, когда заданный вопрос не является эпистемологическим. Предположим, что Никсон оказался роботом. Это могло случиться. Нам может потребоваться доказательство, является ли Никсон человеком или роботом. Но это вопрос о наших знаниях. Вопрос о том, мог ли Никсон быть не человеком, учитывая, что он один, - это не вопрос о знании апостериори или априори. Это вопрос о том, что могло бы быть иначе.

Этот стол состоит из молекул. Может ли он не состоять из молекул? Конечно, это было великое научное открытие, что он состоит из молекул (или атомов). Но может ли что-нибудь быть этим объектом и не состоять из молекул? Конечно, есть ощущение, что ответ на это должен быть «нет». Во всяком случае, трудно себе представить, при каких обстоятельствах у вас будет этот самый объект, и вы обнаружите, что он не состоит из молекул. Совсем другой вопрос: действительно ли он состоит из молекул в реальном мире и откуда мы это знаем. (Я подробно расскажу об этих вопросах позже).

Сейчас я хочу ввести кое-что, что нам потребуется в методологии обсуждения теории имен, о которой я говорю. Нам потребуется понятие «идентичность в возможных мирах», как его обычно и, как мне кажется, несколько ошибочно называют¹⁵, чтобы объяснить одно различие, которое я хочу сейчас сделать. В чем разница между вопросами «необходимо, чтобы 9 было больше 7» и «необходимо, чтобы число планет было больше 7»? Почему каждый из этих вопросов раскрывает что-то больше о сущностных свойствах, чем другой? Ответ на это может быть интуитивным: «Ну, посмотрите, количество планет могло бы отличаться от того, что есть на самом деле. Однако не имеет смысла говорить, что 9 могло бы отличаться от того, чем оно является на самом деле». Давайте используем некоторые термины квази-технически. Назовем что-то *жестким десигнатом* (прим. пер.: *точным обозначением*), если в любом возможном мире он обозначает тот же объект, и *нежестким* или *случайным десигнатом*, если это не так. Конечно, мы не требуем, чтобы объекты существовали во всех возможных мирах. Конечно, Никсон, возможно, не существовал бы, если бы его родители не вышли замуж, как при обычном развитии событий. Когда мы думаем о том, что свойство является сущностным для объекта, мы обычно подразумеваем, что оно относится к этому объекту в любом случае, где этот объект существует. Жесткий десигнат для необходимого существования можно назвать *строго жестким десигнатом* (strongly rigid designator).

Один из интуитивных тезисов, которого я буду придерживаться в этих беседах, - *имена* являются жесткими десигнатами. Конечно, они, похоже, удовлетворяют интуитивно понятным тестам, упомянутым выше: хотя кто-то другой, нежели президент США в 1970 году, мог быть президентом США в 1970 году (например, это мог быть Хамфри), никто, кроме Никсона, не смог бы быть Никсоном. Точно так же десигнат точно обозначает определенный объект, если он обозначает этот объект везде, где существует объект; кроме того, если объект является необходимо существующим, обозначение можно *строго жестким десигнатом*. Например, «президент США в 1970 году» обозначает некоего человека, Никсона; но кто-то другой (например, Хамфри), возможно, был президентом в 1970 году, и Никсон, возможно, им не стал; поэтому этот десигнат не является жестким.

В этих лекциях я буду утверждать, интуитивно, что собственные имена являются жесткими десигнатами, поскольку, хотя человек (Никсон), возможно, не был президентом, не может быть, чтобы он не был Никсоном (хотя его, возможно, и не *звали* бы «Никсон»). Те, кто утверждал, что, чтобы понять смысл жесткого десигната, мы должны перед этим понять «критерии идентичности трансмировой идентичности», ставящие телегу впереди лошади. Это *из-за того*, что мы можем сослаться (точно) на Никсона и оговаривать, что мы говорим о том, что могло бы произойти с ним (при определенных обстоятельствах), что «трансмировая идентичность» в таких случаях не будет составлять проблем.¹⁶

---

¹⁵ Ошибочно, потому что фраза предполагает, что существует особая проблема «трансмировой идентификации», что мы не можем тривиально обуславливать для того, о ком или о чем мы говорим, когда представляем себе другой возможный мир. Термин «возможный мир» также может ввести в заблуждение; возможно, это говорит о «другой стране». Я иногда использовал «контрафактическую ситуацию» в тексте. Майкл Слот предположил, что «возможное состояние (или история) мира» может быть менее вводным в заблуждение, чем «возможный мир». Чтобы избежать путаницы, лучше сказать не: «В каком-то возможном мире Хамфри выиграл бы», а скорее просто «Хамфри мог бы выиграть». Аппарат возможных слов (пер.: *возможно, здесь опечатка; имелось в виду «возможных миров»*) (я надеюсь) был очень полезен, поскольку в нем была необходимость для теоретико-множественной модели-теории квантифицированной модальной логики (quantified modal logic), но это поощряет философские псевдо-проблемы и обманчивые представления.

¹⁶ Конечно, я не подразумеваю, что язык содержит имя для каждого объекта. Указательные местоимения могут использоваться в качестве жестких десигнатов, а свободные переменные могут использоваться как жесткие десигнаты неопределенных объектов. Конечно, когда мы указываем на

Тенденция требовать чисто качественные описания контрфактических ситуаций имеет много источников. Возможно, один из них – путаница эпистемологии и метафизики между приоритетами и необходимостью. Если кто-то идентифицирует необходимость с приоритетностью и думает, что объекты названы с помощью уникально идентифицирующих свойств, он может подумать, что эти используемые для идентификации объекта свойства, будучи известны априори, должны использоваться для идентификации этого объекта во всех возможных мирах, чтобы выяснить, какой же объект является Никсоном. В отличие от этого, я повторяю: (1) Как правило, вещи не «обнаруживаются» в контрфактической ситуации, они обуславливаются; (2) возможные миры не должны даваться чисто качественно, как если бы мы смотрели на них через телескоп. И мы вскоре увидим, что свойства, которые объект имеет в каждом контрфактическом мире, не имеют ничего общего со свойствами, которые используются для его идентификации в реальном мире.¹⁷

Имеет ли какой-либо смысл «проблема» «трансмировой идентификации»? Или это *просто* псевдо-проблема? Как мне кажется, на этот счет можно сказать следующее. Хотя заявление о том, что Англия воевала с Германией в 1943 году, скорее всего, не может быть сведено к какому-либо заявлению об отдельных людях, тем не менее в некотором смысле это не факт «превышающий» набор всех фактов о людях и их поведение на протяжении истории. Смысл, в котором факты о нациях не являются фактами, «превышающими» факты, касающиеся людей, может быть выражен в наблюдении, что описание мира, в котором упоминаются все факты о людях, но опускаются факты о народах, может быть *полным* описанием мира, в котором имеются такие факты о народах. Возможно, точно так же факты о материальных объектах не являются фактами, «превышающими» факты о составляющих их молекулах. Мы можем спросить, при имеющемся описании нереализованной возможной ситуации с точки зрения отдельных людей, будет ли в такой ситуации существовать Англия или какая-то нация (описанная, скажем, как та, в которой живет Джонс), которая была бы при таком положении дел Англией. Точно так же, учитывая некоторые контрфактические перипетии в истории молекул стола T, можно спросить, будет ли в этой ситуации существовать T, или будет ли определенная группа молекул, которая в этой ситуации составляла бы стол, составлять точно такой же стол T. В каждом случае мы ищем критерии идентичности в возможных мирах для определенных сведений с точки зрения других, более «базовых», составляющих деталей. Если утверждения о нациях (или племенах) не сводятся к утверждениям о других более «базовых» составляющих, если в отношениях между ними есть какая-то «открытая текстура», вряд ли мы можем ожидать жестких и точных критериев идентичности; тем не менее, в конкретных случаях мы можем быть в состоянии ответить, будет ли определенная группа молекул по-прежнему составлять T, хотя в некоторых случаях ответ может быть неопределенным. Я думаю, что подобные замечания относятся к проблеме идентичности во времени; здесь тоже мы обычно озабочены детерминированностью, идентичностью определенного «комплекса» с точки зрения «базовых» составляющих. (Например, если различные части стола заменены, это будет тот же объект?)¹⁸

контрфактическую ситуацию, мы не описываем весь возможный мир, а только ту часть, которая нас интересует.

¹⁷ Лекции 1 и 2, стр. 53 и 74-77 в оригинале.

¹⁸ Здесь есть какая-то неопределенность. Если частичка или молекула данногостолы были бы заменены другой, нас бы устроило утверждение, что у нас есть один и тот же стол. Но если бы отличалось слишком много частиц, у нас, похоже, был бы уже другой стол. Разумеется, та же проблема может появиться и для идентификации с течением времени.

Если отношение идентичности является неопределенным, оно может показаться непереходным; цепочка очевидных тождеств может дать очевидную нетождественность. Здесь может оказаться полезной

Однако такая концепция «трансмировой идентификации» значительно отличается от обычной. Во-первых, хотя мы можем попытаться описать мир в терминах молекул, нет никакой ошибки в описании его с точки зрения более грубых сущностей: утверждение о том, что *этот стол* может быть помещен в другую комнату, само по себе совершенно правильно. Мы не *должны* использовать описание в терминах молекул или даже более грубых частях стола, хотя мы и *можем*. Если мы не предполагаем, что некоторые части являются «конечными», «базовыми» частями, ни один тип описания не должен рассматриваться как привилегированный. Мы можем спросить, может ли *Никсон* проиграть выборы без дальнейших тонких уточнений, и в дальнейшем их обычно не требуется. Во-вторых, не предполагается возможность определения необходимых и достаточных условий того, какие множества молекул составляют этот стол; этот факт я только что упомянул. В-третьих, описанное понятие касается критериев идентичности частей в терминах других *частей*, а не качеств. Я могу указать на стоящий передо мной стол и спросить, что могло бы произойти с ним при определенных обстоятельствах. Я могу также сослаться на его молекулы. Если, с другой стороны, требуется, чтобы я описал каждую контрфактическую ситуацию исключительно качественно, тогда я могу только спросить, будет ли *стол* такого-то цвета и т.п., будет иметь определенные свойства. Будет ли стол в вопросе *этим столом*, столом *T* - действительно спорный вопрос, так как все референции на объекты, в отличие от качеств, исчезли. Часто говорят, что если контрфактическая ситуация описывается как та, которая произошла бы с *Никсоном*, и если не предполагается, что такое описание сводится к чисто качественному, то предполагается существование таинственных «простых составляющих», не имеющих собственного субстрата и лежащих в основе этих качеств. Это не так: я думаю, что Никсон является республиканцем не только потому, что он принадлежит к республиканству, что бы это ни значило; Я также думаю, что он мог бы быть демократом. То же самое справедливо и для любых других свойств, которыми может обладать Никсон, за исключением того, что некоторые из этих свойств могут быть сущностными. Идея, которую я отрицаю, заключается в том, что что-либо конкретное есть не что иное, как «совокупность качеств», что бы это ни значило. Если качество является абстрактным объектом, совокупность качеств является объектом еще более высокой степени абстракции, а не чем-то конкретным. Философы пришли к противоположному взгляду через ложную дилемму: они спросили, есть ли объекты, *стоящие за* группой качеств, или же объект представляет собой *не что иное*, как такую группу? Ни что из этого не так; этот стол деревянный, коричневый, в комнате и т.д. Он обладает всеми этими свойствами и не является предметом без свойств, присущих ему; но поэтому его нельзя отождествлять с множеством или «связкой» его свойств или с подмножеством его сущностных свойств. Не спрашивайте: как я могу идентифицировать этот стол в другом возможном мире, кроме как по его свойствам? У меня есть стол в моих руках, я могу указать на него. И когда я спрашиваю, может ли *он* быть в другой комнате, я говорю по определению об *этом столе*. Мне не нужно идентифицировать его, когда я вижу его через телескоп. Если я говорю о нем, я говорю о нем, точно так же, как когда я говорю, что наши руки могли бы быть окрашены в зеленый цвет, я предусматриваю, что я говорю о зелени. Некоторые свойства объекта могут быть сущностными для него, поскольку они не могут не иметь их. Но эти свойства не используются для идентификации объекта в другом возможном мире,

---

какая-нибудь идея «двойниках» (хотя и не с философскими основами Льюиса о сходстве, других мирах и т.д.). Можно сказать, что строгая идентичность применима только к частям (молекулам) и к противоположному отношению к «составленным» ими частям, к столам. Соответствующее отношение затем может быть объявлено неопределенным и непреходным. Кажется утопией предполагать, что мы когда-нибудь достигнем уровня конечных, базовых составляющих, для которых отношения идентичности никогда не расплывчаты и исключена опасность непреходности. Опасность обычно не существует на практике, поэтому мы можем говорить просто об идентичности и не беспокоиться. Логика не разработала логику неопределенности.

поскольку такая идентификация не требуется. Также нет нужды в том, чтобы сущностные свойства объекта были свойствами, используемыми для идентификации его в реальном мире, если он действительно идентифицируется в реальном мире посредством свойств (я до сих пор оставляю этот вопрос открытым).

Итак: вопрос об трансмировой идентификации имеет смысл, с точки зрения вопроса об идентичности объекта посредством вопросов о его составных частях. Но эти части не являются качествами, и это не объект, похожий на тот, о котором ставится вопрос. Теоретики часто говорят, что мы идентифицируем объекты в возможных мирах как объекты, похожие на данный в нашем мире объект, в самых важных аспектах. Напротив, Никсон, если бы он решил действовать иначе, мог бы избежать такой политики, как чумы, хотя сам придерживался бы радикальных взглядов. Самое главное, даже если мы *можем* заменить вопросы об объекте вопросами о его частях, нам не *нужно* этого делать. Мы можем сослаться на объект и спросить, что с *ним* могло бы произойти. Итак, мы не начинаем с миров (которые каким-то образом должны быть реальными, и чьи качества, но не объекты которых, ощутимы для нас), а затем спрашиваем о критериях трансмировой идентификации. Напротив, мы начинаем с объектов в реальном мире, которые у нас *есть* и которые мы можем идентифицировать. Затем мы можем спросить, могут ли некоторые утверждения быть истинными для этих объектов.

Выше я сказал, что мнение Фреге-Рассела о том, что имена вводятся дескрипциями, может быть взято либо как теория значения имен (например, Фреге и Рассел), или просто как теория их референции. Позвольте мне привести пример, не связанный с тем, что обычно называют «собственным именем», чтобы проиллюстрировать это. Предположим, что кто-то утверждает, что 100°C - это температура, при которой кипит вода на уровне моря. Это не совсем точно, потому что давление может меняться и на уровне моря. Конечно, исторически более точное определение было дано позднее. Но давайте предположим, что это была дефиниция. Другим примером в литературе является то, что один метр должен быть длиной S , где S является определенной палкой или бруском, находящимся в Париже. (Обычно люди, которые любят говорить об этих дефинициях, затем пытаются сделать «длину» в «эксплуатационную» концепцию, но это не важно.)

Витгенштейн говорит кое-что очень озадачивающее по этому поводу: «Есть одна вещь, о которой нельзя сказать ни о том, что она составляет один метр, ни о том, что она - не один метр. И это стандартный метр в Париже. Но это, конечно, не приписывает ему какие-либо экстраординарные свойства, а только отмечает его особую роль в языковой игре измерения с помощью правила метра».¹⁹ На самом деле, это кажется очень «экстраординарным свойством» для любой палки. Думаю, он ошибается. Если палка является палкой, например, длиной 39.37 дюймов (я полагаю, у нас есть несколько разных стандартов для дюймов), почему это не один метр в длину? В любом случае, давайте предположим, что он ошибается и что палка имеет длину один метр. Одной из проблем, которая беспокоит Витгенштейна, является то, что эта палка служит стандартом длины, и поэтому мы не можем приписать ей длину. Будь это так на самом деле (ну, это не может быть так), утверждение «палка S - один метр длиной» будет необходимой правдой? Конечно, ее длина может меняться со временем. Мы могли бы сделать определение более точным, указав, что один метр должен быть длиной S в фиксированный момент времени. В таком случае, это будет необходимой истиной, что палка S давным-давно составляла один метр в длину? Тот, кто думает, что все известное априори является необходимым, может подумать: «Это *определение* метра. По определению, палка S составляет один метр в длину при t_0 . Это необходимая истина». Но мне кажется, для человека, который использует указанное определение «один метр», нет причин делать такие выводы. Ибо он

---

¹⁹Philosophical Investigations, §50

использует эту дефиницию не для того, чтобы *указать значение* того, что он называет «метром», а для *фиксации референции* (Для такой абстрактной вещи, как единица длины, понятие ссылки может быть неясным, но давайте предположим, что это достаточно ясно для настоящих целей). Он использует это для фиксации референции. Существует определенная длина, которую он хочет выделить. Он отмечает это случайным свойством, а именно, что есть палка этой длины. Кто-то другой может выделить ту же самую референцию другим случайным свойством. Но в любом случае, хотя он использует это для фиксации референции на свой стандарт длины, метр, он все же может сказать: «Если нагреть палку S в момент времени t_0 , то в момент времени t_0 палка S не будет один метр длиной».

Почему он может это сделать? Часть причины может быть в умах некоторых людей в философии науки, о чем я бы не хотел вдаваться в детали. Но простой ответ на вопрос таков: даже если это *единственный* стандарт длины, который он использует²⁰, существует интуитивная разница между фразой «один метр» и фразой «длина S в момент t_0 ». Первая фраза предназначена для точной десигнации определенной длины во всех возможных мирах, которая в реальном мире оказывается длиной палки S в момент t_0 . С другой стороны, «длина S в момент t_0 » не означает ничего точно. В некоторых контрфактических ситуациях палка могла бы быть длиннее и короче, если приложить к ней усилия или деформировать. Поэтому мы можем сказать об этой палке, так же, как и любой другой из того же вещества и длины, что если ей передать такую-то теплоту, она бы увеличилась до такой-то длины. Подобное контрфактическое утверждение, относящееся к другим палкам с идентичными физическими свойствами, также будет верно для этой палки. Нет противоречия между этим контрфактическим утверждением и дефиницией «одного метра» как «длины S в момент t_0 », потому что «дефиниция», правильно интерпретированная, не говорит о том, что фраза «один метр» должна быть *синонимом* (даже когда речь идет о контрфактических ситуациях) фразы «длина S в момент t_0 ». Скорее, что мы *определили референцию* фразы «один метр», указав, что «один метр» должен быть жестким десигнатом длины которая на самом деле является длиной S в момент t_0 . Таким образом, не будет необходимой истиной, что S составляет один метр в момент t_0 . Фактически, при определенных обстоятельствах S не был бы длиной в один метр. Причина в том, что один десигнат («один метр») является жестким, а другой десигнат («длина S в момент t_0 ») - не является.

Какой же тогда будет *эпистемологический* статус утверждения «палка S - один метр в длину в момент t_0 » для тех, кто зафиксировал метрическую систему референцией на палку S ? Казалось бы, он знает это априори. Ведь если бы он использовал палку S , чтобы зафиксировать референцию на термин «один метр», то в результате такого рода «дефиниции» (которая не является аббревиатурой или синонимом) он автоматически, без дальнейшего изучения, знает, что S составляет один метр.²¹ С другой стороны, даже если S используется в качестве стандарта метра, *метафизический* статус « S составляет один метр длиной» будет иметь значение случайного выражения при условии, что «один метр» считается жестким десигнатом: при соответствующих деформациях, напряжении, нагреве или охлаждении, S имел бы длину, отличную от одного метра, даже в момент t_0 . (Такие утверждения, как «Вода кипит при 100°C на уровне моря», могут иметь аналогичный статус.) Таким образом, в этом смысле существуют случайные априорные истины.

²⁰ Философы науки могут видеть ключ к проблеме в точке идеи, что «один метр» является «концепцией кластера». Я прошу читателя предположить гипотетически, что данное определение является единственным стандартом, используемым для определения метрической системы. Я думаю, проблема все равно возникнет.

²¹ Поскольку истина, которую он знает, является случайной, я предпочитаю не называть ее «аналитической», предварительно требуя, чтобы аналитические истины были как необходимыми, так и априорными. См. сноску 63.

Однако более важным для настоящих целей, чем принятие этого примера в качестве экземпляра случайного априорного события, является его иллюстрация различия между «дефинициями», которые фиксируют референцию, и теми, которые дают синоним.

В случае с именами тоже можно провести такое различие. Предположим, что референция на имя дается дескрипцией или кластером дескрипций. Если имя *означает то же самое*, что и дескрипция или кластер дескрипций, оно не будет жестким десигнатом. Он не будет с необходимостью обозначать один и тот же объект во всех возможных мирах, поскольку другие объекты могли бы иметь заданные свойства в других возможных мирах, если только (конечно) мы не использовали сущностные свойства в нашем описании. Поэтому предположим, что мы говорим: «Аристотель - величайший человек, который учился у Платона». Если бы мы использовали это как *дефиницию*, имя «Аристотель» означало бы «величайшего человека, который учился у Платона». Тогда, конечно, в каком-то другом возможном мире этот человек мог бы учиться у Платона, и какой-то другой человек был бы Аристотелем. Если, с другой стороны, мы просто используем дескрипцию для *фиксации референта*, тогда человек будет референтом «Аристотеля» во всех возможных мирах. Единственное использование дескрипции будет заключаться в том, чтобы выбрать, на какого человека мы ссылаемся. Но тогда, когда мы говорим контрфактически, «предположим, что Аристотель никогда не занимался философией вообще», мы не должны подразумевать «предположим, что человек, который учился у Платона, учил Александра Великого и писал такие-то труды, и так далее, вообще никогда не занимался философией», что может показаться противоречием. Нам нужно только иметь в виду: «предположим, что *этот человек* вообще никогда не занимался философией».

Кажется правдоподобным, что в некоторых случаях референция на имя действительно фиксируется *с помощью* дескрипции так же, как была установлена фиксированная метрическая система. Когда мифический наблюдатель впервые увидел Геспер, он вполне мог бы зафиксировать свою референцию, сказав: «Я буду использовать “Геспер” как имя небесного тела, появляющегося вон на том месте в небе». Затем он зафиксировал референцию «Геспер» по его видимой небесной позиции. Следует ли из этого, раз Геспер имеет такое-то положение в рассматриваемое время, это станет частью *значения* имени? Конечно, нет: если бы Геспер в прошлом столкнулся с кометой, тогда в то время он мог бы быть видимым в другом месте. В такой контрафактической ситуации мы бы сказали, что Геспер не занял бы эту позицию, но не сказали бы, что Геспер не был бы Геспером. Причина в том, что «Геспер» является жестким десигнатом какого-то небесного тела, а «тело вон в том положении на небе» - не другое тело, или же никакого тела не могло быть в том положении, но никакое другое тело не могло бы быть Геспером (хотя другое тело, не Геспер, могло бы *называться* «Геспер»). Действительно, как я уже сказал, я буду считать, что имена всегда являются жесткими десигнатами.

У Фреге и Рассела, похоже, есть полноценная теория, согласно которой собственное имя не является жестким десигнатом, а является синонимом дескрипции, которая заменила его. Но другая теория может заключаться в том, что эта дескрипция используется для определения точной референции. Эти две альтернативы будут иметь разные последствия для вопросов, которые я задавал ранее. Если «Моисей» *означает* «человек, который делал то-то и то-то», тогда если никто этого не делал, Моисей не существовал; возможно, «никто не делал того-то» даже является *анализом* выражения «Моисей не существовало». Но если описание используется для точной фиксации референции, то ясно, что это *не* означает, что «Моисей не существует», потому что мы можем спросить: если мы говорим о контрфактическом случае, когда никто не делал того-то и того-то, например, не выводил израильтян из Египта, не следует ли, что в такой ситуации Моисей не существовал бы? Кажется бы, нет. Возможно, Моисей просто решил

провести свои дни на египетских площадках для отдыха. Он мог никогда не заниматься ни политикой, ни религией; и в этом случае, возможно, никто не сделал бы ничего из того, что Библия говорит о Моисее. Это само по себе не означает, что в таком возможном мире Моисей не существовал бы. Если это так, то «Моисей существует» означает нечто отличное от «условий существования и единственности для определенной составленной дескрипции»; и поэтому, в конце концов, это не дает анализа сингулярного экзистенциального утверждения. Если вы откажетесь от идеи, что это теория значения (смысла, meaning) и сделаете ее теорией референции, как я это описал, вы отказываетесь от некоторых преимуществ теории. Сингулярные экзистенциальные утверждения и утверждения идентичности между именами требуют какого-то иного анализа.

Фреге следует критиковать за использование термина «смысл» в двух смыслах. Он делает смысл десигната его значением; и этим же способом он определяет референцию. Выявляя эти два смысла, он полагает, что оба они задаются с помощью определенных описаний. В конечном счете, я отвергну второе предположение; но если бы оно оказалось правильным, я отвергну первое. Описание может быть использовано как синоним десигната, или оно может использоваться для фиксации референции. Два смысла «смысла» Фреге соответствуют двум смыслам «определения» в обычной речи. Их следует тщательно различать.²²

Я надеюсь, что несколько прояснил отличия идеи установления референции идеи фактического определения одного термина, как смысла чего-то другого. У нас не хватает времени, чтобы подробно разобраться во всем. Я думаю, даже в тех случаях, когда понятие точности/случайности обозначения не может быть использовано для определения разницы, некоторые вещи, называемые определениями, действительно могут зафиксировать референцию, а не дать смысл фразе, не дать синоним. Позвольте мне привести пример. Под π имеется в виду отношение длины окружности к диаметру. У меня есть только смутное интуитивное чувство для аргументации: мне кажется, что эта греческая буква здесь не используется, как *сокращение* для фразы «отношение окружности круга к ее диаметру», и не используется, как сокращение для множества альтернативных определений π , что бы это ни значило. Она используется как *имя* для

---

²²Обычно «смысл» Фреге теперь интерпретируется как смысл, который следует тщательно отличать от «фиксации референции». Ниже мы увидим, что для большинства говорящих, если только они не являются теми, кто первоначально задает объекту его имя, референт имени определяется «причинно-следственной» связью, а не дескрипцией.

В формальной семантике модальной логики «смысл» термина t обычно считается (возможно, частичной) функцией, которая присваивает каждому возможному миру H референт t в H . Для жесткого десигната такая функция постоянна. Это понятие «смысл» относится к понятию «задавать значение», а не к фиксированию референции. При таком использовании «смысла» «один метр» имеет постоянную функцию как свой смысл, хотя его ссылка фиксируется «длиной объекта S », которая не имеет постоянной функции в качестве ее смысла.

Некоторые философы полагали, что описания на английском языке неоднозначны, что иногда они неточно обозначают удовлетворяющий описанию объект в каждом мире (если таковой имеется), хотя иногда они точно обозначают объект, фактически удовлетворяющий описанию. (Другие, вдохновленные Доннелланом, говорят, что дескрипция иногда точно обозначает мысль об объекте или же подразумевает удовлетворение описанию.) Я нахожу любые подобные предполагаемые двусмысленности сомнительными. Я не знаю никаких явных доказательств для них, которые не могут быть рассмотрены ни согласно идеям Рассела, ни по соображениям, упомянутым в сноске 3.

Если двусмысленность существует, то в предполагаемом точном смысле фразы «длина S », «один метр» и «длина S » обозначают одно и то же во всех возможных мирах и имеют один и тот же (функциональный) «смысл».

В формальной семантике интенциональной логики предположим, что мы принимаем определенное описание для обозначения в каждом мире объекта, удовлетворяющего описанию. Действительно полезно иметь оператор, который преобразует каждое описание в термин, который точно обозначает объект, фактически удовлетворяющий описанию. Дэвид Каплан предложил такой оператор и назвал его «[Dthat](#)».

реального числа, которое в этом случае с необходимостью является отношением окружности круга к его диаметру. Заметим, что здесь « π » и «отношение окружности круга к его диаметру» являются жесткими десигнатами, поэтому аргументы, приведенные в случае измерения, неприменимы. (Ну, если кто-то этого не видит или думает, что это неправильно, он не сумасшедший.)

Позвольте мне вернуться к вопросу об именах, которые я поднял. Как я уже сказал, существует популярная современная замена теории Фреге и Рассела; она принята даже [П.Ф.Стросоном](#) - сильным критиком многих взглядов Фреге и Рассела, особенно последнего.²³ Замена заключается в том, что, хотя имя не является замаскированной дескрипцией, оно выступает аббревиатурой, или как бы ни была определена его референция, определяемой некоторым кластером дескрипций. Вопрос в том, правда ли это. Как я уже сказал, есть более сильные и слабые версии этой теории. Более сильная версия заключается в том, что имя просто *определяется*, как синоним, как кластер описаний. Тогда будет необходимо, чтобы Моисей имел не какое-то особое свойство в этом кластере, а что у него была бы дизъюнкция с кластером ([логическое «или»](#)). Не могло бы быть контрфактической ситуации, в которой он не делал ничего из этих вещей. Я думаю, ясно, что это очень неправдоподобно. Люди говорили это, или, может быть, они не собирались говорить, но использовали «необходимо» в каком-то другом смысле. Во всяком случае, например, в статье Сёрла о собственных именах:

Другими словами, предположим, мы спрашиваем: «Почему у нас есть собственные имена вообще?» Очевидно, чтобы указывать на отдельных людей. «Да, но это могут сделать описания». Но только ценой определения условий идентификации каждый раз, когда делается референция. Предположим, что мы соглашаемся отказаться от «Аристотеля» и использовать, скажем, «учитель Александра». Тогда будет необходимо истинно, что упоминаемый человек, - учитель Александра, но случайный факт, что Аристотель когда-либо занимался педагогикой (хотя я предполагаю, что это необходимый факт, что Аристотель имеет логическую сумму (включающую дизъюнкцию) свойств, обычно приписываемых ему).²⁴

Такое предположение, если «необходимо» используется так, как я использовал его в этой лекции, должно быть явно ложным. (Если у него нет очень интересного сущностного свойства, обычно приписываемого Аристотелю.) Большинство вещей, обычно приписываемых Аристотелю, - это вещи, которые Аристотель мог бы не делать вообще. В ситуации, в которой он их не делал, мы бы описали это как ситуацию, в которой *Аристотель* их не делал. Это не различие в сфере охвата, как иногда бывает в случае описаний, где кто-то может сказать, что человек, который учил Александра, возможно, не учил Александра; хотя это не может быть правдой: человек, который учил Александра, не учил Александра. Это различие в сферах охвата по Расселу. (Я не буду в это углубляться.) Мне кажется, что здесь не тот случай. Мало того, что применительно к Аристотелю истинно, что он мог не пойти в педагогику; также истинно, что мы используем термин «Аристотель» таким образом, что, думая о контрфактической ситуации, в которой Аристотель не занимался другими сферами деятельности и не совершал никаких достижений, которые мы обычно приписываем ему, мы все же скажем, что это была ситуация, в которой *Аристотель* не делал этого.²⁵ Есть такие вещи, как

²³P. F. Strawson, *Individuals*, Methuen, London, 1959, Ch. 6.

²⁴Searle, *op. cit.* in Caton, *Philosophy and Ordinary Language*, p. 160.

²⁵Факты, что «учитель Александра» разграничивается в модальных контекстах и что это не является жестким десигнатом, иллюстрируются, если кто-то обнаружит, что учитель Александра мог бы не учить Александра (и в таких обстоятельствах не был бы учителем Александра). С другой стороны, неправда, что Аристотель мог не быть Аристотелем, хотя, Аристотель мог бы не зваться «Аристотелем», точно так же, как 2x2, возможно, не называлось бы «четыре». (Небрежная, разговорная речь, которая часто путает

период, в который он жил, которые могут только больше представляться, как необходимые. Возможно, это те вещи, которые мы обычно приписываем ему. Есть исключения. Может быть, трудно представить, как он мог жить 500 лет спустя, чем на самом деле. Это, безусловно, как минимум, поднимает проблему. Но возьмите человека, который понятия не имеет о времени его жизни. У многих людей есть свое смутное представление о множестве его самых известных достижений. Не только каждый из этих фактов по отдельности, но и обладание всей дизъюнкцией этих свойств – это всего лишь случайный факт об Аристотеле; и утверждение, что Аристотель имел эту дизъюнкцию свойств, является случайной истиной.

Человек может знать это априори в некотором смысле, если он действительно фиксирует референцию «Аристотеля» как человека, который сделал одну из этих вещей. Но для него это не будет необходимой истиной. Таким образом, подобный пример был бы примером, когда приоритетность не обязательно подразумевала бы необходимость, если бы теория кластеров была правильной. Случай фиксации референции «один метр» является очень ясным примером, в котором кто-то, только потому, что он зафиксировал референцию, может в известном смысле априори знать, что длина этой палки равна одному метру, не считая это необходимой истиной. Возможно, подразумевающий необходимость тезис об априорности, следует модифицировать. Похоже, что он представляет собой некоторую интуицию об эпистемологии, которая может быть важной и истинной. В некотором смысле, пример, подобный этому, может показаться тривиальным контрпримером, который на самом деле не является демонстрацией того, что думают некоторые люди, когда они думают, что только необходимые истины можно знать априори. Ну, если тезис о том, что все априорные истины необходимы, должен быть защищен от такого рода контрпримеров, его нужно каким-то образом изменить. Без изменения этот тезис приводит к путанице в отношении характера референции. И я сам понятия не имею, как его следует модифицировать или переформулировать, или это возможно.²⁶

Позвольте мне указать, что из себя представляет теория концепции кластера. (Это действительно хорошая теория. Единственный дефект, который, как мне кажется, распространен среди большинства философских теорий. Она ошибочна.) Рассматриваемая теория может быть разбита на несколько тезисов с некоторыми вспомогательными

употребление и упоминание, может, конечно, выразить тот факт, что кто-то мог именоваться или не именовался «Аристотелем», сказав, что он, возможно, был или не был Аристотелем. Иногда я слышал, как такие непринужденные выражения приводились в качестве контрпримеров применимости нынешней теории к обычным языкам. Разговоры, подобные этим, кажутся создающими для моих тезисов такие же несущественные проблемы, как успех «Impossible Missions Force» (*пер.: агентство из фильма «Миссия невыполнима»*) создает модальный закон о том, что невозможное не случается.) Кроме того, хотя при определенных условиях Аристотель мог не учить Александра, это не те обстоятельства, при которых он не был бы Аристотелем.

²⁶Если кто-то фиксирует метр как «длину палки S при температуре t_0 », то в некотором смысле он знает априори, что длина палки S при t_0 составляет один метр, хотя он использует это утверждение для выражения случайной истины. Но одной лишь установкой системы измерения, узнал ли он некоторую (контингентную, случайную) информацию о мире, какой-то новый факт, о котором он раньше не знал? Представляется вероятным, что в каком-то смысле, что он не узнал, даже при том, что S имеет длину один метр – бесспорно, является вероятным фактом. Таким образом, это может быть доводом для переформулировки тезиса о том, что любая априорная информация необходима, чтобы спасти его от такого контрпримера. Как я уже сказал, я не знаю, как можно переформулировать тезис; переформулировка не должна быть такой, чтобы не сделать тезис тривиальным (например, определяя априори, как нечто, что должно быть необходимым (а не истинным) независимо от опыта); и обратный тезис будет оставаться ложным.

Поскольку я не буду пытаться сделать такую переформулировку, я буду последовательно использовать термин «априори» в тексте, чтобы делать утверждения, истинность которых априори вытекает из фиксации референции «определения».

тезисами, если вы хотите увидеть, как она обрабатывает проблему утверждений существования, утверждений об идентичности и т.д. Имеется еще больше тезисов, если вы принимаете теорию в более сильной версии как теорию значения. Говорящим является A .

- (1) Каждому имени или обозначению выражения « X » соответствует кластер свойств, а именно семейство свойств φ такое, что A считает « φX ».

Этот тезис истинный, потому что это просто определение. Теперь, конечно, некоторые могут подумать, что не все то, что говорящий считает об X , имеет какое-либо отношение к определению референции « X ». Их может интересовать только подмножество. Но мы можем разобраться с этим позднее, изменив некоторые из других тезисов. Таким образом, этот тезис является правильным по определению. Однако все тезисы, которые следуют далее, я думаю, ложны.

- (2) При помощи одного из свойств или некоторой группы свойств, A , как он считает, однозначно выделяет некоторого отдельного человека.

Это не говорит, что эти свойства выделяют что-то уникальное, просто A полагает, что они это делают. Другой тезис состоит в том, что он прав.

- (3) Если большинство или средневзвешенное большинство свойств φ удовлетворяются одним уникальным объектом u , то u является референтом « X ».

В теории говорится, что референтом « X » считается то, что удовлетворяет если не всем свойствам, то «достаточному» их количеству. Очевидно, что A может ошибаться в некоторых вещах относительно X . Вы делаете какое-то голосование. Теперь вопрос заключается в том, должно ли это голосование быть демократическим или иметь какое-то неравенство среди свойств. Кажется более правдоподобным, что у свойств должны быть весовые коэффициенты, что некоторые свойства важнее других. Теория действительно должна указать, как проходит это взвешивание. Строссон, к моему удивлению, прямо заявляет, что здесь должна быть демократия, поэтому самые тривиальные свойства имеют равный вес с наиболее важными.²⁷ Конечно, более правдоподобно предположить, что должны быть весовые коэффициенты. Давайте предположим, что демократия не обязательно является лучшим решением. Если есть какое-либо свойство, которое совершенно не имеет отношения к референции, мы можем полностью лишить его значимости, придав ему вес 0. Свойства могут рассматриваться как члены корпорации. У некоторых больше акций, чем у других; некоторые даже могут иметь только акции без права голоса.

- (4) Если голосование не выбирает уникального объекта, « X » ни на что не ссылается.
(5) Утверждение «Если X существует, тогда X имеет большинство из свойств φ » априори известно говорящим.
(6) Утверждение «Если X существует, тогда X имеет большинство из свойств φ » выражает необходимую истину (в идиолекте говорящего (*прим. пер.: индивидуальный язык личности*)).

(6) не обязательно должно быть тезисом теории, если кто-то не считает, что кластер является частью значения имени. Он может думать, что, хотя он определяет референцию «Аристотеля» как человека, который имел большую часть свойств φ , все же есть возможные ситуации, в которых у Аристотеля не было бы большей части φ .

²⁷Strawson, op. cit., pp. 191-92. Строссон фактически рассматривает случай нескольких говорящих, объединяет их свойства и принимает демократическое (равно взвешенное) голосование. Он требует только достаточного плюрализма, а не большинства.

Как я уже сказал, есть некоторые вспомогательные тезисы, хотя я не буду подробно в них вдаваться. Они дали бы нам анализ сингулярных экзистенциальных утверждений типа «Моисей существует» означает, что «достаточное количество свойств φ выполняется». Даже тот человек, который не использует эту теорию, как теорию значения, использует некоторые из этих тезисов. Например, вспомогательный тезис к тезису (4): мы должны сказать, что для говорящего априори истинно, что если недостаточно выполнения φ , то X не существует. Только если он придерживается мнения как в теории значения, а не референции, было бы также необходимо истинно, что, если недостаточно количество свойств φ удовлетворяется, то X не существует. В любом случае это будет то, что он знает априори. (По крайней мере, он будет знать это априори при условии, что он знает правильную теорию имен.) Затем таким же образом проводится анализ выражений идентичности.

Вопрос в том, является ли что-то из этого истиной? Если да, они дают хорошую картину происходящего. Прежде чем обсуждать эти тезисы, позвольте мне упомянуть, что когда люди указывают, какие свойства φ являются релевантными, они, по-видимому, часто указывают это неправильно. Это всего лишь случайный изъян, хотя он тесно связан с аргументами против теории, которую я сейчас изложу. Рассмотрим пример из Витгенштейна. Что он говорит о релевантных свойствах? «Когда говорят, что “Моисей не существует”, это может означать разные вещи. Это может означать: у израильтян не было *единого* лидера, когда они выходили из Египта; или: их лидера звали не Моисей; или: не могло быть никого, кто выполнил бы все, что Библия говорит о Моисее...» Суть всего этого состоит в том, что мы знаем априори, что, если библейская история по существу ложна, то Моисей не существовал. Я уже приводил аргументы в пользу того, что библейская история не дает необходимых свойств Моисея, без которых он не мог бы жить. Я спрашиваю, знаем ли мы априори, что если Моисей существует, он фактически сделал некоторые или большинство из этих вещей. Это действительно кластер свойств, который мы должны использовать? Разумеется, существует различие, которое игнорируется в подобных замечаниях. Библейская история, возможно, полностью была легендой, или, возможно, это была по большей части ложная информация о реальном человеке. В последнем случае мне кажется, что ученый мог сказать, что он полагает, что, хотя Моисей действительно существовал, все, что говорится о нем в Библии, в основном ложно. Такое случается в этой области науки. Предположим, что кто-то говорит, что ни один пророк никогда не был проглочен большой рыбой или китом. Следует ли из этого, что пророка [Иона](#) не существует? По-прежнему возникает вопрос, является ли библейский текст легендарным текстом о вымышленных людях или легендарным текстом, на основе жизни реального человека. В последнем случае вполне естественно сказать, что, хотя Иона действительно существовал, никто не делал того, что обычно приписывалось ему. Я выбираю последний вариант, потому что, хотя библейские ученые обычно считают, что Иона существовал, описание не только того, что его проглотила большая рыба, но даже его путешествие в Ниневию для проповеди или что-либо еще, что сказано в библейской истории, предполагается в значительной степени не правдой. Но, тем не менее, есть основания думать, что речь идет о реальном пророке. Если бы у меня сейчас была подходящая книга, я мог бы процитировать из нее: Иона, сын Амитая, был настоящим пророком, таким-то и таким-то». Есть независимые причины считать, что это была не чистая легенда о воображаемом персонаже, но легенда о реальном человеке.²⁸

---

²⁸ См., например, H.L.Ginsberg, *TheFiveMegillothandJonah*, TheJewishPublicationSocietyofAmerica, 1969, p.114: «Герой» этой истории, пророк Иона, сын Амитай, является историческим персонажем... но эта книга не история, а выдумка». Ученое сообщество рассматривает все подробности об Ионе в книге как легендарные и даже не основанные на фактическом субстрате, за исключением голого заявления о том, что он был еврейским пророком, которое вряд ли однозначно его идентифицирует. Не обязательно, чтобы

Эти примеры могут быть изменены. Может быть, все, во что мы верим, это то, что *Библия говорит о нем* то-то и то-то. Это дает нам еще одну проблему, потому что как мы узнаем, на кого ссылается Библия? Вопрос о нашей референции отсылается к вопросу о референции в Библии. Это приводит к условию, которое мы должны явно указать.

(С)Для любой успешной теории связь не должна быть циклической. Свойства, которые используются в принятии решения, сами по себе не должны включать понятие референции таким образом, чтобы его, в конечном счете, невозможно было устранить.

Позвольте мне привести пример, где условие отсутствия цикличности явно нарушено. Следующая теория собственных имен принадлежит [Уильяму Кнейле](#) в статье «Модальность, De Dicto и De Re»²⁹ (*пер.: две фразы, используемые для различения интенциональных выражений; «de re» - «об объекте», «de dicto» - «о том, что сказано», подробнее на [wiki](#)*). Он содержит, я думаю, явное нарушение условий отсутствия цикличности.

*Обычные имена людей не являются, как полагает Джон Стюарт Милль, знаками без смысла. Хотя может оказаться информативным рассказать человеку, что самого известного греческого философа звали Сократом, будет очевидной тавтологией сообщать, что Сократа звали Сократ; и причина в том, что этот человек не сможет понять ваше употребление слова «Сократ» в начале вашего высказывания, если он уже не знает, что «Сократ» означает «Человек, называемый “Сократ”».*³⁰

Здесь представлена теория референции на собственные имена. Сократ просто означает «человека, называемого “Сократом”». На самом деле, конечно, может быть, не только одного человека можно назвать «Сократом». И одни могут называть его «Сократом», а другие - нет. Конечно, это условие, которое при некоторых обстоятельствах однозначно выполняется. Может быть, только один человек был назван мной «Сократом» в определенной ситуации.

Кнейл говорит, что нет нужды рассказывать кому-то, что Сократ был назван «Сократом». Это во всех смыслах не тавтология. Может быть, греки не называли его «Сократом». Скажем, что мы называем Сократа «Сократом» - во всяком случае, я. Предположим, это пустяк. (Удивительно, что Кнейл использует здесь прошедшее время. Сомнительно, что греки называли Сократа «Сократом» - по крайней мере, греческое имя произносится по-другому. Я проверю точность цитаты для следующей лекции.)

Кнейл дает аргумент в пользу этой теории. «Сократ» должен анализироваться как «индивидуум, называемый “Сократ”», потому что, как еще мы можем объяснить тот факт, что будет тавтологией говорить, что Сократ называется “Сократом”? В некоторых

«Иона» был так назван евреями; звук «J» не существует на иврите, и историческое существование Ионы не зависит от того, знаем ли мы его оригинальное еврейское имя или нет. Тот факт, что мы называем его Иона, нельзя использовать, чтобы однозначно определить его без тавтологии. Свидетельство об историчности Ионы происходит из независимой ссылки на него во [2-й Книге Царей](#); но такие доказательства могли быть доступны в отсутствие каких-либо других ссылок, например, доказательств того, что все еврейские легенды были о реально существовавших персонажах. Более того, утверждение о том, что Иона является легендой о реальном человеке, возможно, правда, даже если для этого не было никаких доказательств. Можно сказать: «Иона, как он описан в книге, никогда не существовал», как можно сказать: «Гитлер, как его описывает нацистская пропаганда, никогда не существовал». Как видно из приведенной выше цитаты, это использование не должно совпадать с историческим взглядом на то, существовал ли когда-либо Иона. Гинсберг пишет для читателя-мирянина, который, по его мнению, найдет его заявление доступным для понимания.

²⁹См. Ernest Nagel, Patrick Suppes, and Alfred Tarski, *Logic, Methodology and the Philosophy of Science: Proceedings of the 1960 International Congress*, Stanford University Press, 1962, 622-33.

³⁰ Там же, стр. 629-30.

случаях это скорее тавтология. В том же смысле, я полагаю, вы могли бы получить хорошую теорию значения любого выражения на английском языке и составить словарь. Например, хотя может быть информативным рассказать кому-то, что лошади используются в гонках, будет тавтологией говорить, что лошадой называют «лошадью». Это может быть подходящим примером, потому что термин «лошадь» означает на английском языке «вещи, называемые “лошадью”». Аналогично любому другому выражению, которое может быть использовано на английском языке. Поскольку это будет тавтологией говорить, что мудрецы называются «мудрецами», мы говорим, что «мудрецы» просто означают «людей, называемых “мудрецами”». Теперь ясно, что это не очень хороший аргумент, и поэтому это не может быть единственным объяснением того, почему будет тавтологией говорить, что Сократ именуется «Сократом». Давайте не будем углубляться в вопрос, почему это тавтология. Конечно, любой, кто знает, что значит фраза «это называется» в английском языке, даже не зная значения утверждения, знает, что если «кварки» что-то означают, то «кварки называются “кварками”», выражает истину. Он может не знать, какую именно истину выражает эта фраза, потому что он не знает, что такое кварк. Но его знание о том, что оно выражает истину, не связано со значением термина «кварки».

Мы могли бы углубляться в эту тему еще долгое время. Есть интересные проблемы, вытекающие из такого рода пассажей. Но главная причина, по которой я хотел бы представить их здесь, состоит в том, что в качестве теории референции они дали бы явное нарушение условия отсутствия цикличности. Кто-то использует имя Сократ. Как мы можем знать, на кого он ссылается? Используя описание, которое дает смысл этого имени. Согласно Кнейлу, описанием будет: «человек называется “Сократ”». И здесь (предположительно, так как это должно быть тавтологией!) это ничего нам не говорит. Рассуждая таким образом, кажется, что вообще не существует теории референции. Мы спрашиваем: «На кого он ссылается, говоря “Сократ”»? И затем дается ответ: «Ну, он ссылается на человека, на которого он ссылается». Если бы это было все, что имело значение собственного имени, тогда мы бы не могли оттолкнуться ни от какой референции.

Таким образом, есть условие, которое выполняется; в случае этой конкретной теории оно явно не выполнено. Парадигма, как ни удивительно, даже иногда используется Расселом как дескриптивный смысл, а именно: «человек, которого называют “Вальтер Скотт”». Очевидно, что только если дескриптивные смыслы имен, которые мы можем представить, имеют форму «человек, называемый таким-то», «человек, которого называют “Вальтер Скотт”», «человек, которого называют “Сократ”», то каково бы ни было это отношение *именования*, это будет тем, что определяет референцию, а не какую-либо дескрипцию вида «человек, которого называют “Сократом”».

Лекция 2. 22 января 1970 г.

Мы закончили разговор о теории присвоения имен, ряд тезисов которой представлен на доске:

- (1) Каждому имени или обозначению выражения « X » соответствует кластер свойств, а именно семейство свойств φ такое, что A считает « φX ».
- (2) При помощи одного из свойств или некоторой группы свойств, A , как он считает, однозначно выделяет некоторого отдельного человека.
- (3) Если большинство или средневзвешенное большинство свойств φ удовлетворяются одним уникальным объектом y , то y является референтом « X ».
- (4) Если голосование не выбирает уникального объекта, « X » ни на что не ссылается.
- (5) Утверждение «Если X существует, тогда X имеет большинство из свойств φ » априори известно говорящим.
- (6) Утверждение «Если X существует, тогда X имеет большинство из свойств φ » выражает необходимую истину (в идиолекте говорящего).

(С) Для любой успешной теории связь не должна быть циклической. Свойства, которые используются в принятии решения, сами по себе не должны включать понятие референции таким образом, чтобы его, в конечном счете, невозможно было устранить.

(С) является не тезисом, а условием удовлетворения других тезисов. Другими словами, тезисы (1) - (6) не могут выполняться таким образом, чтобы не ссылаться на самих себя, они не приводят к какому-либо независимому определению референции. Пример нарушающей отсутствие цикличности теории, который я дал в последний раз - это теория имен, упомянутых Уильямом Кнейле. Я был немного удивлен утверждениями этой теории, когда я читал то, что скопировал, поэтому я решил перепроверить материал. Я посмотрел в книге, чтобы проверить, правильно ли я скопировал ее. Кнейл действительно использовал прошедшее время. Он сказал, что не будет тавтологией утверждение, что Сократ был величайшим философом древней Греции. Будет тавтологией говорить, что Сократа звали «Сократом». Поэтому он заключает, что имя Сократ должно просто означать «индивидуум, называемый “Сократ”». Рассел, как я уже сказал, в некоторых местах дает аналогичный анализ. Во всяком случае, как было сказано, это условие не было бы циклическим, потому что можно было бы использовать термин «Сократ» для обозначения того, кого греки называли «Сократом». Но, конечно, в этом смысле не будет тавтологией высказывание, что Сократа звали «Сократом». Если это какой-то факт, это может быть неверно. Предположим, мы знаем, что *мы* называем его «Сократом»; что едва ли доказывает, что так делали сами греки. На самом деле, конечно, они могли произносить имя иначе. В случае с этим конкретным именем, может быть, транслитерация с греческого настолько хороша, что английская версия произношения не сильно отличается от греческой. Но в общем случае это не так. Разумеется, не будет тавтологией говорить, что Исаию называли «Исаией». На самом деле, будет ошибкой говорить, что Исаию называли «Исаией»; пророк не узнал бы это имя вообще. И, конечно же, греки не называли свою страну чем-то вроде «Греции». Предположим, мы исправили тезис, чтобы он звучал: «Будет тавтологией говорить, что Сократ называется нами «Сократом», или, по крайней мере, мной, говорящим». Тогда в некотором смысле это чистая тавтология. Я не думаю, что этот тезис необходимый или аналитический. Таким же образом, будет тавтологией говорить, что лошадей называют «лошадьми», и без того приходя к выводу, что слово «лошадь» просто *означает* «животное, называемое “лошадью”». Как и теория референции на имя «Сократ», это сразу приведет к порочному

кругу. Если бы кто-то определял референта имени типа «Гланк» и принял следующее решение: «Я буду использовать термин «Гланк» для обозначения человека, которого я называю «Гланк»», это ни к чему не приведет. Лучше иметь какое-то независимое определение референта «Гланк». Это хороший пример откровенно циклической детерминации. На самом деле такие предложения, как «Сократа зовут «Сократ»», очень интересны, и можно потратить, как ни странно, часы говоря об их анализе. Однажды я действительно сделаю это. Однако я не буду этого делать сегодня. (Смотрите, каких высот могут достичь океаны речи, и каковы его низины. (*прим. пер.: в оригинале «See how high the seas of language can rise. And at the lowest points too» - отсылка к Витгенштейну «How high the seas of language flow here»*)). В любом случае это полезный пример нарушения условия цикличности. Вероятно, эта теория удовлетворяет всем этим утверждениям, но она удовлетворяет им только потому, что существует независимый способ определения ссылки независимо от конкретного условия: быть человеком, называемым Сократом.

Я уже говорил в последней лекции о тезисе (6). Тезисы (5) и (6), кстати, тесно связаны. То, что я сказал для тезиса (5), это утверждение о том, что если X существует, X имеет большую часть свойств ϕ , что априорно для говорящего. В рамках данной теории также верно, что некоторые обратные утверждения этого положения также априорно справедливы для говорящего, а именно: если какая-либо уникальная вещь имеет большинство свойств ϕ (в смысле соотнесенных определенным образом, «the properly weighted sense»), то это X. Аналогично, некоторое обратное утверждение к этому будет *необходимо* истинно, а именно: если что угодно имеет большинство свойств ϕ (в смысле соотнесенных определенным образом), то это X. Так что действительно можно сказать, что будет априорным и необходимым, что что-то есть X, тогда и только тогда, когда оно однозначно имеет большинство свойств ϕ . Я полагаю, это явно вытекает из предыдущих тезисов (1) - (4). И (5) и (6) действительно просто говорят, что достаточно вдумчивый говорящий осознает эту теорию собственных имен. Зная это, он видит, что (5) и (6) истинны. Возражения против тезисов (5) и (6) не смогут состоять в том, что некоторые ораторы не знают об этой теории и поэтому не знают этих вещей.

В последней лекции я обсуждал тезис (6). Многие философы рассматривали его. Если кластер свойств, связанных с собственным именем, берется в очень узком смысле, так что только одному свойству вообще дается какой-либо вес, скажем, одно определенное описание для определения референта, - например, Аристотель был философом, который учил Александра Македонского, - тогда некоторые вещи окажутся необходимыми истинами, которые необходимыми истинами не являются - в данном случае, что Аристотель учил Александра Македонского. Но, как сказал Сёрл, это является не необходимой истиной, а случайной, что Аристотель когда-либо занимался педагогикой. Поэтому он заключает, что нужно отказаться от первоначальной парадигмы одной дескрипции и обратиться к теории кластера дескрипций.

Чтобы обобщить некоторые вещи, о которых я говорил в прошлый раз, это не будет правильным ответом (каким бы он ни был) на эту проблему о необходимости. Сёрл продолжает говорить:

Предположим, мы согласны отказаться от «Аристотеля» и использовать, скажем, «учитель Александра», тогда будет необходимой истиной, что мы ссылаемся на учителя Александра, - но это случайный факт, что Аристотель когда-либо занимался педагогикой, хотя я и предполагаю, что это является необходимым фактом, что

*Аристотель имеет логическую сумму, включающую дизъюнкцию, свойств, обычно приписываемых ему...*³¹

Это не так. Это просто не необходимая истина, в любом интуитивном смысле необходимости, что Аристотель имел свойства, обычно приписываемые ему. Существует определенная теория, возможно, популярная среди некоторых взглядов на философию истории, которая может быть как детерминированной, и в то же время придавать человеку большую роль в истории. Возможно, достижения Карлайла (Carlyle) будут ассоциироваться со значением имени великого человека. Согласно такому мнению, будет необходимо, что как только рождается определенный человек, ему будет предназначено выполнять великие задачи, и подобно Аристотелю, он создаст идеи, которые окажут большое влияние на весь Западный мир. Какими бы ни были достоинства такого взгляда, как взгляда на историю или на природу великих людей, не похоже, что это должно быть тривиально истинно на основе теории собственных имен. Казалось бы, это случайный факт, что Аристотель в прошлом совершал приписываемые ему сегодня вещи, *любые* из тех великих достижений, которыми мы так восхищаемся. Должен сказать, в этом есть *что-то* от взглядов Сёрла. Когда я слышу имя «Гитлер», я получаю иллюзорное «инстинктивное чувство», своего рода аналитическое, что этот человек был злым. Но на самом деле, наверное, нет. Гитлер, возможно, провел все свои дни в тишине в Линце. В этом случае мы бы не сказали, что этот человек не был бы Гитлером, потому что мы используем имя «Гитлер» так же, как имя этого человека, даже описывая другие возможные миры. (Это понятие, которое я назвал *жестким десигнатом* в предыдущей лекции.) Предположим, мы решили выбрать референцию «Гитлера», как человека, который убил больше евреев, чем кто-либо другой за всю историю. Именно так мы выбираем референцию на имя; но в другой контрфактической ситуации, когда кто-то еще мог бы быть так дискредитирован, мы бы не сказали, что в этом случае другим человеком был бы Гитлер. Если бы Гитлер никогда не пришел к власти, у него не было бы свойств, которые, я полагаю, мы используем, чтобы зафиксировать референцию на его имя. Точно так же, если мы определим, что такое метр, референцией на стандартную метровую палку, это будет случайной истиной, а не необходимой, что эта конкретная палка будет длиной один метр. Если бы она растянулась, она было бы длиннее одного метра. И именно потому мы используем термин «один метр», чтобы точно обозначить определенную длину. Хотя мы фиксируем, какую длину мы обозначаем случайным свойством этой длины, так же как и в случае с именем человека, мы можем выбрать человека по его случайному свойству, но мы используем имя для обозначения конкретного человека или конкретной длины во всех возможных мирах. Свойство, которое мы используем, не обязательно должно каким-либо образом быть необходимым или сущностным (*necessary or essential*). В случае ярда первоначальный способ, каким была выбрана эта длина, была, я думаю, это расстояние между носом и кончиком пальца у вытянутой руки короля Англии Генриха I. Тем не менее, если бы это была длина ярда, не было бы необходимой истиной, что расстояние между кончиком его пальца и его носом должно быть ярдом. Может быть, мог произойти несчастный случай с его рукой, и она бы стала короче; это было бы возможно. И причина, по которой это не является необходимой истиной, заключается не в том, что могут быть другие критерии в «кластерной концепции» ярда. Даже человек, который точно использует руку короля Генри, как его единый стандарт длины, может сказать, контрфактически, что если с королем произошли некоторые вещи, точное расстояние между концом одного из его пальцев и его носом не было бы точно ярдом. Ему не нужно использовать кластер свойств, поскольку он использует термин «ярд» для выбора определенной фиксированной референции для этой длины во всех возможных мирах.

---

³¹ Searle, 'Proper Names', in Caton, op. cit., p. 160.

Эти замечания показывают, я думаю, интуитивную причудливость большого объема литературы по «трансмировой идентификации» и «теории двойников». Многие теоретики такого рода полагают, что «возможный мир» нам дается только качественно. Они утверждают, что Аристотель должен быть «идентифицирован в других возможных мирах» или, как альтернатива, его двойники должны быть идентифицированы с теми объектами в других возможных мирах, которые наиболее близко напоминают Аристотеля в его самых важных свойствах. (Льюис, например, говорит: «Ваши двойники... напоминают вас... в важных отношениях... сильнее, чем другие вещи в их мирах... взвешенные по важности различных аспектов и степеней схожести».³²) Некоторые могут приравнивать важные свойства к тем свойствам, которые используются для идентификации объекта в реальном мире.

Разумеется, эти понятия неверны. Для меня самые важные свойства Аристотеля состоят в его философской работе, а Гитлера - в его кровавой политической роли; обеим, как я уже сказал, вообще могло не хватать этих свойств. Разумеется, не было никакой логической судьбы, нависшей над Аристотелем или Гитлером, которая неизбежно наделила бы их теми свойствами, которые мы считаем важными для них; у них могла быть карьера, совершенно отличная от их реальной. *Важные* свойства объекта не обязательно должны быть сущностными, если только «важность» не используется как синоним сущности; объект мог бы иметь свойства, сильно отличающиеся от его наиболее ярких фактических свойств или от свойств, которые мы используем для его идентификации.

Чтобы прояснить одну вещь, о которой некоторые люди часто спрашивают меня: когда я говорю, что десигнат является жестким и обозначает одно и то же во всех возможных мирах, я имею в виду, как и в *нашем* обычном языке, что десигнат указывает на объект, когда мы говорим о контрфактических ситуациях. Я не имею в виду, конечно, что не может быть контрфактических ситуаций, когда в других возможных мирах люди говорят на другом языке. Нельзя сказать, что «два плюс два равно четырем» случайно по той причине, что люди могут говорить на языке, в котором «два плюс два равно четыре» означало бы, что семь – четное число. Точно так же, когда мы говорим о контрфактической ситуации, мы говорим о ней на английском языке, даже если частью описания этой ситуации будет то, что все мы говорим по-немецки. Мы говорим: «предположим, что мы все говорили по-немецки» или «предположим, что мы используем английский нестандартным образом». Затем мы описываем возможный мир или контрфактическую ситуацию, в которой люди, включая нас самих, говорили бы иначе. Но, тем не менее, описывая этот мир, мы используем английский с *нашими* значениями и *нашими* референциями. Именно в этом смысле я говорю о жестком десигнате как о том же упоминании во всех возможных мирах. Я также не подразумеваю, что обозначенная вещь существует во всех возможных мирах, просто имя точно относится к этой вещи. Если вы скажете: «Предположим, что Гитлер никогда не рождался», тогда «Гитлер» здесь все еще точно указывает на что-то, чего не было бы в описанной контрфактической ситуации.

Учитывая эти замечания, это означает, что мы должны отбросить тезис (6) как ошибочный. Другие тезисы не имеют ничего общего с необходимостью и могут остаться. В частности, тезис (5) не имеет ничего общего с необходимостью и может выжить. Если я использую имя «Геспер» для обозначения определенной планеты, наблюдаемой вечером в определенном месте на небе, это не будет необходимой истиной, что Геспер можно наблюдать вечерами. Это зависит от различных случайных фактов о том, что люди там видят, и тому подобное. Поэтому, даже если я скажу себе, что буду использовать «Геспер», чтобы называть небесное тело, которое я вижу вечером на небе, не требуется,

---

³²[D.Lewis](#), op.cit., pp.114-115.

чтобы Геспер наблюдался вечером когда-либо ранее. Но то, как именно так я определил референт, может быть априорно. Если бы я определил, что Геспер - это то, что я видел вечером там-то на небе, тогда я узнаю, просто из определения референта, что если существует какой-то Геспер - это то, что я видел вечером. Это, по крайней мере, работает до тех пор, пока мы используем введенные ранее аргументы.

Как насчет теории, в которой тезис (6) устраняется? Тезисы (2), (3) и (4) имеют большой класс взаимоисключений. Даже если тезисы (2) - (4) верны, тезис (5) обычно неверен; истинность тезисов (3) и (4) является эмпирической «случайностью», которую говорящий вряд ли знает априори. То есть другие принципы действительно определяют референцию говорящего, а тот факт, что референт совпадает с тем, что определяется (2) - (4), является «случайностью», которую мы не имели возможности знать априори. Только в редком классе случаев все (2) - (5) истинны.

Какую картину именованного дают нам тезисы (1) - (5)? Картина такова. Я хочу назвать объект. Я думаю о каком-то способе описать его однозначно, и тогда я, так сказать, прохожу, так сказать, через ментальную церемонию: «Цицероном» я буду говорить о человеке, который осудил Катилина; и это будет референция «Цицерон». Я буду использовать «Цицерон», чтобы точно обозначить человека, который (фактически) осудил Катилина, поэтому я могу говорить о возможных мирах, в которых он этого не сделал. Но все же сначала идут мои намерения, давая некоторое условие, которое однозначно определяет объект, а затем использует определенное слово как имя для объекта, определенного этим условием. Теперь могут быть некоторые случаи, когда мы это делаем. Может быть, если вы хотите расширить и назвать это описанием, тогда вы скажете: я назову вон то небесное тело «Геспер».³³ Это действительно тот случай, когда тезисы не только верны, но и действительно дают правильную картину того, как определяется референция. Можно привести другой пример, когда полиция в Лондоне использует имя «Джек» или «Джек Потрошитель», чтобы обратиться к человеку, кем бы он ни был, который совершил все убийства или большую их часть. Затем они дают референцию на имя через описание.³⁴ Но во многих или большинстве случаев я считаю тезисы ложными. Давайте посмотрим на них.³⁵

---

³³ Еще лучше случай определения ссылки на имя по описанию, в отличие от прямого указания, - это открытие планеты Нептун. Нептун был выдвинут в качестве гипотезы, как планета, которая вызывала такие-то расхождения на орбитах некоторых других планет. Если бы [Леверье](#) действительно дал планете название «Нептун» до того, как он когда-либо был замечен, он бы зафиксировал референцию «Нептун» с помощью только что упомянутого описания. В то время он не мог увидеть планету даже через телескоп. На этом этапе существует априорная материальная эквивалентность между утверждениями «Нептун существует» и «какая-то одна планета, возмущающая орбиту таких-то и таких-то планет, существует в такой-то позиции», а также такие утверждения, как «если такие-то возмущения вызваны планетой, они вызваны Нептуном», имели статус априорных истин. Тем не менее, они не были необходимыми истинами, поскольку «Нептун» был введен как имя, точно обозначающее определенную планету. Леверье вполне мог подумать, что если бы Нептун был сбит с курса миллион лет назад, это не вызвало бы таких возмущений и даже то, что какой-то другой объект мог вызвать возмущения в этом месте.

³⁴ Следуя замечаниям Доннеллана об определенных описаниях, мы должны добавить, что в некоторых случаях объект может быть идентифицирован, а референция на имя зафиксирована, используя описание, которое может оказаться ложным для этого объекта. Весьма очевидным является случай, когда референция «Фосфор» определяется как «утренняя звезда», которая позже оказывается не звездой. В таких случаях описание, которое фиксирует референцию, явно неизвестно априорно, чтобы быть связанным с объектом, хотя может быть более осторожной заменой. Если такая более осторожная замена недоступна, это действительно замена, которая фиксирует референцию в смысле, предполагаемом в тексте.

³⁵ Некоторые тезисы небрежно сформулированы в отношении надуманных вопросов, таких как использование кавычек и связанных с ними деталей. (Например, тезисы (5) и (6), как указано, предполагают, что язык говорящего - английский.) Поскольку смысл тезисов ясен, и они все равно ложны, я не потрудился разобрать их явно.

Тезис (1), как я уже сказал, является определением. В тезисе (2) говорится, что одно из свойств объекта или некоторые из них, которые, по мнению *A*, выделяют отдельного человека однозначно. Пример того, что люди имеют в виду, это то, что я уже разбирал: я буду использовать термин «Цицерон», чтобы обозначить человека, который осудил Катилина (или сначала осудил его публично, чтобы сделать термин уникальным). Это однозначно определяет объект в этой конкретной референции. Даже некоторые авторы, такие как [Robert Paul Ziff](#) в «*Семантическом анализе*», которые не верят, что имена имеют значение, считают, что это хорошая демонстрация того, как можно определить референцию.

Предположим, что тезис (2) является истиной. Кажется, каким-то априорным образом, что это должно быть правдой, потому что, если вы не думаете, что свойства, которые вы имеете в виду, определяют кого-либо уникальным образом, - допустим, что все они удовлетворяются для двух человек, - тогда как вы можете сказать, о каком из них вы говорите? Кажется, нет никаких оснований говорить, что вы говорите об одном человеке, а не о другом. Обычно рассматриваемые свойства должны быть некоторыми известными делами, совершенными человеком. Например, Цицерон был человеком, который осудил Катилина. В соответствии с этим, когда обычный человек ссылается на Цицерона, он говорит что-то вроде «человека, который осудил Катилина» и, таким образом, выбирает уникального определенного человека. Это - дань уважения образованию философов, что они долгое время удерживали этот тезис. Фактически, большинство людей, когда они думают о Цицероне, просто думают о *знаменитом римском ораторе*, не претендуя на мысль, что есть только один знаменитый римский оратор, или что кто-то должен знать что-то еще о Цицероне, чтобы давать референцию на его имя. Подумайте о Ричарде Фейнмане, на которого многие из нас могут ссылаться. Он является ведущим современным физиком-теоретиком. Все *здесь* (я уверен!) могут изложить содержание одной из теорий Фейнмана, чтобы отличить его от [Гелл-Мана](#). Тем не менее, человек на улице, не обладающий этими способностями, все еще может использовать имя «Фейнман». Когда его спросят, он скажет: ну, он физик или что-то в этом роде. Он может не думать, что это указывает на кого-то уникально. Я все еще думаю, что он использует имя «Фейнман» как имя для Фейнмана.

Но давайте посмотрим на некоторые из случаев, когда у нас есть описание, чтобы выбрать кого-то однозначно. Скажем, например, что мы знаем, что Цицерон был человеком, который первым осудил Катилина. Что же, это хорошо. Это действительно указывает на кого-то однозначно. Однако есть проблема, потому что это описание содержит другое имя, а именно «Катилина». Мы должны быть уверены, что удовлетворяем условиям таким образом, чтобы не нарушать здесь условие отсутствия цикличности. В частности, мы не должны говорить, что Катилин был человеком, осужденным Цицероном. Если мы это сделаем, мы не укажем на что-либо однозначно, мы просто выберем пару объектов *A* и *B*, таких, что *A* осуждает *B*. Мы не думаем, что это была единственная пара, где когда-либо происходили такие осуждения; поэтому нам лучше добавить некоторые другие условия, чтобы удовлетворить условию единственности.

Если мы скажем, что Эйнштейн был человеком, который открыл теорию относительности, это определено однозначно указывает на кого-то. Можно быть уверенным, как я уже сказал, что все *здесь* могут сделать компактное и независимое изложение этой теории и таким образом указать на Эйнштейна однозначно; но многие люди на самом деле недостаточно знают об этом, поэтому, когда их спросят, что такое теория относительности, они скажут: «Теория Эйнштейна» и, таким образом, придут к самому очевидному порочному кругу.

Таким образом, тезис (2), не может быть напрямую удовлетворен, когда мы говорим, что Фейнман - известный физик, не приписывая Фейнману что-либо еще. С другой стороны, это может быть не удовлетворено надлежащим образом, даже если кажется, что оно удовлетворено. Если мы говорим, что Эйнштейн был «человеком, который открыл теорию относительности», это однозначно указывает на кого-то; но это не может указать на него таким образом, чтобы удовлетворять условию отсутствия цикличности, потому что теория относительности, в свою очередь, может быть выбрана как «теория Эйнштейна». Таким образом, тезис (2) представляется ложным.

Изменяя условия ϕ от тех, которые обычно ассоциируются с именами философов, другие могут попытаться улучшить теорию. Были разные способы, которые я слышал; возможно, я обсужу их позже. Обычно они думают о знаменитых достижениях человека по его имени. Конечно, в случае известных достижений теория не работает. Один из моих учеников однажды сказал: «Ну, Эйнштейн открыл теорию относительности»; и он определил независимую референцию на «теорию относительности», ссылаясь на энциклопедию, которая давала бы детали теории. (Это то, что называется трансцендентальной дедукцией существования энциклопедий.) Но мне кажется, что, даже если кто-то слышал об энциклопедии, для его референции в действительности не важно, знает ли он, насколько подробно эта теория описана в какой-либо энциклопедии. Ссылка могла бы работать, даже если бы вообще не было энциклопедий.

Перейдем к тезису (3): если большая часть ϕ , подходящим образом средневзвешенная, удовлетворена уникальным объектом y , то для говорящего y является референтом имени. Теперь, поскольку мы уже установили, что тезис (2) неверен, почему любой из остальных тезисов остается рабочим? Вся теория зависела от того, что можно было всегда указать особые условия, которые будут удовлетворяться. Но мы все же можем посмотреть на другие тезисы. Картина, создаваемая теорией, такова, что только путем определения нескольких уникальных свойств вы можете знать, кто есть кто, и, следовательно, знать, чем является референция на ваше имя. Ну, я не стану углубляться в вопросы о том, кто есть кто. Это действительно очень озадачивает. Я думаю, вы знаете, кто такой Цицерон, если вы просто можете ответить, что он знаменитый римский оратор. Как ни странно, если вы знаете, что Эйнштейн открыл теорию относительности и ничего не знаете об этой теории, на основе этого вы можете знать, кто такой Эйнштейн, а именно, первооткрыватель теории относительности, и кто открыл теорию относительности, а именно, Эйнштейн. Это, по-видимому, является грубым нарушением какого-либо принципа отсутствия цикличности; но это то, как мы обычно говорим. Поэтому представляется, что картина, которая предполагает это условие, должна быть ошибочной.

Предположим, что большинство из ϕ фактически удовлетворяется уникальным объектом. Этот объект с необходимостью является референтом «X» для A ? Предположим, кто-то говорит, что Гёдель - это человек, который доказал неполноту арифметики, и этот кто-то достаточно хорошо образован и даже способен дать независимое объяснение теоремы о неполноте. Он не просто говорит: «Ну, это теорема Гёделя» или что-то еще. Он на самом деле утверждает некоторую теорему, которую он приписывает Гёделю как первооткрывателю. В таком случае, если большинство из ϕ удовлетворяется единственным объектом y , то y является референтом имени «X» для A ? Давайте рассмотрим простой случай. В случае с Гёделем, это практически единственное, что многие слышали о нем, - он обнаружил неполноту арифметики. Следует ли из этого, что тот, кто обнаружил неполноту арифметики, является референтом «Гёделя»?

Представьте себе следующую откровенно вымышленную ситуацию. (Надеюсь, профессор Гёдель здесь отсутствует.) Предположим, что Гёдель не был автором этой теоремы. Человек по имени «Шмидт», чье тело было обнаружено в Вене в загадочных

обстоятельствах много лет назад, фактически написал эту работу. Его друг Гедель каким-то образом получил рукопись, и впоследствии рукопись была приписана Гёделю. Тогда в рассматриваемом вопросе, когда наш обычный человек использует имя «Гёдель», он в действительности ссылается на Шмидта, потому что Шмидт - это уникальный человек, удовлетворяющий описанию, «человек, который обнаружил неполноту арифметики». Конечно, вы можете попробовать изменить его на «человека, который опубликовал открытие неполноты арифметики». Изменяя историю немного дальше, можно сделать даже эту формулировку ложной. Во всяком случае, большинство людей, возможно, даже не знают, была ли эта публикация опубликована или передавалась из уст в уста. Давайте придерживаться варианта «человека, который обнаружил неполноту арифметики». Итак, поскольку человек, который обнаружил неполноту арифметики, на самом деле Шмидт, мы, когда говорим о «Геделе», на самом деле всегда ссылаемся на Шмидта. Но мне кажется, что это не так. Мы этого не делаем. Один ответ, который я обсужу позже, может быть следующим: вместо этого вы должны сказать: «человек, которому обычно приписывается неполнота арифметики» или что-то в этом роде. Давайте посмотрим позже, что мы сможем сделать с этим.

Но многим может показаться, что это очень странный пример или что такая ситуация встречается редко. Это также дань уважения образованию философов. Очень часто мы используем имя на основе значительной дезинформации. Случай математики, используемый в фиктивном примере, является хорошей демонстрацией. Что мы знаем о Пеано? Многие люди в этой комнате могут «знать» о Пеано, что он был первооткрывателем определенных аксиом, которые характеризуют последовательность натуральных чисел, так называемые «аксиомы Пеано». Вероятно, некоторые люди даже могут их сформулировать. Мне сказали, что эти аксиомы были впервые обнаружены не Пеано, а Дедекиндом. Пеано, конечно, не был нечестным человеком. Мне сказали, что его сноски включают ссылки на Дедекинда. Каким-то образом сноски были проигнорированы. Итак, в рассматриваемой теории термин «Пеано», как мы его используем, на самом деле относится, - сейчас вы услышали об этом, вы видите, о чем вы действительно все время говорили – к Дедекинду. Но вы говорили не об этом. Такие иллюстрации можно было бы приводить и приводить.

Разумеется, у неспециалиста возникают даже худшие заблуждения. В предыдущем примере я предполагал, что люди идентифицируют Эйнштейна, ссылаясь на его работу по теории относительности. На самом деле, я часто слышал, что самым известным достижением Эйнштейна было изобретение атомной бомбы. Поэтому, когда мы обращаемся к Эйнштейну, мы ссылаемся на изобретателя атомной бомбы. Но это не так. Колумб был первым, кто понял, что Земля круглая. Он также был первым европейцем, который оказался в западном полушарии. Наверное, ни одна из этих вещей не верна, и поэтому, когда люди используют термин «Колумб», в действительности ссылаются на какого-то грека, если они говорят об округлости Земли или, возможно, на какого-нибудь норманна, если они говорят об «открытии Америки». Но они этого не делают. Поэтому, не похоже, что если большинство из φ удовлетворяется уникальным объектом u , то u является референтом имени. Это кажется просто ошибочным.³⁶

---

³⁶ Теория именованности кластеров описаний делает выражение «Пеано открыл аксиомы для теории чисел» выражающим тривиальную истину, а не заблуждение, а также для других неправильных представлений об истории науки. Некоторые, кто допускал такие случаи, утверждали, что существуют другие применения одних и тех же имен, удовлетворяющих теории кластеров. Например, утверждается, что если мы говорим: «Гедель доказал неполноту арифметики», мы, конечно, имеем в виду Геделя, а не Шмидта. Но, если мы скажем: «Гедель полагался на диагональный аргумент на этом этапе доказательства», разве мы здесь не имеем в виду того, кто доказал теорему? Точно так же, если кто-то спросит: «Что здесь имел в виду Аристотель (или Шекспир)?», разве он не говорит об авторе рассматриваемого отрывка, кто бы

Тезис (4): если голосование не выбирает уникального объекта, имя ни на что не ссылается. На самом деле этот случай был рассмотрен ранее в моих предыдущих примерах. Во-первых, голосование может не выбрать *уникальный* объект, как в случае с Цицероном или Фейнманом. Во-вторых, предположим, что оно не выбирает *никакого* объекта, что ничто не удовлетворяет большинству или даже какому-либо существенному количеству φ . Означает ли это, что имя не имеет ссылки? Нет: так же, как вы можете иметь ложные убеждения о человеке, которые в действительности могут оказаться правдой для кого-то другого, у вас могут быть ложные убеждения, которые ни для кого не будут истинны. И это может составлять совокупность ваших убеждений. Предположим, чтобы изменить пример о Геделе, никто не обнаружил неполноту арифметики - возможно, доказательство просто материализовалось случайным объединением атомов на листе бумаги. Гёделю повезло, что он присутствовал, когда произошло это невероятное событие. Далее, предположим, что арифметика фактически является завершённой. На самом деле, никто не ожидал бы случайного объединения атомов, образующего правильное доказательство. Тонкая ошибка, неизвестная в течение десятилетий, до сих пор осталась незамеченной - или, может быть, не совсем незамеченной, но друзья Геделя... Поэтому, даже если условия не удовлетворяются уникальным объектом, имя может по-прежнему ссылаться на что-то. На прошлой неделе я рассказывал вам об Ионе. Библейские ученые, как я уже сказал, думают, что Иона действительно существовал. Дело не в том, что они думают, что кто-то проглотила большая рыба или даже что кто-то отправился в Ниневию, чтобы проповедовать. Эти условия могут оказаться ни для кого не справедливыми, но имя «Иона» действительно имеет референт. В приведенном выше примере изобретения Эйнштейном бомбы, возможно, в действительности никто не заслуживает того, чтобы называться «изобретателем» устройства.

В тезисе 5 говорится, что утверждение «Если X существует, то X имеет большую часть φ », является априори истиной для A . Обратите внимание, что даже в случае, когда (3) и (4) оказались истинными, обычный говорящий вряд ли знает априори, чем они являются, как того требует теория. Я *думаю*, что мои убеждения о Гёделе, в самом деле, правильны, и что история «Шмидта» - это просто фантазия. Но вера вряд ли составляет априорное знание.

Что тут происходит? Можем ли мы спасти теорию? ³⁷ Во-первых, можно попробовать изменить эти описания - не думать о значительных достижениях человека,

---

он ни был? По аналогии с использованием описаний Доннелланом, это может быть названо «атрибутивным» использованием собственных имен. Если это так, то, говоря об истории Геделя-Шмидта, предложение «Гёдель доказал теорему о неполноте» неверно, но «Гёдель использовал диагональный аргумент в доказательстве» является (по крайней мере в некоторых контекстах) истинным, а ссылка на имя «Гёдель» будет неоднозначной. Поскольку некоторые остаются контрпримеры, теория кластерных описаний в целом будет ложной, что является главным моментом в моем тексте, но она применима в более широком классе задач, чем я думал. Однако я считаю, что не должно постулироваться никакой подобной двусмысленности. Возможно, будетистиной, что если кто-то иногда использует имя «Гёдель», он говорит о том, кто доказал теорему, и в каком-то смысле он «ссылается» на него. Я не думаю, что этот случай отличается от случая Смита и Джонса в сноске 3. Если я перепутаю Джонса со Смитом, я могу сослаться (в соответствующем смысле) на Джонса, когда я скажу, что Смит сгребает листья. Тем не менее, я не использую «Смит» неоднозначно, как иногда имя Смита, а иногда Джонса, но недвусмысленно, как имя Смита. Точно так же, если я ошибочно думаю, что Аристотель написал такие-то труды, я, возможно, иногда использую «Аристотель», чтобы сослаться на фактического автора этого труда, хотя нет никакой двусмысленности в моем использовании имени. В обоих случаях я заберу свое первоначальное заявление и свое первоначальное использование имени, если узнаю о других фактах. Напомним, что в этих лекциях «референт» используется в техническом смысле объекта, названного именем (или уникально удовлетворяющему описанию), так что здесь не должно быть путаницы.

³⁷Мне было предложено, кто-то может утверждать, что имя связано с «ссылочным» использованием описания в смысле Доннеллана. Например, хотя мы определяем Гёделя как автора теоремы о неполноте, мы продолжим его называть так, даже если он не доказал эту теорему. Тезисы (2) - (6) могли бы потерпеть

но, скажем, о чем-то другом, и попытаться использовать это как наше описание. Может быть, после длительной возни с описанием кто-то сможет в итоге получить что-то дельное;³⁸ однако большинство попыток, будут открыты для контрпримеров или других возражений. Позвольте мне привести пример. В случае с Гёделем можно сказать: «Ну, “Гёдель” не означает “человек, который доказал неполноту арифметики”». Послушайте, все, что мы действительно знаем, это то, что большинство людей *думает*, что Гёдель доказал неполноту арифметики, что Гёдель - это человек, которому обычно приписывается неполнота арифметики. Поэтому, когда я определяю референта имени «Гёдель», я не говорю себе: «под “Гёделем” я имею в виду “человека, который доказал неполноту арифметики, кем бы он ни был”». Им может оказаться Шмидт или Пост. Но вместо этого я имею в виду «человека, который, по мнению большинства людей, доказал неполноту арифметики».

Так ли это? Во-первых, мне кажется, что такая теория открыта для контрпримеров того же типа, которые я приводил раньше, хотя контрпримеры могут быть более точными. В случае упомянутого ранее Пеано предположим, что без ведома говорящего большинство людей (по крайней мере, сейчас) полностью осознали, что ему не следует приписывать теоретико-числовые аксиомы. Большинство людей не приписывают их Пеано, но теперь правильно приписывают их Дедекинду. Итак, человек, которому это обычно приписывают, по-прежнему будет Дедекиндом, а не Пеано. Тем не менее, говорящий, используя устаревшее убеждение, все еще может ссылаться на Пеано и придерживаться ложной веры в отношении Пеано, а не истинной веры в отношении Дедекинда.

Но, во-вторых, и, что более важно, такой критерий нарушает условие отсутствия цикличности. Каким образом? Это правда, что большинство из нас думает, что Гёдель доказал неполноту арифметики. Почему это так? Мы, конечно же, говорим и искренне: «Гёдель доказал неполноту арифметики». Следует ли из этого, что мы считаем, что Гёдель доказал неполноту арифметики, - что мы приписываем доказательство неполноты арифметики этому человеку? Нет. Не только из этого. Мы *ссылаемся на Гёделя*, когда говорим: «Гёдель доказал неполноту арифметики». Если бы мы на самом деле всегда ссылались на Шмидта, тогда мы бы приписывали неполноту арифметики Шмидту, а не Гёделю, мы использовали бы набор звуков «Гёдель» как имя человека, которого я называю «Шмидтом».

неудачу; но, тем не менее, каждое имя сократило бы описание, хотя роль описания в наименовании радикально отличалась бы от той, которую представляли Фреге и Рассел. Как я уже сказал ранее, я склонен отклонять формулировку Доннеллана о понятии определённого референциального описания. Однако даже если мы принимаем анализ Доннеллана, ясно, что рассматриваемого предложения не должно быть. Определённое референциальное описание, такое как «человек, пьющий шампанское», обычно снимается, когда говорящий понимает, что оно не относится к объекту. Если обман Гёделя был разоблачен, Гёдель больше не назывался бы «автором теоремы о неполноте», но он все равно назывался бы «Гёдель». Таким образом, имя - не аббревиатурное обозначение описания.

³⁸Как указал мне Роберт Нозик, есть возможность, при которой теория описания должна быть тривиальной истиной, если доступна какая-либо теория референций на имена, прописанная в терминах, не зависящих от понятия референции. Ибо, если такая теория дает условия, при которых объект должен быть референтом имени, то он, конечно, однозначно удовлетворяет этим условиям. Поскольку я не претендую на то, чтобы дать какую-либо теорию, которая устраняет понятие референции в этом смысле, я не знаю ни одного такого тривиального выполнения теории описания и сомневаюсь в том, что она существует. (Описание, использующее понятие ссылки на имя, легкодоступно, но циклично, как мы видели это в нашем обсуждении про William Calvert Kneale.) Однако, если бы подобное тривиальное выполнение было доступно, аргументы, которые я привел, демонстрировали бы, что описание должно быть чем-то совершенно другого рода, чем предполагалось Фреге, Расселом, Сёрлом, Стросоном и другими сторонниками дескриптивной теории.

Но в действительности мы говорим о Гёделе. Как нам это сделать? Ну, не говоря себе: «Под “Гёделем” я имею в виду человека, которому обычно приписывается неполнота арифметики». Если бы мы это сделали, мы бы столкнулись с цикличностью. Здесь мы все в этой комнате. На самом деле, некоторые в этом учреждении³⁹ встречали этого человека, но для многих учреждений это не так. Все мы в сообществе пытаемся определить ссылку, говоря: «Гёдель должен быть человеком, которому обычно приписывается неполнота арифметики». Никто из нас не начнет с какого-либо приписывания свойств, если не будет какого-то независимого критерия для ссылки на другое имя, кроме «человека, которому обычно приписывается неполнота арифметики». В противном случае все, что мы будем говорить, это: «Мы приписываем это достижение человеку, которому мы его приписываем», не говоря ни слова, кто этот человек, не давая никакого независимого критерия для определения ссылки, и поэтому определение будет цикличным. В таком случае, это является нарушением условия, которое я обозначил «С» и не может использоваться в какой-либо теории референции.

Конечно, вы можете попытаться избежать цикличности, перекладывая ответственность. Это упоминается Стросоном, который в своей сноске говорит по поводу этого, что ссылка у одного человека может происходить из чужих ссылок.

*Идентифицирующее описание, хотя оно не может включать ссылку на собственную ссылку говорящего на что-то конкретное по вопросу, может включать ссылку на ссылку другого человека на такую конкретику. Если предположительно идентифицирующее описание относится к этому последнему типу, то, действительно, вопрос, является ли оно подлинно идентифицирующим описанием, поднимает вопрос: является ли сама по себе ссылка, на которую оно ссылается, подлинно идентифицирующей ссылкой. Таким образом, одна ссылка может получать статус подлинно идентифицирующей ссылки от другой; а та - из другой. Но этот регресс не бесконечен.*⁴⁰

Затем я могу сказать: «Смотрите, под “Гёделем” я имею в виду человека, которого Джо считает доказавшим неполноту арифметики». Затем Джо может передать дело Гарри. Нужно быть очень осторожным, чтобы этот круг не замкнулся. Действительно ли говорящий уверен, что этого не произойдет? Если бы вы могли быть уверены в том, что знаете такую цепочку, и что все остальные в цепочке используют надлежащие условия и поэтому не выходят из нее, тогда, может быть, вы можете вернуться к объекту, обратившись к такой цепочке и заимствуя ссылки одна за другой. Однако, хотя в целом такие цепочки существуют для живого человека, вы не будете знать их полностью. Вы не будете уверены, какие описания использует другой человек, чтобы все это не стало цикличным, или, обратившись к Джо, вы вообще не вернетесь к правильному человеку. Поэтому вы не можете использовать это с какой-либо уверенностью, как идентифицирующее описание. Вы можете даже не вспомнить, от кого вы слышали о Гёделе.

Какова истинная картина того, что происходит? Возможно, ссылка вообще не имеет места! В конце концов, мы в действительности не знаем точно, что любые из свойств, которые мы используем для идентификации человека, истинны. Мы не знаем, что они выбирают уникальный объект. Итак, что *делает* мое использование слова «Цицерона» *его* именем? Картина, которая приводит к теории кластера дескрипций, примерно такая: один изолирован в комнате; все сообщество других говорящих, все остальное, могло исчезнуть; и один определяет для себя ссылку, говоря: «под “Гёделем” я

---

³⁹ Princeton University

⁴⁰ Strawson, op. cit., p. 182 n.

имею в виду человека, кем бы он ни был, кто доказал неполноту арифметики». Теперь вы можете сделать это, если хотите. Вам ничего не мешает. Вы можете просто придерживаться этого определения. Если это то, что вы делаете, то если Шмидт обнаружил неполноту арифметики, вы ссылаетесь на него, когда говорите: «Гедель сделал то-то и то-то».

Но это не то, что делает большинство из нас. Кто-то, скажем, ребенок, рождается; его родители называют его определенным именем. Они говорят о нем своим друзьям. Другие люди встречаются с ним. Через различные разговоры имя распространяется от человека к человеку, как если бы они были цепочкой. Говорящий, который находится в дальнем конце этой цепи, кто слышал о, скажем, Ричарде Фейнмане, на рынке или где-нибудь в другом месте, может сослаться на Ричарда Фейнмана, хотя он не может вспомнить, от кого он впервые услышал о Фейнмане или от кого он вообще слышал о Фейнмане. Он знает, что Фейнман - известный физик. Определенная последовательность сообщений, достигающая, в конечном счете, самого человека, достигает говорящего. Затем он имеет в виду Фейнмана, хотя он не может однозначно идентифицировать его. Он не знает, что такое диаграмма Фейнмана, он не знает, что такое теория рождения и аннигиляции Фейнмана. Не только это: у него возникнет проблема с разграничением между Гелл-Маном и Фейнманом. Поэтому ему не нужно знать эти вещи, но вместо этого цепочка связи, восходящая к самому Фейнману, была создана благодаря его членству в сообществе, которое передало это имя от человека к человеку, а не через церемонию, как он делает частным образом: «Под “Фейнманом” я буду говорить о человеке, который делал то-то и то-то».

Как это мнение отличается от упомянутого выше предложения Стросона, что одна идентификационная ссылка может заимствовать свой статус у другой? Разумеется, у Стросона было глубокое понимание вопроса в цитированном отрывке; с другой стороны, он, безусловно, показывает разницу, по крайней мере, в акцентах в той картине, которую я защищаю, поскольку он ограничивает замечание сноской. Основной текст защищает теорию кластера дескрипций. Именно потому, что Стросон делает свое замечание в контексте теории дескрипций, его взгляд отличается от моего в одном важном аспекте. Стросон, по-видимому, требует, чтобы говорящий знал, от кого он получил свою ссылку, чтобы он мог сказать: «Под “Гёделем” я имею в виду человека, которого *Джонс* называет “Гёделем”». Если он не помнит, откуда получил ссылку, он не может дать такого описания. Настоящая теория не устанавливает такого требования. Как я уже сказал, я, возможно, не помню, от кого я слышал о Геделе, и я могу думать, что помню, от кого услышал это имя, пусть и ошибочно.

Эти соображения показывают, что рассматриваемый здесь взгляд может привести к последствиям, которые фактически *расходятся* с последствиями сноски Стросона. Предположим, что говорящий услышал имя «Цицерон» от Смита и от других, которые используют это имя для обозначения знаменитого римского оратора. Позже он, однако, думает, что он взял имя у Джонса, который (неизвестно для говорящего) использует «Цицерон» как имя пресловутого немецкого шпиона и никогда не слышал о каких-либо ораторах древнего мира. Затем, согласно парадигме Стросона, говорящий должен определить свою ссылку в утверждении: «Я буду использовать “Цицерон” для обозначения человека, которого Джонс называет этим именем», в то время как на самом деле референтом будет говорящий, несмотря на ложное мнение о том, где он взял имя. Дело в том, что Стросон, пытаясь увязать концепцию цепочки связи с теорией описания, опирается на то, что, по *мнению* говорящего, является источником его ссылки. Если говорящий забыл свой источник, описание, которое использует Стросон, будет недоступно для него; если говорящий ошибается в источнике, парадигма Стросона может

дать неверные результаты. По нашему мнению, это не то, каким образом говорящий получает ссылку, но фактическая цепочка коммуникации, которая является релевантной.

Когда-то я упоминал, что философские теории могут оказаться ложными, и поэтому я не собирался представлять альтернативную теорию. Я только что сделал это? Ну, в некотором смысле; но моя характеристика была гораздо менее конкретной, чем реальный набор необходимых и достаточных условий для референции. Очевидно, что имя передается от звена к звену. Но, конечно, не всякая каузальная цепочка, идущая от меня к определенному человеку, предоставит мне референцию. Это может быть причинно-следственная цепочка от нашего использования термина «Санта-Клаус» до определенного исторического святого, но все же дети, когда они используют это слово, в тот момент не имеют в виду этого святого. Поэтому должны быть соблюдены другие условия, чтобы превратить это в действительно строгую теорию референции. Я не знаю, что я собираюсь с этим делать, потому что, во-первых, я сейчас слишком ленив; во-вторых, вместо того, чтобы предоставлять набор необходимых и достаточных условий, которые будут действовать на такой термин, как референция, я хочу представить только *лучшую картину*, чем картина, представленная общепринятыми мнениями.

Разве я не был слишком несправедлив к теории дескрипций? Здесь я изложил ее очень точно - точнее, возможно, чем кто-либо из ее приверженцев. Поэтому ее легко опровергнуть. Может быть, если бы я попытался изложить мою теорию с достаточной точностью в виде шести, семи или восьми тезисов, то также оказалось бы, что когда вы будете рассматривать тезисы один за другим, все они будут ложными. Это может быть так, но вот в чем разница. Я думаю, что примеры, которые я привел, - это не просто демонстрация, какой-то технической ошибки в одном месте или иной ошибки в другом, но вся картина, создаваемая этой теорией, как определяется референция, в самой основе кажется неправильной. Кажется неправильным думать, что мы предоставляем себе некоторые свойства, которые каким-то образом качественно однозначно выбирают объект и таким образом определяют нашу референцию. То, что я пытаюсь представить, - это лучшая картина - картина, которая, если бы у нас было больше деталей, могла бы быть уточнена, чтобы дать более точные условия для референции.

Возможно, набор необходимых и достаточных условий никогда не будет достигнут. Я не знаю, я всегда сочувствую епископу Батлеру: «Все есть то, что есть, а не другое» - в нетривиальном смысле эти философские исследования какой-либо концепции, как референция, в совершенно других терминах, которые не упоминают референции, склонны к неудаче. Конечно, в любом конкретном случае, когда что-то дается для анализа, нужно изучить это и разобраться, истинно это или ложно. Нельзя просто процитировать себе эту максиму, а затем перевернуть страницу. Но более осмотрительно, я хочу представить лучшую картину, не предоставляя набор необходимых и достаточных условий для референции. Такие условия были бы очень сложными, но в силу нашей связи с другими авторами в сообществе, возвращаясь к самому референту, верно, что мы ссылаемся к определенному человеку.

Могут быть некоторые случаи, когда картина с дескрипцией истинна, где какой-то человек действительно дает имя, переходя в уединение своей комнаты и говоря, что референтом должна быть уникальная вещь с определенными идентифицирующими свойствами. «Джек Потрошитель» был возможным примером, который я приводил. Другим был «Геспер». Еще один пример, - это встреча с кем-то и узнавание имени. За исключением веры в теорию дескрипции, в ее важность в других случаях, никто, вероятно, не стал бы считать это случаем сообщения дескрипции, то есть «парня, с которым я сейчас встречаюсь». Но кто-то при желании может посчитать и так, если он никогда не встречал этого имени каким-либо другим образом. Конечно, если вы при

знакомстве с человеком сказали: «это Эйнштейн», вы слышали о нем раньше, так что это может быть неправильно и т.д. Но, возможно, в некоторых случаях такая парадигма работает специально для человека, который первым делом дает кому-то или чему-то имя. Или он указывает на звезду и говорит: «Это должно быть Альфа Центавра». Поэтому он действительно может поступить следующим образом: «Под “Альфа Центавра” я буду иметь в виду звезду вон там с такими-то координатами». Но в целом эта картина не работает. В целом наша ссылка зависит не только от того, что мы думаем сами, но и от других людей в сообществе, истории того, как имя достигло другого человека, и т.п. Следуя такой истории, каждый достигает необходимой референции.

Более точные условия очень сложны. Они кажутся в некотором роде разными в случае знаменитого человека и того, кто не так знаменит. Например, учитель говорит своему классу, что Ньютон славится тем, что он первый, кто подумал, что существует сила, притягивающая вещи к земле; Я думаю, это то, что маленькие дети считают самым большим достижением Ньютона. Я не буду говорить о заслугах такого достижения, но, во всяком случае, мы можем предположить, что если рассказывать о Ньютоне только этот факт, это даст студентам ложное представление о *Ньютоне*, хотя они никогда не слышали о нем раньше. Если, с другой стороны⁴¹, учитель использует имя «Джордж Смит» - человек с этим именем является его соседом - и говорит, что Джордж Смит добился чего-то невозможного, следует ли из этого, что у учеников будет ложное впечатление о соседе учителя? Учитель не говорил им, что Смит является его соседом, и не говорил, верит ли он сам в то, что Смит сделал что-то невозможное. Он не особенно пытается вложить убеждения о *соседе* в головы учеников. Учитель пытается внушить ученикам уверенность в том, что есть человек, который сделал что-то невозможное, но не уверенность в каком-либо конкретном человеке - он просто вытаскивает первое имя, которое происходит в голову, - как это бывает, он использует имя своего соседа. В этом случае не совсем ясно, будут ли ученики иметь ложную веру в соседа, хотя есть причинно-следственная цепочка, восходящая к соседу. Я не уверен в этом. Во всяком случае, необходимо добавить дополнительные уточнения, чтобы эту теорию набором необходимых и достаточных условий. В этом смысле это не теория, но она должна дать лучшее представление о том, что происходит на самом деле.

Грубой формулировкой теории может быть следующее: пусть у нас есть процесс знакомства человека с новым объектом. Здесь объект может быть назван прямым указанием на него, или ссылка на имя может быть зафиксирована дескрипцией.⁴² Когда имя «передается от звена к звену», получатель этого имени должен, я думаю, намереваться использовать его с той же ссылкой, что и человек, от которого он его

---

⁴¹ The essential points of this example were suggested by Richard Miller.

⁴² Хорошим примером присвоения имени, референция на которое была зафиксирована с помощью описания, была ссылка на присвоение имени Нептуну в сноске 33. Случай с присвоением имени через непосредственное указание может быть также включен в понятие описания. Таким образом, первичная применимость теории дескрипции относится к случаям первоначального именованя. Описания также используются для фиксации ссылки в случаях обозначения, которые похожи на именование, за исключением того, что введенные термины обычно не называются «именами». Термины «один метр», «100 градусов по Цельсию», уже приведены в качестве примеров, а другие примеры будут приведены далее в этих лекциях. Следует подчеркнуть две вещи, касающиеся введения имени через описание в первоначальном именовании. Во-первых, используемое описание не является синонимом имени, которое оно вводит, а скорее фиксирует его референцию. Здесь мы отходим от взглядов обычных теоретиков дескрипций. Во-вторых, большинство случаев первоначального именованя далеки от тех, которые первоначально вдохновляли теорию дескрипций. Обычно присваивающий имя человек в каком-то смысле знаком с объектом, которому он дает имя, и может называть его непосредственным указанием. В настоящее время вдохновение в теории дескрипции заключается в том, что мы часто можем использовать имена знаменитых личностей прошлого, которые давно умерли и с которыми ни один живой человек не знаком. Это именно те случаи, которые, на наш взгляд, не могут быть правильно объяснены теорией дескрипции.

услышал. Если я услышу имя «Наполеон» и решу, что это будет хорошее имя для моего любимого муравьеда, я не удовлетворю этому условию.⁴³ (Возможно, это именно такой случай неудавшейся попытки сохранить зафиксированную ссылку, что объясняет расхождение современного использования «Санта-Клауса» и предполагаемого первоначального использования.)

Обратите внимание, что предыдущий план вряд ли *устраняет* понятие ссылки; напротив, он принимает понятие о намерении использовать ту же ссылку, что и данная. Существует также призыв к первоначальному именованию, которое объясняется в терминах фиксации ссылки описанием или прямым указанием (если прямое указание не должно быть включено в другую категорию).⁴⁴ (Возможно, есть и другие возможности для первоначальных именовании.) Кроме того, случай Джорджа Смита вызывает некоторые сомнения относительно достаточности условий. Даже если учитель действительно ссылается на своего соседа, точно ли он передал ссылку своим ученикам? Почему они не должны думать о ком-то другом по имени «Джордж Смит»? Если он скажет, что на Ньютона упало яблоко, его задача передать ссылку будет проще, поскольку он сообщил об общеизвестном заблуждении про Ньютона.

Повторяю, я, возможно, не представил теорию, но я думаю, что я представил лучшую картину, чем то, что дается сторонниками теории дескрипции.

Следующая тема, о которой я хочу поговорить, касается утверждений о идентичности. Является ли это необходимым или случайным? Дело некоторых спорах в недавней философии. Во-первых, все согласны с тем, что описания могут использоваться для составления случайных выражений идентичности. Если это правда, что человек, который изобрел бифокальные очки, был первым главным почтмейстером Соединенных Штатов Америки, - это одно и то же лицо - это случайная истина. То есть, было бы возможно, что один человек изобрел бифокальные очки, а другой - первый главный почтмейстер Соединенных Штатов. Поэтому, конечно, когда вы делаете заявления об идентичности с использованием описаний - когда вы говорите « x такое, что ϕx и x такое, что ψx , являются одними и теми же» - это может быть случайным фактом. Но философы интересовались также вопросом об идентичных утверждениях между именами. Когда мы говорим, что «Геспер – это Фосфор» или «Цицерон - это Туллий», то эти утверждения необходимые или случайные истины? Кроме того, их интересовал другой тип заявления об идентичности, который исходит из научной теории. Мы идентифицируем, например, свет с электромагнитным излучением между определенными пределами длин волн или потоком фотонов. Отождествляем тепло с движением молекул; звук с определенным видом волновых возмущений в воздухе; и так далее. В отношении таких заявлений обычно приводится следующий тезис. Во-первых, это случайные тождества: мы

---

⁴³ Я могу передать имя муравьеда другим людям. Для каждого из этих людей, как и для меня, будет какая-то каузальная или историческая связь между моим использованием имени и императором французов, но не связь требуемого типа.

⁴⁴ Как только мы понимаем, что описание, используемое для фиксации ссылки на имя, не является его синонимом, то теория дескрипции может рассматриваться как предполагающая понятие именовании или ссылки. Требование, которое я сделал, что используемое описание не относится к понятию ссылки с образованием цикличности, является чем-то другим и имеет решающее значение, если теория дескрипции вообще должна иметь какую-либо ценность. Причина в том, что теоретик теории дескрипции предполагает, что каждый говорящий в основном использует описание, которое он дает в первоначальном акте именовании, чтобы определить ссылку. Ясно, что если он представит имя «Цицерон» по определению: «Говоря “Цицерон” я сошлюсь к человеку, которого я называю “Цицероном”», - он этим актом вообще не определит никакой ссылки.

Не все теоретики теории дескрипции думали, что они полностью устраняют понятие ссылки. Возможно, некоторые поняли, что для подтверждения этого требуется некоторое понятие о прямом указании или примитивной референции. Конечно, так делал Рассел.

выяснили, что свет - поток фотонов, но, конечно, это может быть не поток фотонов. Тепло есть движение молекул; мы обнаружили это, но тепло могло быть не движением молекул. Во-вторых, многим философам повезло, что вокруг есть эти примеры. Теперь, почему? Эти философы, чьи взгляды излагаются в обширной литературе, придерживаются «тезиса об идентичности» в отношении некоторых психологических концепций. Они думают, скажем, что боль - это просто определенное материальное состояние мозга или тела, или что вы, скажем, стимулируете С-волокна. (Неважно, что.) Некоторые люди возражали: «Ну, смотрите, возможно, есть *корреляция* между болью и этими состояниями тела; но это должно быть просто случайной корреляцией между двумя разными вещами, потому что существование такой корреляции было эмпирическим открытием. Поэтому под «болью» мы должны понимать нечто иное, чем это состояние тела или мозга; и поэтому они должны быть двумя разными вещами».

Затем: «Но вы видите, это неправильно! Всем известно, что могут быть случайные идентичности». Во-первых, как и в случае с бифокальными очками и почтмейстером, о которых я упомянул ранее. Во-вторых, в случае, полагая ближе к нынешней парадигме, теоретических отождествлений, таких как свет и поток фотонов, или воды и определенного соединения водорода и кислорода. Это все случайные идентичности. Они могли бы оказаться ложными. Поэтому неудивительно, что это может быть справедливо в отношении случайного факта, а не необходимости в том, чтобы чувство боли или видение красного - это просто определенное состояние человеческого тела. Такие психофизические идентификации могут быть случайными фактами так же, как другие тождества - случайные факты. И, конечно, есть распространенные мотивы - идеологические или просто нежелание иметь «номологического бездельника» («nomological dangler») в виде таинственных связей, не учитываемых законами физики; точные корреляции между двумя различными видами вещей, материальными состояниями и вещами совершенно другого вида, которые заставляют людей хотеть верить в этот тезис.

Я предполагаю, что главное, о чем я сейчас поговорю, - это утверждения идентичности между именами. Но в общем я считаю следующее. Во-первых, такие характерные теоретические идентификации, как «Тепло - это движение молекул», - это не случайные истины, а необходимые истины, и здесь, конечно, я не имею в виду физически необходимую истину, но истину, необходимую на самом высоком уровне, что бы это ни значило. (Физическая необходимость *может* оказаться в высшей степени необходимой, но это вопрос, который я не хочу затрагивать. По крайней мере, для такого рода примеров может оказаться, что когда что-то физически необходимо, всегда необходимо, как таковое). Во-вторых, что способ, которым они оказались необходимыми истинами, не кажется мне способом, которым идентичность разума-мозга могла бы оказаться либо необходимой, либо случайной истиной. Так что эта аналогия должна быть убрана. Трудно понять, что поставить на ее место. Поэтому трудно понять, как избежать заключения о том, что они фактически разные.

Позвольте мне вернуться к более приземленному примеру о собственных именах. Он уже достаточно загадочен. Об этом примере существует спор между Куайном и [Ruth Barcan Marcus](#).⁴⁵ Маркус говорит, что идентичности между именами необходимы. Если кто-то думает, что Цицерон - это Туллий, и в самом деле использует «Цицерон» и «Туллий» в качестве имен, то он, таким образом, намерен придерживаться того, что его вера является необходимой истиной. Она использует термин «простая метка». Куайн отвечает следующим образом: «Мы можем пометить планету Венеру, одним прекрасным вечером, собственным именем "Геспер". Мы можем пометить ту же самую планету

---

⁴⁵ Ruth Barcan Marcus, 'Modalities and Intensional Languages' (comments by W. V. Quine, plus discussion) Boston Studies in the Philosophy of Science, volume I, Reidel, Dordrecht, Holland, 1963, pp. 77-116.

снова, за день до восхода солнца, собственным именем “Фосфор”. Когда мы обнаружим, что мы отметили одну и ту же планету дважды, наше открытие будет являться эмпирическим. И не потому, что собственные имена были описаниями». ⁴⁶ Во-первых, как говорит Куайн, когда мы обнаружили, что мы дважды отметили одну и ту же планету, наше открытие было эмпирическим. Другой пример, который, как я думаю, дает Куайн в другой книге, состоит в том, что та же самая гора, которая видна из Непала и из Тибета, или что-то в этом роде, с одной стороны называется «Эверест» (вы слышали об этом), а с другой стороны называется «Гауришанкар». Фактически это может быть эмпирическое открытие, что Гауришанкар - Эверест. (Куайн говорит, что пример на самом деле неверен. Он получил пример от Эрвина Шредингера. Вы не подумали бы, что изобретатель волновой механики получил ошибочные сведения. Я не знаю, откуда должна произойти ошибка. Представьте себе такую ситуацию как имеющую место, и это будет еще одна хорошая иллюстрация того типа, который имеет в виду Куайн.)

Что насчет этого? Я хотел найти хорошую цитату от Маркус в этой книге, но у меня возникли сложности с этим. Будучи присутствующим на этом обсуждении, я помню ⁴⁷, что она выступала в поддержку идеи, что если у вас действительно есть имена, хороший словарь должен быть в состоянии сказать вам, имеют ли они одну и ту же ссылку. Поэтому кто-то должен, глядя в словаре, сказать, что Геспер и Фосфор – одно и то же. Теперь это не похоже на правду. Многим кажется, что это следствие того, что идентичности между именами необходимы. Поэтому мнение о том, что требования к идентичности между именами необходимы, обычно отклоняется. Вывод Рассела был несколько иным. Он думал, что никогда не должно быть эмпирического вопроса о том, имеют ли два имени одну и ту же ссылку. Это не выполняется для обычных имен, но выполняется, когда вы даете имя данному вам опыту, или что-то в этом роде. Вы говорите: «Вот здесь, вот это и вон то (обозначая одинаковый данный опыт соответствующим указыванием)». Таким образом, вы можете без эмпирического исследования сказать, что вы именуете одну и ту же вещь дважды; условия выполнены. Поскольку это не распространяется на обычные случаи именования, обычные «имена» не могут быть подлинными именами.

Что нам думать по этому поводу? Во-первых, это правда, что кто-то может использовать имя «Цицерон», чтобы сослаться на Цицерона, и имя «Туллий», чтобы также сослаться на Цицерона и не знать, что Цицерон - это Туллий. Поэтому, кажется, что мы не с необходимостью знаем априори, что утверждение об идентичности между именами истинно. Из этого не следует, что высказываемое таким образом заявление является случайным, если оно истинно. Это то, что я подчеркнул в своей первой лекции. Существует очень сильное чувство, которое заставляет думать, что, если вы не можете что-то знать по априорной оценке, тогда это должно быть случайным: возможно, это может оказаться не так; но, тем не менее, я думаю, что это чувство неверно.

Предположим, мы дважды ссылаемся на одно и то же небесное тело, как «Геспер» и «Фосфор». Мы говорим: Геспер - эта звезда там вечером; Фосфор - эта звезда там утром. На самом деле, Геспер –это Фосфор. Существуют ли действительно обстоятельства, при которых Геспер не был бы Фосфором? Предположим, что Геспер - это Фосфор, давайте попробуем описать возможную ситуацию, в которой это не было бы так. Ну, это легко. Кто-то называет две *разных* звезды «Геспер» и «Фосфор». Это может быть даже в тех же условиях, которые преобладали в момент, когда мы вводили имена «Геспер» и «Фосфор». Но являются ли те обстоятельства, при которых Геспер не является Фосфором, такими, при которых он не был бы Фосфором? Мне кажется, что это не так.

---

⁴⁶ Там же, стр. 101.

⁴⁷ Там же, стр. 115.

Такие термины, как «Геспер» и «Фосфор», когда они используются в качестве имен, являются жесткими десигнатами. Они относятся к планете Венера в любом возможном мире. Поэтому в этом возможном мире планета Венера - это планета Венера, и не имеет значения, что сказал другой человек в этом другом возможном мире. Как мы должны описывать эту ситуацию? Он не мог дважды указывать на Венеру, в одном случае называя ее «Геспер», а в другом «Фосфор», как это сделали мы. Если бы он это сделал, то «Геспер –это Фосфор» и в этой ситуации было бы правдой. Может быть, он указал на планету Венера только один раз, скажем, когда он назвал ее «Геспер». В этом случае мы можем сказать, что имя «Фосфор» не может указывать на Фосфор. Мы можем даже сказать, что в том самом положении на небе, где утром мы видели Фосфор, его там не было – там было что-то еще, и при определенных обстоятельствах его даже можно было бы назвать «Фосфор». Но это еще не является случаем, когда Фосфор не был бы Геспером. Может быть, существует возможный мир, в котором имеется возможная контрфактическая ситуация, в которой «Геспер» и «Фосфор» не являются именами тех объектов, которые ими называются. Кто-то, если бы он определил их ссылку путем определения описаний, мог бы даже использовать те самые идентификационные описания, которые используем мы. Но все же это не тот случай, когда Геспер не был Фосфором. Ибо не могло бы быть такого случая, учитывая, что Геспер - Фосфор.

Теперь это кажется очень странным, потому что мы заранее склонны говорить, что ответ на вопрос, может ли Геспер быть Фосфором, мог быть известен в любом случае. Так разве не существует на самом деле двух возможных миров, в одном из которых Геспер был бы Фосфором, а в другом, не был бы, - до нашего открытия, что они являются одним и тем же? Во-первых, имеется один смысл, в котором вещи могли бы сложиться другим образом, в котором ясно, что это не подразумевает, что способ, которым все в итоге окажется, не необходим. Например, теорема о четырех красках может оказаться правдой, а может оказаться ложной. Это может получиться в любом случае. Это все еще не означает, что способ, которым это окажется так, не необходим. Очевидно, что «возможность» здесь чисто «эпистемическая» - она просто выражает наше нынешнее состояние невежества или неопределенность.

Но, похоже, что в примере с Геспером-Фосфором есть что-то еще более сильное. Доказательства, которые у меня есть до того, как я узнаю, что Геспер - это Фосфор, - это то, что вечером я вижу определенную звезду или определенное небесное тело и называю его «Геспер», а утром я вижу это тело и называю его «Фосфор». Я знаю это. Конечно, существует возможный мир, в котором человек увидел определенную звезду в определенном положении вечером и назвал ее «Геспер», и увидел некую звезду утром и назвал ее «Фосфор»; и должен был заключить - должен был обнаружить в результате эмпирического исследования - что он именуется две разные звезды или два разных небесных тела. По крайней мере, одна из этих звезд или небесных тел была не Фосфором, иначе она не могла бы появиться именно там. Но это правда. И так, верно, что с учетом доказательств того, что кто-то имеет antecedent его эмпирического исследования, его можно поместить в определенном смысле в точно такой же ситуации, то есть в качественно идентичной эпистемологической ситуации, и назвать два небесных тела «Геспер» и «Фосфор», без их фактической идентичности. Поэтому в этом смысле мы можем сказать, что это могло получиться в любом случае. Не то, чтобы могло получиться так, что Геспер был Фосфором. Хотя для всех, кого мы знали до этого, Геспер не был Фосфором, и в некотором смысле это не могло получиться иначе. Но оказываясь в ситуации, когда у нас есть точно такие же доказательства, качественно говоря, могло получиться, что Геспер не был бы Фосфором; то есть в контрфактическом мире, в котором «Геспер» и «Фосфор» не использовались так, как мы их используем, как имена этой планеты, но как имена некоторых других объектов, кто-то мог бы иметь качественно

идентичные доказательства и заключить что «Геспером» и «Фосфором» называются два разных объекта.⁴⁸ Но мы, используя имена, как сейчас, можем сказать заранее, что если Геспер и Фосфор - одно и то же, то в другом возможном мире они не могут быть разными. Мы используем «Геспер» как имя определенного тела и «Фосфор» как имя определенного тела. Мы используем их как имена этих тел во всех возможных мирах. Если на самом деле они являются одним и тем же телом, то в любом другом возможном мире мы должны использовать их как имя этого объекта. Итак, в любом другом возможном мире это правда, что Геспер –это Фосфор. Таким образом, две вещи верны: во-первых, мы не знаем априори, что Геспер –это Фосфор, и нет возможности найти ответ, кроме как эмпирически. Во-вторых, это так, потому что мы могли бы иметь доказательства, качественно неотличимые от доказательств, которые у нас есть, и определить ссылки двух имен по позициям двух планет в небе, без того, чтобы планеты были одинаковыми.

Конечно, это только случайная истина (не истина в любом другом возможном мире), что звезда, видимая там вечером, - это звезда, увиденная там утром, потому что есть возможные миры, в которых Фосфор не был бы виден утром. Но эту случайную истину нельзя отождествлять с утверждением, что Геспер –это Фосфор. Это можно было бы так отождествлять, если бы вы думали, что это было бы необходимой истиной, что Геспер виден там вечером или что Фосфор виден там утром. Но ни одна из них не является необходимой истиной, даже если это то, как мы выбираем планету. Это случайные знаки, по которым мы идентифицируем определенную планету и даем ей имя.

---

⁴⁸Более детальное обсуждение этого вопроса в третьей лекции, где также упоминается его связь с определенной разновидностью теории двойников.

Лекция 3. 29 января 1970 г.

Что мы успели сделать к настоящему моменту? Во-первых, я утверждал, что популярное представление о том, как имена получают свою ссылку, в целом, не применимо. В общем случае будет ошибкой говорить, что ссылка на имя определяется некоторыми однозначно идентифицирующими знаками, некоторыми уникальными свойствами, удовлетворяемыми референтом и известными или считающимися истинными для этого референта. Во-первых, свойства, которых придерживается говорящий, не обязаны однозначно выделять объект. Во-вторых, даже в том случае, если они есть, они могут быть не однозначно истинны для фактического референта, используемого говорящим, но могут оказаться истинны для чего-то другого или вообще ничего. Это тот случай, когда у говорящего есть ошибочные убеждения в отношении какого-то человека. У него нет правильных убеждений о другом человеке, но есть ошибочные убеждения в отношении определенного человека. В этих случаях эта ссылка фактически определяется тем, что говорящий является членом сообщества других людей, которые используют это имя. Имя перешло к нему по цепочке от одного звена к другому.

Во-вторых, я утверждал, что даже если в некоторых особых случаях, особенно в некоторых случаях первоначального непосредственного указания на объект, референт определяется описанием с помощью какого-то уникально идентифицирующего свойства, это свойство, во многих случаях обозначения давая то, для чего имя является аббревиатурой, не дает синоним; это, скорее, фиксация ссылки. Оно фиксирует ссылку некоторыми случайными метками объекта. Имя, обозначающее этот объект, затем используется для ссылки на этот объект, даже при обращении к контрфактическим ситуациям, когда объект не имеет соответствующих свойств. Примером может служить случай с метром.

Наконец, в конце последней встречи мы говорили о сведениях об идентичности. Они должны казаться очень простыми, но каким-то образом они сильно озадачивают философов. В своем собственном случае я не могу быть уверен, что я разобрался со всеми возможными случаями путаницы, которые могут быть вызваны этим отношением. Некоторые философы сочли такое отношение настолько запутанным, что изменили его. Например, если у вас есть два имени «Цицерон» и «Туллий», и, скажем, Цицерон - это Туллий, вы не можете сказать об объекте, который является и Цицероном, и Туллием, что он идентичен сам себе. Наоборот, «Цицерон - это Туллий» может выразить эмпирическое открытие, как мы упоминали ранее. И поэтому некоторые философы, даже Фреге в ранние периоды его работ, приняли идентичность как отношение между именами. Идентичность, как они говорят, не является отношением между объектом и самим собой, а является отношением, которое имеет место между двумя именами, когда они обозначают один и тот же объект.

Это встречается даже в более поздней литературе. Я не принес книгу, но [John Barkley Rosser Sr.](#), выдающийся логик, пишет в своей книге «Логика для математиков»⁴⁹, что мы говорим, что $x=y$ тогда и только тогда, когда « x » и « y » являются именами одного и того же объекта. Он замечает, что соответствующее утверждение о самом объекте, что он ничем не отличается от самого себя, конечно, тривиально; и поэтому, по-видимому, не может быть того, что мы имеем в виду. Это особенно необычная парадигма того, какими должны быть отношения идентичности, потому что они будут применяться очень редко. Насколько я знаю, за пределами воинствующего черного националистического движения никто никогда не назывался « x ». Серьезно говоря, конечно, « x » и « y » в открытом

---

⁴⁹ New York, McGraw-Hill (1953), see Chapter VII, 'Equality'.

предложении « $x=y$ » вообще не являются именами, они являются переменными. И они могут встречаться с идентичностью как связанные переменные в закрытом предложении. Если вы скажете, что для каждого x и y , если $x=y$, то $y=x$ или что-то в этом роде – имена вообще не встречаются в этом утверждении, и ничего не говорится об именах. Это утверждение было бы правдой, даже если бы человеческая раса никогда не существовала или, даже если она и существовала, никогда бы не создавала феномен имен.

Если кто-либо склоняется к этому конкретному мнению об идентичности, давайте предположим, что мы *дали* ему такую возможность. Предположим, что идентичность *была бы* отношением между именами в английском языке. Я представляю искусственное отношение, называемое «шмидентичность» (выдуманное слово), которое я теперь предписываю использовать только между объектом и им самим с собой.⁵⁰ Теперь возникает вопрос о том, может ли Цицерон быть шмидентичен Туллию, и если он возникнет, те же проблемы будут подняты для этого утверждения, как считалось в случае оригинального утверждения идентичности, чтобы убедиться, что это была связь между именами. Если кто-то всерьез подумает об этом, я думаю, он увидит, что его первоначальное мнение о личности не было необходимым и, вероятно, не было возможным для проблем, которые он первоначально планировал решать. Поэтому это мнение следует отбросить, а личность должна просто приниматься за связь между вещью и ей же самой с собой. Такой подход может быть использован для ряда философских проблем.

Мы пришли к выводу, что утверждение идентичности между именами, когда оно истинно, истинно с необходимостью, хотя можно и не знать его априори. Предположим, что мы отождествляем Геспер как определенную звезду, увиденную вечером, и Фосфор как определенную звезду или определенное небесное тело, увиденное утром; тогда могут быть возможные миры, в которых в тех позициях вечером и утром были бы замечены две разные планеты. Однако, по крайней мере, одна из них, а может быть и обе не были бы Геспером, и тогда это не было бы ситуацией, в которой Геспер не был бы Фосфором. Возможно, это была бы ситуация, в которой планета, замеченная в этом положении вечером, была бы другой планетой, чем замеченная в этом положении утром; но это не та ситуация, в которой Геспер не был бы Фосфором. Возможно также, что если бы люди назвали эти планеты «Геспер» и «Фосфор», была бы ситуация, в которой некоторая другая планета помимо Геспера была бы названа «Геспер». Но даже в этом случае не было бы ситуации, в которой сам Геспер не был бы Фосфором.⁵¹

Некоторые из проблем, которые беспокоят людей в этих ситуациях, как я уже сказал, происходят из идентификации или, как я выразился, путаницы между тем, что мы можем заранее знать априори и что необходимо. Некоторые утверждения - и утверждение идентичности будет парадигмой такого утверждения в моем представлении - если они

---

⁵⁰Конечно, такое приспособление не сможет убедить философа, который будет утверждать, что искусственный язык или концепция предполагаемого типа логически невозможны. В данном случае некоторые философы думали, что отношение, будучи по существу двусмысленным, не может находиться между вещью и ей самой же. Эта позиция явно абсурдна. Кто-то может быть его собственным злейшим врагом, его самым серьезным критиком и тому подобным. Некоторые отношения рефлексивны, такие как отношение «не богаче, чем». Идентичность или шмидентичность - не что иное, как наименьшее рефлексивное отношение.

Надеюсь, потом у меня получится подробно остановиться на полезности этого приспособления для воображения гипотетического языка.

⁵¹Напомним, что мы описываем ситуацию на нашем языке, а не язык, который люди использовали бы в этой ситуации. Следовательно, мы должны использовать термины «Геспер» и «Фосфор» с той же ссылкой, что и в реальном мире. Тот факт, что люди в этой ситуации могли или не могли соединить эти имена для разных планет, не имеет значения. Так и факт, что они могли бы сделать это, используя те же самые описания, как сделали мы при фиксации их ссылок.

истинны вообще, то обязательно должны быть истинны с необходимостью. Если кто-то путем философского анализа знает априори, что какое-то утверждение идентичности истинно, оно будет истинно с необходимостью.

Одна оговорка: когда я говорю, что «Геспер - это Фосфор» истинно с необходимостью, я, конечно, не отрицаю, что могли бы возникнуть ситуации, в которых не было такой планеты, как Венера, и, следовательно, не было Геспера и Фосфора. В этом случае возникает вопрос, будет ли утверждение идентичности «Геспер - это Фосфор» истинным, ложным или ни истинным, ни ложным.⁵² И если мы возьмем последний вариант, необходим ли «Геспер = Фосфор», потому что он никогда не является ложным, или мы должны потребовать, чтобы необходимая истина была истиной во всех возможных мирах? Я оставляю такие проблемы вне моих соображений. Если мы хотим быть несколько осторожнее, мы можем заменить утверждение «Геспер – это Фосфор» случайным: «Если Геспер существует, то Геспер – это Фосфор», осторожно принимая необходимым только последнее. К сожалению, это условие затягивает нас в проблему сингулярных атрибутов существования, о которой я не могу говорить здесь. В частности, философы, сочувствующие дескриптивной теории наименования, часто утверждают, что никто не может сказать об объекте, что он существует. Предполагаемое утверждение о существовании объекта действительно есть, как считается, утверждение о том, выполнено ли определенное описание или свойство. Как я уже сказал, я не согласен с этим. Во всяком случае, я не могу вдаваться здесь в проблемы существования.

Я хочу упомянуть, что другие соображения относительно модальности *de re*, относительно объекта, обладающего сущностными свойствами, на мой взгляд, смогут рассматриваться правильно, только если мы признаем различие между приоритетом и необходимостью. Можно было бы обнаружить сущностные свойства эмпирически.

В статье [Timothy Sprigge](#) есть некоторые примеры предполагаемых сущностных свойств.

Интерналист (человек, считающий, что сущностные свойства существуют) говорит, что королева должна была родиться от королевской крови. [Он имеет в виду, что этот человек должен был иметь королевскую кровь.] Анти-эссенциалист говорит, что не будет никакого противоречия в новостном бюллетене, утверждающем, что было установлено, что Королева на самом деле не была ребенком ее предполагаемых родителей, но была тайно удочерена ими, и поэтому утверждение о том, что она принадлежит к королевской крови, является синтетическим...

*Некоторое время [анти-эссенциалист] выигрывает. Но наступает момент, когда его притязания кажутся пустяками. Интерналист предполагает, что мы не можем себе представить, кого именно мы называем Королевой, обладающей этим свойством независимо от этапа ее существования. Если анти-интерналист признает это, признает, что логически невысказано, что королева должна была иметь свойство, скажем, всегда быть лебедем, то он признает, что у нее есть хотя бы одно внутреннее свойство. Если, с другой стороны, он говорит, что это только случайный факт, что королева когда-либо была человеком, он говорит, что это трудно принять. Можем ли мы действительно считать невысказанным предположение, что королева никогда не была человеком?*⁵³

---

⁵²Те же три варианта существуют для «Геспер – это Геспер», и ответ должен быть таким же, как в случае с «Геспер – это Фосфор».

⁵³ 'Internal and External Properties', Mind 71 (April, 1962). pp. 202-03.

«Независимо от этапа ее существования» и «всегда» есть оправдания, которые Sprigge, по-видимому, вводит, чтобы допустить такие возможности, как прямо сейчас при помощи злой ведьмы превратить ее в лебедя. (Или доброй ведьмой.)

Одна путаница, которую я нахожу в этом обсуждении, заключается в том, что в первом случае Sprigge говорит о том, будет ли какое-либо противоречие в предположении, что у нас было *объявление* о том, что королева родилась от родителей, отличных от тех, которые у нее были на самом деле. И в этом нет противоречия. Точно так же нет противоречия в *объявлении* о том, что королева, этот объект, которую мы считали женщиной, была на самом деле ангелом в человеческой форме или автоматом, искусно построенным королевской семьей, который не хотел, чтобы преемственность переходила к кому-то другому, и тому подобное. Ни одно из этих объявлений не представляет того, что мы не могли бы *обнаружить*. В чем заключается вопрос, который мы задаем, когда спрашиваем, необходимо ли в отношении этой женщины, чтобы она была либо королевских кровей, либо была человеком? Королевская кровь - немного сложное понятие, потому что для принадлежности к королевской крови необходимо, чтобы эта конкретная семейная линия в какое-то время достигла королевской власти; но последний факт кажется случайным. Поэтому я полагаю, это случайный факт, что ее кровь должна была быть королевской.

Давайте попробуем немного усовершенствовать вопрос. Вопрос в действительности должен быть в том, скажем так, может ли королева - сама эта женщина - родиться у других родителей, чем у родителей, у которых она родилась на самом деле? Могла ли она, скажем, быть дочерью мистера и миссис Трумэн? Разумеется, не было бы никакого противоречия в объявлении, что (я надеюсь, что разные эпохи не делают это невозможным), как это ни удивительно, она действительно была дочерью мистера и миссис Трумэн. Я полагаю, что в таком открытии нет никакого противоречия - в любом случае кажется очень подозрительным, что по одной из гипотез у нее есть сестра Маргарет, - что обе Маргарет были одним и тем же человеком. Во всяком случае, мы можем представить себе все эти вещи.

Но предположим, что это на самом деле не так. Предположим, что королева действительно от этих родителей. Чтобы не вдаваться в нюансы вопроса о том, что такое родитель, давайте предположим, что родители являются людьми, чьи тела являются источниками биологической спермы и яйцеклетки. Таким образом, вы избавляетесь от таких случаев, как пересадка спермы от отца или яйцеклетки от матери, в другие тела, так что в каком-то смысле другие люди могли бы быть родителями. Если это произошло, с другой стороны, ее родители все еще были бы настоящими королем и королевой. Но кроме этого, можем ли мы представить себе ситуацию, в которой бы случилось, что эта женщина была ребенком мистера и миссис Трумэн? У них мог быть ребенок, похожий на нее во многих свойствах. Возможно, в каком-то возможном мире у мистера и миссис Трумэн даже была дочь, которая фактически стала королевой Англии и даже произошла от других родителей. Как мне кажется, это все еще не будет ситуацией, когда *эта самая женщина*, которую мы называем «Елизавета II», была бы ребенком мистера и миссис Трумэн. Это была бы ситуация, в которой была какая-то другая женщина, у которой было много свойств, которые на самом деле истинны и для Елизаветы. Теперь, один вопрос: рождалась ли когда-либо сама Елизавета в этом возможном мире? Давайте предположим, что она никогда не рождалась. Это было бы не той ситуацией, как если бы у Трумэна и его жены был ребенок со многими свойствами Елизаветы, а сама Елизавета вообще не существовала. В этом можно убедиться только размышляя о том, как бы вы описали эту ситуацию. (Полагаю, во многих случаях это означает, что вы не будете в этом убеждены, по крайней мере, на данный момент, но это то, что в чем лично я убежден).

Как может человек происходить от других родителей, от совершенно других спермы и яйцеклетки, и быть *этой самой женщиной*? Учитывая женщину, можно представить, что в ее жизни могли измениться различные вещи: она должна была стать нищей; что ее королевская кровь была бы неизвестна и так далее. Мы рассматриваем, скажем, историю мира с того времени и до определенного времени. Это кажется возможным. Она никогда не становилась королевой. Даже если они родились от одних родителей, как персонаж Марка Твена.⁵⁴ Но что сложнее представить? Мне кажется, все, что исходит из другого источника, не будет этим объектом.

В случае с этим столом⁵⁵ мы можем не знать, из какого куска дерева он был создан. Мог ли *этот стол* быть сделан из совершенно *другого* куска дерева или даже воды, искусно затвердевшей в лед, взятый из реки Темзы? Мы могли бы обнаружить, что, вопреки тому, что мы сейчас думаем, этот стол действительно сделан из куска льда из реки. Но давайте предположим, что это не так. Тогда, хотя мы можем представить, как сделать стол из другого куска дерева или даже из идентичного по внешнему виду льда, и хотя мы могли бы так же установить его в комнате, мне кажется, что на самом деле мы *не* будем представлять себе *этот* стол, сделанный из дерева или льда, а будем представлять другой стол, похожий на этот во всех внешних деталях, сделанный из другого куска дерева или даже льда.⁵⁶⁵⁷

---

⁵⁴ В «Принц и нищий»

⁵⁵ Конечно же, я говорю о деревянном столе в комнате.

⁵⁶ Принцип, предложенный этими примерами, заключается в следующем: если материальный объект имеет свое происхождение от определенного куска материи, он не мог бы быть изготовлен из какого-либо другого вещества. Возможно, придется сделать некоторые уточнения (например, неопределенность понятия куска материи приводит к некоторым проблемам), но в большом классе случаев этот принцип, возможно, чувствителен к чему-то вроде доказательства, используя принцип необходимости идентичности для частей. Пусть «В» - это имя (жесткий десигнат) стола; «А» - имя куска дерева, из которого он был сделан. «С» - имя другого куска дерева. Тогда предположим, что В был сделан из А в реальном мире, но также был сделан другой стол D из С. (Мы предполагаем, что нет никакой связи между А и С.) Теперь в этой ситуации $V \neq D$; следовательно, даже если D был сделан сам по себе, и никакостоло не было сделано из А, D не был бы В. Строго говоря, «доказательство» использует необходимость определенности, а не идентичности. Тем не менее, те же самые соображения, которые могут быть использованы для вывода последнего утверждения, могут быть использованы и для вывода первого. (Предположим, что $X \neq Y$; если X и Y оба идентичны некоторому объекту Z в другом возможном мире, то $X = Z$, $Y = Z$, следовательно, $X = Y$.) Альтернативно, принцип следует из необходимости идентичности плюс «аксиомы Brouwersche» (прим.пер.: « $p \rightarrow \neg \neg p$ »). Если «не» перевести в «невозможно» ($\neg \diamond$), и «означает» в его строгую версию, тогда интуитивистский принцип « $p \rightarrow \neg \neg p$ » становится аксиомой Brouwersche. « $a \rightarrow \exists b$ » означает «невозможно, что *a* и не *b*». См. [M. Gabbay, John Woods. Logic and the Modalities in the Twentieth Century](#)), или, что то же самое, симметрии отношения доступности между возможными мирами. В любом случае аргумент применяется только в том случае, если создание D из С не влияет на возможность сделать В из А и наоборот.

⁵⁷ В дополнение к принципу, что происхождение объекта имеет для него существенное значение, другой принцип предполагает, что субстанция, из которой он сделан, имеет важное значение. Здесь есть несколько осложнений. Во-первых, не следует путать типы сущностей, вовлеченные в вопрос «Какие свойства должен сохранить объект, если он не должен прекращать свое существование и какие свойства объекта могут измениться, пока объект сохраняется?», что является временным вопросом, с вопросом «Какие (вне времени) свойства объект мог бы не иметь и каких свойств ему бы не хватало, хотя он бы существовал (вне времени)?», что касается необходимости, а не времени, и что является здесь основной темой. Таким образом, вопрос о том, может ли стол превратиться в лед, здесь не имеет значения. Вопрос о том, может ли стол изначально быть сделан из чего угодно, кроме дерева, имеет значение. Очевидно, этот вопрос связан с необходимостью возникновения стола из данного куска дерева и является ли этот кусок по существу деревом (даже древесиной определенного вида). Таким образом, невозможно представить стол, сделанный из любого вещества, отличного от того, из которого он фактически сделан, не возвращаясь через всю историю Вселенной - ошеломляющий подвиг. (Мне предложили другие возможности стола, который не был деревянным изначально, в том числе гениальное предложение Слота, но я не считаю что-либо действительно убедительным. Я не могу обсуждать это здесь.) Полное обсуждение проблем сущностных свойств частей здесь невозможно, но я остановлюсь на нескольких других моментах: (I) Обычно, когда мы интуитивно спрашиваем, могло ли что-то случиться с данным объектом, мы спрашиваем, может ли

Это только примеры сущностных свойств.⁵⁸ Я не буду останавливаться на них дальше, потому что я хочу перейти к более общему случаю, о котором я упомянул в последней лекции, о некоторых тождествах между названиями веществ, а также о свойствах веществ и природных видов. Философы, как я уже сказал, очень интересовались заявлениями, выражающими теоретическую идентификацию; среди них, что свет является потоком фотонов, что вода является H_2O , что молния представляет собой электрический разряд, что золото является элементом с атомным номером 79.

Чтобы разобраться со статусами этих утверждений, мы должны сначала подумать о статусе таких веществ, как золото. Что такое золото? Я не знаю, является ли это примером, который особенно интересен философам. Интерес к финансовым кругам уменьшается из-за повышения стабильности валют.⁵⁹

вселенная продолжаться, как это было на самом деле, до определенного времени, но расходиться в своей истории до этой точки, чтобы превратности этого объекта в дальнейшем различались. Возможно, эта особенность должна быть возведена в общий принцип сущности объектов. Обратите внимание, что период времени, когда происходит расхождение с фактической историей, может быть до того, как сам объект будет создан. Например, я мог бы быть деформирован, если оплодотворенная яйцеклетка, из которой я возник, была повреждена определенным образом, хотя я, предположительно, еще не существовал в то время. (2) Я не предполагаю, что сущностными свойствами являются только происхождение и субстанция в составе. Например, если сам блок дерева, из которого изготовлен стол, вместо этого превратился в вазу, стол никогда бы не существовал. Итак, грубо говоря, быть столом является сущностным свойством стола. (3) Так же, как вопрос о том, действительно ли объект имеет определенное свойство (например, лысость), может быть неопределенным, так же и вопрос о том, имеет ли объект сущностное определенное свойство, может быть неопределенным, даже если решен вопрос о том, имеется ли это свойство у объекта. (4) Определенные контрпримеры к принципу происхождения, по-видимому, существуют в обычном языке. Я убежден, что они не являются подлинными контрпримерами, но их точный анализ затруднен. Я не могу обсуждать это здесь.

⁵⁸Peter Geach отстаивал (в «Mental Acts», Routledge and Kegan Paul, London, 1957, Section 16 и в других местах) различие между понятием «номинальная сущность» и типом сущностных свойств, рассматриваемых здесь. Согласно Geach, поскольку любой акт указания неоднозначен, кто-то, кто именуется объект, указывая на него, должен применять своеобразное свойство для устранения неоднозначности его ссылки и обеспечения правильных критериев идентичности с течением времени. Например, тот, кто присваивает ссылку на «Никсон», указывая на него, должен сказать: «Я использую «Никсон» как имя этого человека», тем самым устраняя соблазн слушателя считать, что говорящий указывает на нос или фрагмент времени. Sortal (*пер.: обозначающий или относящийся к термину, представляющему семантический признак, который применяется к сущности, классифицируя его как особый вид; прообраз*) тогда в некотором смысле является частью значения имени. В конце концов, имена имеют (частичный) смысл, хотя их смыслы могут быть недостаточно полными, чтобы определить их ссылки, поскольку они содержатся в дескрипции и теориях кластера дескрипций. Если я правильно понимаю Geach, его номинальную сущность следует понимать с точки зрения приоритетности, а не необходимости, и она, следовательно, совершенно отличается от той, что обосновывается здесь (возможно, это часть того, что он имеет в виду, когда говорит, что имеет дело с «номинальными», а не «реальными» сущностями). Итак, «Никсон - человек», «Доббин - это лошадь», и подобные будут априорными истинами.

Мне не нужно занимать эту позицию здесь. Но я бы кратко упомянул следующее: (1) Даже если sortal используется для устранения двусмысленности ссылки, то, конечно, это не следует считать справедливым априори для обозначаемого объекта. Не могла ли Доббин оказаться принадлежащей к виду, отличному от лошадей (хотя внешне она была похожа на лошадь); Геспер был планетой, а не звездой; или гости Лота, даже если он называет их мужчинами, были ангелами? Возможно, Geach должен придерживаться более осторожных sortal. (2) Поступаясь возражениями в (1) необходимо заметить, что существует существенный разрыв между предпосылкой и заключением. Немногие говорящие действительно узнают ссылку на данное имя по прямому указанию; и, даже если они взяли имя по цепочке связей, ведущей назад к прямому указанию, почему-то бы используемая в прямом указании sortal должна являться частью «смысла» имени для них? Здесь нет аргументов. (Крайний случай: жена математика подслушивает, как ее муж пробормотал имя «Нэнси». Она задается вопросом, является ли упомянутая Нэнси женщиной или группой Ли. Почему ее случай использования «Нэнси» не будет именовани-ем? Если это не так, причина не в неопределенности ее ссылки.)

⁵⁹Возможно, я сказал об этом слишком рано. Это то, что писали в некоторых финансовых изданиях, когда в январе 1970 года проводились эти лекции.

Тем не менее золото заинтересовало многих людей. Вот что говорит Иммануил Кант о золоте. (Он был богатым спекулянтом, который хранил свое имущество под кроватью.) Кант вводит различие между аналитическими и синтетическими суждениями, и говорит: «Все аналитические суждения полностью зависят от закона противоречия и по своей природе являются априорными суждениями, являются ли понятия, которые снабжают их материей, эмпирическими или нет. Поскольку предикат утвердительного аналитического суждения уже содержится в понятии субъекта, которого нельзя отрицать без противоречия... Именно по этой причине все аналитические суждения являются суждениями априори, даже когда эти понятия являются эмпирическими, как, например, “Золото - желтый металл”; потому что для того, чтобы узнать это, я не нуждаюсь в опыте, отличном от моего представления о золоте, как о желтом металле. Это, по сути, только концепция, и мне нужно только анализировать ее, не выходя за ее пределы».⁶⁰ Я должен был посмотреть оригинал на немецком. «На самом деле сама концепция» звучит так, будто Кант говорит здесь, что «золото» означает «желтый металл». Если он это скажет, то это особенно странно, так что давайте предположим, что это не то, о чем он говорит. По крайней мере, Кант считает, что это часть концепции, что золото должно быть желтым металлом. Он думает, что мы знаем это априори и что мы не можем обнаружить, что это эмпирически ложно.

Неужели Кант прав? Во-первых, я хотел бы обсудить вопрос о том, является ли золото металлом. Это, однако, сложно, потому что во-первых, я не достаточно хорошо знаю химию. Исследуя этот вопрос несколько дней назад всего лишь в нескольких источниках, я нашел в более феноменологическом описании металлов заявление о том, что очень сложно сказать, что такое металл. (Речь идет о ковкости, пластичности и т.п., но ничто из этого не работает). С другой стороны, кое-что из периодической таблицы дало описание элементов как металлов с точки зрения их валентных свойств. Это может заставить некоторых людей сразу подумать, что на самом деле существуют две концепции работы с металлом: феноменологическая и научная, которая затем заменяет ее. Я отвергаю это, но, поскольку этот шаг многих соблазнит и может быть опровергнут только тогда, когда я разработаю свои собственные взгляды, нецелесообразно использовать «Золото – это металл» в качестве примера, чтобы представить эти взгляды.

Но давайте рассмотрим что-то более легкое - вопрос желтизны золота. Могли бы мы обнаружить, что золото на самом деле не было желтым? Предположим, что оптическая иллюзия распространена из-за специфических свойств атмосферы в Южной Африке и России и некоторых других областях, где много золотых приисков. Предположим, что существует оптическая иллюзия, которая сделала вещество желтым; но на самом деле, как только особые свойства атмосферы были удалены, мы увидим, что оно в действительности синее. Может быть, демон исказил видение всех тех, кто входил в золотые рудники (очевидно, их души были уже развращены), и поэтому они полагали, что это вещество желтое, хотя это не так. Будет ли на этой основе объявление в газетах: «Оказалось, что золота нет. Золото не существует. То, что мы использовали в качестве золота, на самом деле не золото». Представьте себе мировой финансовый кризис в этих условиях! Здесь у нас есть неистощимый источник неустойчивости в денежной системе.

Мне кажется, что такого объявления не будет. Напротив, будет объявлено, что, хотя казалось, что золото было желтым, на самом деле золото оказалось не желтым, а синим. Причина в том, я считаю, что мы используем «золото» как термин для определенного вида вещей. Другие обнаружили этого вида вещи, и мы слышали об этом.

---

⁶⁰ «Проленгомены ко всякой будущей метафизике», преамбула Раздел 2.b. (Издание Прусской академии, стр. 267). Мое впечатление от текста не было изменено последующим беглым взглядом на немецкое издание, хотя я вряд ли могу претендовать здесь на какую-либо реальную компетенцию.

Таким образом, мы, как часть сообщества говорящих, имеем определенную связь между собой и определенным видом вещей. Предполагается, что у этого вида вещей есть определенные идентифицирующие знаки. Некоторые из этих знаков на самом деле могут быть не истинными для золота. Мы можем обнаружить, что мы ошибаемся в отношении них. Кроме того, может существовать вещество, которое имеет все идентифицирующие знаки, которые мы обычно приписываем золоту, и используем для его идентификации в первую очередь, но это вещество не того же вида, вещество не из той же субстанции. Мы бы сказали о такой вещи, что, хотя у нее есть все признаки, которые мы изначально использовали для определения золота, это не золото. Таково, например, как мы хорошо знаем, железные пириты или золото дурака. Это не другой вид золота. Совершенно другое вещество, которое для непосвященного человека выглядит так же, как вещество, которое мы обнаружили и называем золотом. Мы можем сказать это не потому, что мы изменили значение термина «золото» и стали использовать некоторые другие критерии, которые отличали бы золото от пиритов. Мне кажется, что это не так. Напротив, мы *обнаружили*, что для золота справедливы некоторые свойства в дополнение к начальным идентификационным признакам, которыми мы его идентифицировали. Эти свойства, тогда, будучи характерными для золота и не соответствующим железным пиритам, показывают, что золото дурака на самом деле не золото.

Мы должны посмотреть на это в другом примере⁶¹: «Я говорю “Слово ‘тигр’ имеет значение на английском языке”... Если меня тогда спросят “Что такое тигр?” Я мог бы ответить “Тигр - крупный плотоядный четвероногий кошачий, коричнево-желтого цвета с черноватыми поперечными полосками и белым животом” (взято из более короткой версии Оксфордского английского словаря.) И теперь предположите, что кто-то говорит: “Вы только что сказали, что слово ‘тигр’ означает на английском языке”». И Зифф спрашивает: «Это так?» И он правильно говорит: «Я думаю, что нет». Его пример: «Предположим, что в при расчистке джунглей кто-то говорит: “Смотри, трехногий тигр!” Должно ли это смутить? Фраза «трехногий тигр» не содержит внутреннего противоречия. Но если «тигр» на английском означает, среди прочего, четвероногое, фраза «трехногий тигр» может быть только внутренне противоречивой». Итак, его пример показывает, что если это часть концепции тигра, что у тигра четыре ноги, то трехногие тигры не могут существовать. Это тот случай, который многие философы склонны объяснять как «кластерное понятие». Разве не будет противоречием предполагать, что мы должны обнаружить, что тигры никогда не имеют четыре ноги? Предположим, исследователи, которые приписывали эти свойства тиграм, были обмануты оптической иллюзией, и что животные, которых они видели, были из трехногих видов. Скажем ли мы тогда, что обнаружилось, тигров не существует? Я думаю, мы бы сказали, что, несмотря на оптическую иллюзию, которая обманула исследователей, у тигров фактически есть три ноги.

Кроме того, верно ли, что все, что удовлетворяет этому описанию в словаре, с необходимостью является тигром? Мне кажется, что это не так. Предположим, мы обнаруживаем животное, которое, хотя и имеет все внешние проявления тигра, как описано здесь, имеет внутреннюю структуру, полностью отличную от структуры тигра. На самом деле слово «кошачий» было помещено сюда, так что это не совсем справедливо. Предположим, что это исключено, для этого примера. Во всяком случае, что тигр принадлежит какой-либо определенной биологической семье, мы обнаружили. Если «кошачий» означает просто внешне выглядеть, как кошка, давайте предположим, что оно имеет вид большой кошки. Мы могли бы найти животных в какой-то части мира, которые, хотя они выглядят точно так же, как тигр, оказались бы не млекопитающими. Предположим, что они были бы на самом деле очень странными рептилиями. Разве мы заключили бы на основании этого описания, что некоторые тигры являются рептилиями?

---

⁶¹ Pau Ziff *Semantic Analysis*, Itaca, Corel Univety Press, 196, pp.184-85.

Мы этого не делаем. Мы предпочли бы заключить, что эти животные, хотя и имеют внешние знаки, по которым мы первоначально идентифицировали тигров, на самом деле не тигры, потому что они не того вида, что мы называли «вид тигров». Я думаю, это не потому, что, как говорят некоторые люди, старая концепция тигра была заменена новым научным определением. Я думаю, что это было верно в отношении понятия тигра еще до того, как была исследована внутренняя структура тигров. Несмотря на то, что мы не знаем внутреннего строения тигров, мы полагаем, - и предположим, что мы правы, - что тигры образуют определенный вид или естественный вид. Тогда мы можем представить, что должно существовать существо, которое, несмотря на внешний вид тигров, отличается от них внутренне настолько, что нам придется сказать, что оно другого вида. Мы можем представить это, не зная ничего о внутреннем строении - каково оно. Мы можем заранее сказать, что мы используем термин «тигр» для обозначения вида, и что все, что не принадлежит этому виду, даже если оно похоже на тигра, на самом деле не является тигром.

Точно так же, как что-то может иметь все свойства, с помощью которых мы первоначально идентифицировали тигров и, тем не менее, не быть тигром, мы могли бы также узнать, что у тигров не было ни одного из свойств, с помощью которых мы изначально их идентифицировали. Возможно, ни один из них не является четвероногим, ни одного коричнево-желтого цвета, ни одного плотоядного и т.д.; все эти свойства основываются на оптических иллюзиях или других ошибках, как в случае золота. Таким образом, термин «тигр», как и термин «золото», не выделяет «концепцию кластера», в которой большинство, но, возможно, не все из свойств, используемых для идентификации вида, должны быть удовлетворены. Напротив, владение большинством этих свойств не обязательно должно быть необходимым или достаточным условием для отнесения в этому роду.

Поскольку мы выяснили, что тигры действительно, как мы и подозревали, образуют один вид, тогда нечто не этого вида не будет тигром. Конечно, мы можем ошибаться, полагая, что существует такой вид. Мы полагаем заранее, что такие существа, вероятно, образуют вид. Прошлый опыт показал, что обычно подобные существа, живущие вместе, похожи друг на друга, спариваются друг с другом, образуют вид. Если есть два вида тигров, которые имеют какое-то отношение друг к другу, но не так сильно, как мы думали, то, возможно, они образуют большую биологическую семью. Если они не имеют абсолютно никакого отношения друг к другу, то действительно есть два вида тигров. Все это зависит от истории и от того, что мы на самом деле узнаем.

Философ, у которого я больше всего признаю такого рода соображения (наши мысли по этим вопросам развивались независимо) - это Патнэм. В статье под названием «Это не обязательно так» (*It Ain't Necessarily So*)⁶², он говорит об утверждениях о видах, что они «менее необходимы» (как он осторожно говорит), чем такие заявления, как «холостяки не состоят в браке». Пример, который он дает: «кошки – это животные».

---

⁶² *Journal of Philosophy*, 59, No. 22 (25 октября 1962), стр. 658-671. В последующих работах над естественными видами и физическими свойствами, которые у меня не было возможности увидеть во время написания этой статьи, Патнэм провел дальнейшую работу, которая (я обнаружил) имеет много точек соприкосновения с выраженной здесь точкой зрения. Как я упоминал в тексте, есть некоторые расхождения между подходом Патнэма и моим; Патнэм не основывает свои соображения на противопоставлении необходимых и априорных истин, которые я рассматриваю. В своей более ранней работе «Аналитическое и синтетическое» («*The Analytic and the Synthetic*»), *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, часть III, стр. 358-397, он кажется в некоторых отношениях склоняющимся к теории «концепции кластера», предполагая, например, что она применяется к собственным именам.

Я должен еще раз подчеркнуть, что это был пример Роджерса Альбриттона (*Rogers Albritton*), который обратил мое внимание на этот комплекс проблем, хотя Альбриттон, вероятно, не согласился бы с теориями, которые я разработал на основе этого примера.

Кошки могут оказаться автоматами или странными демонами, выращенными магом (не его пример). Предположим, они оказались разновидностью демонов. Затем, по его мнению, и по моему мнению тоже, будет желание сказать, не то, что не было кошек, но что эти кошки оказались не животными, как мы и предполагали. Первоначальная концепция кошки такова: *такого вида объект*, где вид может быть идентифицирован образцовыми примерами. Это не то, что выбрано качественным определением из словаря. Однако вывод Патнэма заключается в том, что такие заявления, как «кошки - животные», «менее необходимы», чем такие заявления, как «холостяки – это не женатые». Разумеется, я согласен с тем, что аргумент указывает, что такие утверждения не известны априори и, следовательно, не являются аналитическими⁶³; является ли данный вид животных предметом эмпирического исследования. Возможно, этот эпистемологический смысл - это то, что Патнэм означает «необходимое». Остается вопрос, являются ли такие заявления необходимыми в неэпистемологическом смысле, отстаиваемом в этих лекциях. Итак, следующее, что нужно исследовать (с использованием концепции необходимости, о которой я говорил): являются ли необходимыми такие заявления, как «кошки - это животные» или «золото - это желтый металл»?

До сих пор я только говорил о том, что мы можем узнать. Я говорил, что мы можем узнать, что золото на самом деле не желтое, вопреки тому, что мы думали. Если подробнее рассмотреть концепцию металлов, скажем, с точки зрения свойств валентности, можно было бы точно узнать, что хотя кто-то отнес золото к металлам, золото на самом деле не металл. Является ли необходимым или случайным то, что золото - металл? Я не хочу вдаваться в подробности о концепции металла. Как я уже сказал, я не знаю об этом достаточно. Золото, по-видимому, имеет атомный номер 79. Является ли это необходимым или случайным свойством золота, что оно имеет атомный номер 79? Конечно, мы могли бы узнать, что мы ошибались. Вся теория протонов, атомных чисел, всей теории молекулярной структуры и атомной структуры, на которой основаны такие взгляды, *вся* может оказаться ложной. Конечно, мы не знали этого с незапамятных времен. Таким образом, в этом смысле золото может оказаться не имеющим атомного номера 79.

Учитывая, что золото *имеет* атомный номер 79, может ли быть золото без атомного номера 79? Предположим, что ученые исследовали природу золота и обнаружили, что это является частью самой природы этого вещества, так сказать, что золото имеет атомное число 79. Предположим теперь мы найдем какой-нибудь другой желтый металл или какой-нибудь другой желтый объект со всеми свойствами, по которым мы первоначально идентифицировали золото, и многие из дополнительных, которые мы обнаружили позже. Таким примером со многими из первоначальных свойств являются железные пириты, «золото дурака». Как я уже отметил, мы бы не сказали, что это вещество - золото. До сих пор мы говорим о реальном мире. Теперь рассмотрим возможный мир. Рассмотрим контрфактическую ситуацию, в которой, скажем, золото дурака было найдено в разных горах в Соединенных Штатах или в районах Южной

---

⁶³ Я предполагаю, что аналитическая истина - это та, которая зависит от значений в строгом смысле слова, поэтому необходима так же, как и априорна. Если утверждения, чья априорная истина известна посредством фиксации ссылки, считаются аналитическими, некоторые аналитические истины являются случайными; эта возможность исключается в понятии аналитичности, принятой здесь. Неоднозначность в понятии аналитичности, конечно, возникает из-за двусмысленности в обычном использовании таких терминов «определение» и «смысл». Я не пытался заниматься деликатными проблемами аналитичности в этой лекции, но я скажу, что некоторые (хотя и не все) случаи, часто приводимые для дискредитации различия «аналитический-синтетический», особенно тех, которые связаны с явлениями природы и естественными видами, должны обрабатываться в терминах аппарата фиксации референции, приведенной здесь. Обратите внимание, что пример Канта: «золото - это желтый металл», даже не априорный, и всякая необходимость в нем установлена научным исследованием; таким образом, она аналитическая в любом смысле.

Африки и Советского Союза. Предположим, что все области, которые фактически содержат золото, содержат вместо них пириты или какое-то другое вещество, которое обладает поверхностными свойствами золота, но не обладает его атомной структурой.⁶⁴ Скажем ли мы, что в этой ситуации золото даже не было бы элементом (потому что пириты не являются элементом)? Мне кажется, что нет. Мы бы описали это как ситуацию, в которой вещество, скажем, железный пирит, которое не является золотом, было бы найдено в горах, которые фактически содержат золото, и имело бы те свойства, которыми мы обычно идентифицируем золото. Но это было бы не золото; это было бы что-то другое. Нельзя сказать, что это все равно было бы золотом в этом возможном мире, хотя у золота тогда не было бы атомного номера 79. Это было бы другим материалом какое-то другое вещество. (Опять же, будут ли люди контрафактически называть это «золотом», не имеет значения. Мы не называем это золотом.) Таким образом, мне кажется, это не было бы случаем, когда возможное золото могло быть не элементом, и не может быть такого случая (кроме эпистемологического смысла «возможный»). Учитывая, что золото является этим элементом, любое другое вещество, даже если оно похоже на золото и находится в тех местах, где мы находим золото, оно не было бы золотом. Это было бы другое вещество, которое было бы подделкой золота. В любой контрафактической ситуации, когда одни и те же географические районы были бы заполнены таким веществом, они не были бы заполнены золотом. Они были бы наполнены чем-то другим.

Если это соображение правильно, оно, как правило, показывает, что такие заявления, представляющие научные открытия о том, что это за материал, являются не случайными истинами, но в самом строгом смысле необходимыми истинами. Дело не только в том, что это научный закон. Мы можем представить себе мир, в котором он потерпел бы неудачу. Любой мир, в котором мы представляем себе вещество, которое не обладает этими свойствами, - это мир, в котором мы представляем себе вещество, которое не является золотом, при условии, что эти свойства составляют основу того, что такое вещество. В частности, современная научная теория такова, что иметь атомный номер 79 является частью природы золота. Поэтому будет необходимо и не случайно, что у золота атомный номер 79. (Мы можем так же исследовать, как цвета и свойства металла вытекают из субстанции золота: в той степени, в которой такие свойства вытекают из атомной структуры золота, они являются необходимыми свойствами, даже несмотря на то, что они не являются частью *значения* «золота» и не были известны с априорной уверенностью.)

Пример Патнэма «Кошки – это животные» относится к той же рубрике. В этом случае мы сделали очень удивительное открытие. На самом деле мы ничего не нашли против нашего убеждения. Кошки на самом деле являются животными! Тогда эта истина является необходимой истиной или случайной? Мне кажется, что она необходимая. Рассмотрим контрафактическую ситуацию, в которой вместо этих существ - этих животных - у нас имеются маленькие демоны, которые, когда они приближались бы к нам, приносили неудачу. Должны ли мы описать это как ситуацию, когда кошки были бы демонами? Мне кажется, что эти демоны не будут кошками. Они были бы демонами в кошачьей форме. Мы могли бы обнаружить, что наши настоящие кошки – это демоны. Однако, как только мы обнаружили, что это не так, что это часть их природы, то когда мы будем описывать контрафактический мир, в котором повсюду такие демоны, мы должны будем сказать, что демоны не будут кошками. Это был бы мир, содержащий демонов, маскирующихся под кошек. Хотя мы могли бы сказать, что кошки *могут оказаться* демонами определенного вида, учитывая, что кошки на самом деле являются животными, любое кошачье существо, которое не является животным в реальном или в

---

⁶⁴ Существуют пары лучше; например, некоторые пары элементов одного столбца в периодической таблице, которые похожи друг на друга, но все же являются разными элементами.

контрфактическом мире, не является кошкой. То же самое относится и к животным с внешностью кошек, но с внутренним строением, как у рептилий. Если бы такие создания существовали, они были бы не кошками, а «кошками дураков».

Это также имеет некоторое отношение к сущности конкретного объекта. Скажем, молекулярная теория обнаружила, что этот объект состоит из молекул. Это, безусловно, было важным эмпирическим открытием. Это было то, о чем мы не знали заранее; возможно, это могло быть составлено из какой-то эфирной [энтелехии](#). Теперь представьте себе объект, занимающий это место в комнате, который был бы эфирной энтелехией. Это был бы тот самый объект? Он может иметь внешность этого объекта, но мне кажется, что он никогда не будет *этим объектом*. Судьба *этого объекта*, возможно, сильно отличалась бы от ее фактической истории. Его, возможно, перевезли в Кремль. Возможно, он уже высечен в битах и в настоящее время больше не существует. Возможно, с ним могли произойти разные вещи. Но, что бы мы ни думали, что с ним случилось иначе, чем то, что на самом деле произошло, единственное, что мы не можем себе представить, - это то, что он, учитывая, что он состоит из молекул, все еще должен существовать и не состоять из молекул. Мы можем представить себе, что обнаружили, что он не состоит из молекул. Но как только мы узнаем, что эта вещь, состоит из молекул, что это истинная природа ее субстанции, мы уже не сможем представить, что эта вещь может не быть составлена из молекул.

Согласно мнению, которое я отстаиваю, термины для естественных видов гораздо ближе к собственным именам, чем обычно считается. Таким образом, старый термин «общее имя» вполне подходит для предикатов, обозначающих виды или естественные виды, такие как «корова» или «тигр». Однако мои соображения также относятся к определенным массовым терминам для естественных видов, таких как «золото», «вода» и т.п. Интересно сравнить мои взгляды со взглядами Милля. Милль считает оба предиката, таких как «коровы», определенные описания и собственные имена в качестве имен. Он говорит о «сингулярных» именах, что они обладают коннотациями, если они являются определенными описаниями, но не обладают коннотациями, если они являются собственными именами. С другой стороны, Милль говорит, что все «общие» имена обладают коннотациями; такой предикат, как «человек», определяется как совокупность определенных свойств, которые дают необходимые и достаточные условия для человечества - рациональность, животное начало и некоторые физические особенности.⁶⁵ Современная логическая традиция, представленная Фреге и Расселом, кажется, утверждает, что Милль ошибался в отношении уникальных имен, но был прав относительно общих имен. Более поздняя философия последовала этому примеру, за исключением того, что в случае как имен собственных, так и натуральных терминов она часто заменяет понятие определения свойств кластером свойств, лишь некоторые из которых должны выполняться в каждом конкретном случае. С другой стороны, по моему мнению, Милль более-менее прав относительно «сингулярных» имен, но ошибается относительно «общих» имен. Возможно, некоторые «общие» имена («глупый», «жирный», «желтый») выражают свойства.⁶⁶ В значительном смысле такие общие имена,

---

⁶⁵ Милль, там же.

⁶⁶ Я не собираюсь давать никакого критерия для того, что я имею в виду под «чистым свойством», или интенцией Фреге. Трудно найти неоспоримые примеры того, что имеется в виду. Желтизна, безусловно, выражает явное физическое свойство объекта и, по сравнению с обсуждением золота выше, может рассматриваться как свойство в необходимом смысле. Однако на самом деле она не лишена определенного элемента референции, потому что с современной точки зрения желтизна выбрана и жестко обозначена тем внешним физическим свойством объекта, который мы воспринимаем с помощью визуального впечатления от желтизны. В таком отношении это напоминает естественные родственные термины. Феноменологическое качество самого ощущения, с другой стороны, можно рассматривать как квалиа в некотором чистом смысле.

как «корова» и «тигр», не являются, если только *быть коровой* не считается тривиальным, как свойства. Конечно, «корова» и «тигр» *не* являются сокращениями для сочетания свойств, определяемых при помощи словаря, как думал Милль. Может ли наука обнаружить эмпирически, что некоторые свойства *необходимы* для коров или тигров, - это другой вопрос, на который я отвечу утвердительно.

Давайте рассмотрим, как это относится к типам выражений идентичности, выражающих научные открытия, о которых я говорил ранее, например, о том, что вода представляет собой H_2O . Это, безусловно, представляет собой открытие, что вода является H_2O . Мы идентифицировали воду по ее характерному ощущению, внешнему виду и, возможно, вкусу (хотя вкус обычно может быть вызван примесями). Если бы существовало вещество, которое имело бы совершенно другую атомную структуру по сравнению с водой, но напоминало воду в этом отношении, будем ли мы говорить, что такая вода не была бы H_2O ? Думаю, нет. Вместо этого мы бы сказали, что так же, как есть золото дурака, может быть вода дурака; вещество, которое, хотя и обладает свойствами, по которым мы первоначально идентифицировали воду, на самом деле ею не является. И это, я думаю, относится не только к реальному миру, но и к контрфактическим ситуациям. Если бы существовало вещество, которое было водой дурака, тогда это была бы вода дурака, а не вода. С другой стороны, если это вещество может принять другую форму, например, как [поливода](#), предположительно обнаруженная в Советском Союзе, с совершенно другими идентификационными свойствами в отличие от того, что мы теперь называем водой, - это разновидность воды, потому что это одно и то же вещество, даже несмотря на то, что у него нет свойств, по которым мы первоначально идентифицировали воду.

Рассмотрим утверждение «Свет – это поток фотонов» или «Тепло - это движение молекул». Конечно, имея в виду свет, я имею в виду то, что у нас есть в этой комнате. Когда я говорю о тепле, я имею в виду не внутреннее ощущение, которое может иметь кто-то, а внешнее явление, которое мы воспринимаем через ощущения; оно создает характерное ощущение, которое мы называем ощущением тепла. Тепло - это движение молекул. Мы также обнаружили, что увеличение теплоты соответствует увеличению движения молекул или, строго говоря, увеличению средней кинетической энергии молекул. Таким образом, температура идентифицируется со средней молекулярной кинетической энергией. Однако я не буду говорить о температуре, потому что есть вопрос о том, как установить фактическую шкалу измерений. Это может быть просто установлено в терминах средней молекулярной кинетической энергии.⁶⁷ Но что представляет собой интересное феноменологическое открытие, так это то, что когда вокруг теплее, молекулы движутся быстрее. Мы также обнаружили, что свет представляет собой поток фотонов; иначе говоря, это форма электромагнитного излучения. Первоначально мы идентифицировали свет по характерным внутренним визуальным впечатлениям, которые он может произвести в нас, что позволяет нам видеть. Тепло, с другой стороны, мы первоначально идентифицировали по характерному эффекту у наших нервных окончаний или нашим ощущением осязания.

Представьте себе ситуацию, когда люди были бы слепы или их глаза не работали. Они не реагировали бы на свет. Была бы это ситуация, когда света не было? Мне кажется, что это не так. Это была бы ситуация, когда наши глаза не были бы чувствительны к

Возможно, я довольно расплывчато рассуждаю по поводу этих вопросов, но большая точность здесь не нужна.

⁶⁷ Конечно, существует вопрос о соотношении статистического механического понятия температуры к, например, термодинамическому понятию. Я хочу оставить такие вопросы за пределами обсуждения.

свету. У некоторых существ могут быть глаза, не чувствительные к свету. К сожалению, среди таких существ есть и некоторые люди; их называют «слепыми». Даже если бы у всех людей были ужасные рудиментарные ростки и они ничего бы не видели, свет мог бы быть вокруг; но он не смог бы должным образом повлиять на глаза людей. Мне кажется, что такая ситуация была бы ситуацией, в которой был свет, но люди не могли его видеть. Итак, хотя мы можем идентифицировать свет по характерным визуальным впечатлениям, которые он производит в нас, это, кажется, хороший пример фиксации ссылки. Мы фиксируем, что свет – это что-то в этом мире, что влияет на наши глаза определенным образом. Говоря о контрфактических ситуациях, в которых, скажем, люди были бы слепы, мы не будем говорить, что света не будет, поскольку в таких ситуациях ничто не может повлиять на их глаза; мы бы сказали, что это ситуация, в которой свет – то, что мы идентифицировали как то, что на самом деле позволяет нам видеть, – существует, но не может помочь нам видеть из-за какого-то дефекта в нас.

Предположим, мы можем представить, что каким-то чудом звуковые волны позволили некоторым существам видеть. Я имею в виду, они дали им визуальные впечатления, как у нас, и, возможно, точно такое же чувство цвета. Мы также можем представить, что существа полностью *нечувствительны* к свету (фотонам). Кто знает, какие возможности есть в этом мире? Скажем ли, что в таком возможном мире звук был бы светом, что звуковые волны в воздухе были бы светом? Мне кажется, что, учитывая нашу концепцию света, мы должны описывать ситуацию иначе. Это была бы ситуация, при которой некоторые существа, возможно, даже те, которые называются «люди» и населяют эту планету, были бы чувствительны не к свету, а к звуковым волнам; чувствительны к ним точно так же, как мы чувствительны к свету. Если это так, то как только мы узнаем, что такое свет, когда мы говорим о других возможных мирах, мы говорим об этом явлении в мире и не используем «свет» в качестве *синонима* «того, что дает нам визуальное впечатление, что помогает нам видеть»; ибо мог бы существовать свет, и при этом он не помогал бы нам видеть; или что-то еще помогало нам видеть. То, как мы идентифицируем свет, *фиксирует ссылку*.

И аналогично для других таких фраз, таких как «тепло». Здесь тепло – это то, что мы идентифицировали (и зафиксировали ссылку на имя), создавая определенное ощущение, которое мы называем «ощущением тепла». У нас нет особого имени для этого ощущения, кроме как ощущение тепла. Интересно, что язык так устроен. Вы можете предположить, что это могло бы быть иначе. Во всяком случае, мы идентифицируем тепло и можем почувствовать его, оно производит в нас ощущение тепла. Возможно, это так важно для концепции, что ссылка на тепло фиксируется таким образом, что если кто-то другой обнаруживает тепло каким-то инструментом, но не может его почувствовать, мы можем захотеть сказать, что концепция тепла отличается, хотя референт одинаковый.

Тем не менее, термин «тепло» не *означает* «все, что дает людям эти ощущения». Во-первых, люди, возможно, могут быть не чувствительны к теплу, и тем не менее тепло по-прежнему существует во внешнем мире. Во-вторых, давайте предположим, что каким-то образом световые лучи из-за некоторой разницы в нервных окончаниях таких людей давали им ощущение тепла. Тогда это было бы не тепло, а свет, который давал людям ощущение, которое мы называем ощущением тепла.

Можем ли мы представить себе возможный мир, в котором тепло не было бы движением молекул? Мы можем себе представить, конечно, что мы обнаружили, что это не так. Мне кажется, что любой случай, о котором кто-то подумает первым делом, будет случаем, когда тепло (в противовес тому, что имеет место на самом деле) было бы чем-то иным, чем молекулярное движение. На самом же деле это будет случаем, когда некоторые существа с отличными от наших нервными окончаниями обитают на этой планете (может

быть, даже мы, если наша особая нервная система - это случайный факт), и эти существа были бы чувствительны к чему-то другому, скажем, свету, таким образом, что они чувствовали бы то же самое, что мы чувствуем, когда чувствуем тепло. Но это не та ситуация, в которой, скажем, свет был бы теплом, или даже в которой поток фотонов был бы теплом, но ситуация, при которой поток фотонов вызывал бы характерные ощущения, которые *мы* называем «ощущениями тепла».

Аналогично для многих других подобных идентификаций, скажем, что молния является электричеством. Вспышки молнии - это вспышки электричества. Молния - электрический разряд. Мы можем вообразить, конечно, другие способы, при которых небо могло бы быть освещено ночью тем же самым видом вспышки, без присутствия электрического разряда. Здесь я тоже склонен сказать, когда мы это представляем, мы представляем себе что-то со всеми визуальными проявлениями молнии, но на самом деле это не молния. Можно было бы сказать: кажется, что это молния, но это не так. Полагаю, теперь это может произойти. Кто-то может с помощью умного аппарата произвести какое-то явление в небе, которое обманет людей, заставляя думать их, что это была молния, хотя на самом деле молнии не было. И вы не сказали бы, что это явление на самом деле молния только потому, что оно похоже на молнию. Это было другое явление, отличное от молнии, которое является феноменом электрического разряда; и это не молния, а просто то, что обманывает нас, заставляя думать, что это молния.

Что характерно для этих случаев, например, в «тепло - это молекулярное движение»? Существует определенный референт, который мы зафиксировали его случайным свойством для реального и для всех возможных миров, а именно: свойство, которое может вызвать в нас такие-то ощущения. Предположим, что это случайное свойство тепла, что оно производит такие-то ощущения у людей. В конце концов, все-таки должны были быть люди на этой планете. Таким образом, априори неизвестно, какое физическое явление, описанное в других терминах - в базовых терминах физической теории - будет явлением, которое производит эти ощущения. Мы не знаем этого, и мы в конце концов обнаружили, что это явление на самом деле является молекулярным движением. Когда мы это обнаружили, мы обнаружили идентификацию, которая дает нам сущностное свойство этого явления. Мы обнаружили явление, которое во всех возможных мирах будет иметь молекулярное движение, которое не могло бы не быть молекулярным движением, потому что именно таковым является это явление.⁶⁸ С другой стороны, свойство, с помощью которого мы идентифицируем его изначально, то, что производит в нас такое-то ощущение, является не необходимым свойством, а случайным. Это явление могло бы существовать, но из-за различий в *наших* нервных структурах и т.п. не ощущалось как тепло. Фактически, когда я говорю, что наши нейронные структуры, как и человеческие существа, в действительности я ограничиваю область, которую я ввел ранее; потому что, конечно, это может быть частью самой природы человека, что у нас есть нервная структура, чувствительная к теплу. Поэтому это тоже может оказаться необходимым, если это покажут исследования. Я просто игнорирую это с целью

---

⁶⁸ Некоторые люди склонны утверждать, что, хотя мы не можем сказать, что звуковые волны «были бы теплом», если бы они ощущались так же, как когда мы чувствуем тепло, ситуация отличается с учетом возможного явления, не присутствующего в реальном мире и отличного от молекулярного движения. Возможно, предполагается, что может быть другая форма тепла, отличная от «нашего тепла», которое не было бы молекулярным движением; хотя никакое реальное явление, кроме молекулярного движения, такого как звук, не подошло бы. Аналогичные утверждения могут быть сделаны для золота и для света. Хотя я не согласен с такими взглядами, они будут относительно мало отличаться от субстанции в настоящих лекциях. Те, кто склонен придерживаться таких взглядов, могут просто заменить термины «свет», «тепло», «боль» и т.д. в примерах на «наш свет», «наше тепло», «наша боль» и т.п. Поэтому я не буду обсуждать этот вопрос здесь.

упрощения обсуждения. Во всяком случае, я полагаю, не обязательно, чтобы эта планета была заселена существами, чувствительными к теплу таким способом.

В заключение, я остановлюсь на некоторых замечаниях относительно применения вышеизложенных соображений к дебатам на тему идентичности тела и разума. Тем не менее, прежде чем я это сделаю, я хочу пересмотреть взгляды, которые я разработал, и, возможно, добавить пункт или два.

Во-первых, мой аргумент неявно заключает, что некоторые общие термины, используемые для естественных видов, имеют большее родство с собственными именами, чем это обычно предполагается. Этот вывод справедлив для определенных названий видов, независимо от того, являются ли они счетными существительными, такими как «кошка», «тигр», «кусок золота» или таковыми не являются, как, например, «золото», «вода», «железные пиристы». Это также относится к определенным терминам для природных явлений, таких как «тепло», «свет», «звук», «молния» и, предположительно, соответствующим образом созданным соответствующим прилагательным - «горячий», «громкий», «красный».

Милль, как я уже упоминал, считал, что хотя некоторые «особые имена», определенные описания, имеют как обозначение, так и коннотацию, другие, настоящие собственные имена, имеют обозначение, но не имеют коннотации. Милль далее утверждал, что «общие имена» или общие термины имеют коннотацию. Такие термины, как «корова» или «человек», определяются конъюнкцией определенных свойств, которые задают их множество - например, человек является рациональным животным с определенными физическими характеристиками. Давняя традиция определения через указание рода и видовых отличий или отличительных признаков (*genus and differentia*) является частью концепции. Если бы Кант действительно полагал, что «золото» можно *определить* как «желтый металл», вполне вероятно, что эта традиция привела бы его к определению. («Металл» был бы родом, «желтый» - отличительным признаком. Отличительный признак вряд ли мог бы включать «быть золотом» без самореференции).

Современная логическая традиция, представленная Фреге и Расселом, оспаривала взгляды Милля о сингулярных именах, но одобряла его в отношении общих имен. Таким образом, все термины, как сингулярные, так и общие, имеют «коннотацию» или смысл по Фреге. Более поздние теоретики последовали за Фреге и Расселом, изменяя их взгляды только путем замены понятия смысла, заданного конкретной конъюнкцией свойств, понятием «кластера» свойств. Настоящие представления, непосредственно обращаясь к Фреге и Расселу, (более или менее) *подтверждают* мнение Милля о *сингулярных терминах*, но оспаривают его взгляд на общие термины.

Во-вторых, нынешняя точка зрения утверждает, что в случае видовых терминов, как в случае имен собственных, следует иметь в виду контраст между априорными, но, возможно, случайными свойствами, которые несет с собой термин, заданный фиксацией ссылки, и аналитическими (и, следовательно, необходимыми) свойствами, которые могут быть даны в термине согласно его значению. Для видов, как и для собственных имен, способ, которым фиксируется ссылка на термин, не следует рассматривать как синоним термина. В случае собственных имен эта ссылка может быть зафиксирована различными способами. При первоначальном именовании она обычно фиксируется прямым указанием или описанием. В противном случае, ссылка обычно определяется по цепочке, передавая имя от узла к узлу. Те же наблюдения применимы для такого общего термина, как «золото». Если мы вообразим гипотетическое (несколько искусственное) первичное именование вещества, мы должны представить, что оно выбрано согласно какому-то «определению», как, например, «Золото - это вещество, как вот эти вещи, или во всяком

случае, как большинство из них». Некоторые особенности этого именования заслуживают внимания. Во-первых, идентичность в «определении» не выражает (полностью) необходимую истину: хотя каждый из этих предметов действительно состоит (с необходимостью) из золота⁶⁹, золото могло бы существовать, даже если бы предметов не было. Тем не менее, это определение выражает априорную истину в том же смысле, что и (и с теми же оговорками) «1 метр = длина S» - оно *фиксирует ссылку*. Я считаю, что, в общем, термины для естественных видов (например, животных, овощей и химических видов) фиксируют свои ссылки таким образом; вещество определяется как тип, созданный (практически всеми) данными образцами. Уточнение «практически всеми» позволяет предположить, что в образце может присутствовать золото дурака. Если исходный образец имеет небольшое количество отклоняющихся элементов, они будут отброшены, как состоящие не из золота. Если, с другой стороны, мы предполагаем, что в исходном образце есть только одно однородное вещество или вид, то наши утверждения оказываются более радикальными при ошибке, реакции могут варьироваться: иногда мы можем заявлять, что есть два вида золота, иногда мы вообще можем отказаться от термина «золото» (эти возможности не предполагаются исчерпывающими). И предполагаемый новый вид может оказаться иллюзорным по другим причинам. Например, предположим, что некоторые предметы (обозначим их набор *I*) известны и считаются принадлежащими к новому типу *K*. Предположим, что позже обнаруживается, что элементы в *I* действительно имеют один вид, однако они принадлежат к ранее известному виду *L*. Ошибка в наблюдениях привела к ложному первоначальному убеждению, что предметы в *I* обладали некоторыми характеристиками *C*, исключаящими их из *L*. В этом случае мы, несомненно, будем говорить, что вид *K* не существует, несмотря на то, что он был определен с помощью ссылки на однородную начальную выборку. (Заметим, что если вид *L* ранее не был идентифицирован, мы могли бы сказать, что вид *K* действительно существует, но мы ошибались, предположив, что это связано с характеристикой *C*!) В той мере, в какой понятие «тот же самый вид» является неопределенным, то же относится к первоначальному понятию о золоте. Как правило, неопределенность на практике не имеет значения.

В случае естественного явления, воспринимаемого чувствами, способ выделения ссылки прост: «Тепло = то, что ощущается ощущением S». И снова идентичность фиксирует ссылку: поэтому она является априорной, но не необходимой, так как может существовать тепло, а мы могли бы не существовать. «Тепло», как «золото», является жестким десигнатом, ссылка на который фиксируется его «определением». Другие природные явления, такие как электричество, первоначально определяются как причины определенных конкретных экспериментальных эффектов. Я не пытаюсь дать здесь исчерпывающие характеристики, только примеры.

В-третьих, в случае естественных видов некоторые свойства, которые, являются по крайней мере грубо характеризующими этот вид и считаются применимыми к исходной выборке, используются для размещения новых объектов за пределами исходной выборки. («Свойства» используются здесь в широком смысле и могут включать в себя более крупные виды: например, животное начало и доброжелательность для тигров.) Эти свойства не обязательно должны быть априорными для вида; позднее эмпирические исследования могут установить, что некоторые свойства не принадлежали исходной выборке или что они были особенностями исходной выборки и не распространяются на вид в целом. (Таким образом, желтизна золота может быть оптической иллюзией или, что более вероятно, хотя первоначально обнаруженное золото действительно было желтым,

---

⁶⁹ Предполагая, конечно, что все они золотые; как я говорил, некоторые могут быть из золота дурака. Мы знаем заранее, априори, что это не тот случай, когда предметы сделаны из золота дурака; и все те предметы, которые сделаны из золота, являются, конечно, на самом деле золотыми.

могло получиться, что золото бывает и белым.) С другой стороны, элемент может обладать всеми необходимыми характеристиками и не принадлежать к этому виду. Таким образом, животное может выглядеть как тигр и не быть тигром, как упоминалось выше; отдельные элементы в том же столбце периодической таблицы могут сильно напоминать друг друга. Такие неудачи являются сбоями; но, как и в периодической таблице, они возникают. (Иногда отсутствие у первоначальной выборки связанных с ней характеристик может привести к тому, что мы откажемся от вида, как в случае с I-K-L. Но это явление не является типичным, не говоря уже о всеобщем; см. замечания о желтизне золота, или что кошки - животные.) Априори, все, что мы можем сказать, это что эмпирическим является вопрос о том, применяются ли характеристики, первоначально связанные с этим видом, к его членам повсеместно или нет, и являются ли они фактически достаточными для отнесения к такому виду. (Совместная достаточность крайне маловероятно будет *необходимой*, но это может быть правдой. На самом деле, любое животное, похожее на тигра, является тигром, насколько я знаю, хотя *возможно* (метафизически), что должны были существовать животные, похожие на тигров, но не тигры. С другой стороны, если это правда, универсальная применимость может оказаться *необходимой*. «Кошки – это животные» оказалось *необходимой* истиной. Действительно, из многих таких утверждений, особенно тех, которые относят один вид к другому, мы знаем априорно, что, если они истинны вообще, они истинны с необходимостью.)

В-четвертых, научное исследование обычно обнаруживает характеристики золота, которые намного лучше, чем исходный набор. Например, оказывается, что материальный объект является (чистым) золотом тогда и только тогда, когда в нем содержится только один элемент с атомным номером 79. Здесь «если и только если» можно считать строгим (необходимым). В целом наука пытается, исследуя основные структурные черты, обнаружить природу и, следовательно, сущность (в философском смысле) такого вида. Случай природных явлений будет схожим; такие теоретические идентификации, как «тепло - это молекулярное движение», *необходимы*, хотя и не априорны. Тип идентичности свойств, используемый в науке, по-видимому, связан с необходимостью, а не с первичностью или аналитичностью: для всех тел x и y , x более горячее, чем y тогда и только тогда, когда x имеет более высокую среднюю молекулярную кинетическую энергию, чем y . Здесь соотнесение предикатов *необходимо*, но не априорно. С другой стороны, философское понятие атрибута, по-видимому, требует априорной (и аналитической) и *необходимой* соотнесенности.

Заметим, что в настоящем подходе научные открытия сущностных свойств видов не являются «изменением смысла»; возможность таких открытий допускалась с самого начала. Мы даже не должны предполагать, что отказ биолога в том, что киты являются рыбой, показывает, что его «концепция рыб» отличается от представлений неспециалиста; она просто исправляет неспециалиста, обнаруживая, что «киты - это млекопитающие, а не рыба» - необходимая истина. В любом случае ни «киты - это млекопитающие», ни «киты – это рыбы» не должны быть априорными или аналитическими.

В-пятых, и независимо от только что упомянутых научных исследований «оригинальная выборка» дополняется открытием новых предметов.⁷⁰ (В случае золота я приложил огромные усилия к этой задаче. Те, кто сомневается в естественном научном любопытстве человека, должны учесть этот случай. Только такие антинаучные фундаменталисты, как Брайан, бросают попытки приложить усилия.) Более важно, имя

---

⁷⁰ Очевидно, что во всей этой оценке есть определенная искусственность. Например, может быть трудно сказать, какие элементы составляют исходную выборку. Золото, возможно, было открыто независимо разными людьми в разное время. Я не думаю, что подобные осложнения радикально изменят картину.

вида может быть передано от звена к звену по цепочке, точно так же, как в случае с собственными именами, так что многие, кто редко видел или совсем не видел золото, могут использовать этот термин. Их ссылка определяется причинной (исторической) цепью, а не использованием каких-либо предметов. Я приложу еще меньше усилий, чтобы изложить точную теорию, чем в случае имен собственных.

Обычно, когда собственное имя передается по цепочке от звена к звену, способ, которым фиксируется референция на имя, не имеет для нас большого значения. Не имеет значения, что разные говорящие могут фиксировать референцию на имя по-разному, при условии, что они сохраняют референт. Ситуация, вероятно, не сильно отличается от названий видов, хотя есть соблазн думать, что у металлурга другая концепция золота, нежели у человека, который никогда его не видел. Интересный факт заключается в том, что способ фиксации референции кажется для нас чрезвычайно важным в случае ощущаемых явлений: слепой человек, который использует термин «свет», хотя он использует его как жесткий десигнат для того же явления, что и мы, кажется нам потерявшим много, возможно, достаточно, чтобы мы сказали, что у него другая концепция. («Концепция» здесь используется не технически!) Тот факт, что мы идентифицируем свет определенным образом, кажется нам решающим, хотя это необязательно; личная интимная связь может создать иллюзию необходимости. Я думаю, что это наблюдение вместе с замечаниями об идентичности свойств выше может быть очень важно для понимания традиционных споров о первичных и вторичных качествах.⁷¹

Вернемся к вопросу теоретической идентификации. Теоретические идентичности, в соответствии с той идеей, которую я защищаю, в большинстве случаев являются идентичностями, включающими два жестких десигната и, следовательно, являются примерами апостериорной необходимости. Теперь, несмотря на аргументы, которые я дал раньше для разграничения между необходимой и априорной истиной, понятие апостериорной истины все еще может быть приводящим в замешательство. Кто-то, возможно, склонен рассуждать следующим образом: «Вы признали, что тепло могло оказаться не молекулярным движением, и что золото могло оказаться не элементом с атомным номером 79. Раз на то пошло, вы также признали, что Елизавета II, возможно, оказалась не дочерью Георга VI, и этот стол мог бы быть сделан из льда, полученного из воды Темзы. Я понимаю, что Геспер, возможно, оказался не Фосфором. Тогда что вы имеете в виду, когда говорите, что такие случайности невозможны? Если бы Геспер *мог* оказаться не Фосфором, то, Геспер мог бы не *быть* Фосфором. И аналогично для других

---

⁷¹ Чтобы понять этот спор, особенно важно осознать, что желтизна не является свойством диспозиции, хотя она связана с диспозицией. Многие философы из-за отсутствия какой-либо другой теории значения термина «желтый» склонны считать это выражением диспозиционного свойства. В то же время, я подозреваю, что многие были обеспокоены «инстинктивным чувством», что желтизна является проявляемым свойством, просто «прямо там», как твердость или сферическая форма. Разумеется, в настоящей концепции надлежащим образом учитывается, что ссылка на «желтизну» обеспечивается описанием «того, что (проявляемое) свойство объектов, которое заставляет их при нормальных условиях быть желтого цвета (то есть ощущаться определенными визуальными впечатлениями); «желтый», конечно, не означает «приводит к появлению такого-то ощущения»; если бы у нас была другая нервная структура, если бы атмосферные условия были другими, если бы мы были слепыми и т.д., то желтые предметы не вызвали бы такого эффекта. Если кто-то попытается пересмотреть определение «желтый», как «имеет тенденцию производить такие-то визуальные впечатления при условиях С», то обнаружится, что спецификация условий С либо циклически включает желтизну, либо явно делает из предполагаемого определения научное открытие, а не синонимию. Если мы рассмотрим подход «фиксирования ссылки», то ученому-физику потребуется определить свойство, описанное в любых более фундаментальных физических терминах, в которых он пожелает.

Некоторые философы утверждают, что такие термины, как «ощущение желтого», «ощущение тепла», «ощущение боли» и т.п., не могут присутствовать в языке, если они не могут быть идентифицированы с точки зрения внешних наблюдаемых явлений, таких как тепло, желтизна и связанное с ней поведение человека. Я думаю, что этот вопрос не зависит от каких-либо взглядов, изложенных в тексте.

случаев: если бы мир *мог сложиться* иначе, он мог бы сложиться иначе. Отрицать этот факт значит отрицать самоочевидный модальный принцип, что то, что связано с вероятностью, само по себе вероятно. Вы также не можете уклониться от этой трудности, заявив, что “могло бы” в “могло бы сложиться иначе” быть просто эпистемологическим, в том смысле, что «Последняя теорема Ферма может оказаться истинной, а может оказаться ложной» просто выражает наше нынешнее незнание, и «Арифметика, возможно, оказалось полной» демонстрирует наше прежнее незнание. В этих математических примерах мы, возможно, невежественны, но на самом деле математически невозможно, чтобы ответ получился бы иной, чем он получился. Это не так в ваших любимых случаях сущностных свойств и идентичности между двумя жесткими десигнатами: действительно, логически возможно, что золото должно оказаться сложным соединением, и этот стол действительно могла бы быть сделан из дерева, не говоря уже о данном конкретном куске дерева. Контраст с математическим случаем не может быть больше и не будет смягчен, даже если вы предлагаете, что могут существовать математические истины, которые невозможно знать априори».

Возможно, любой, кто уловил суть моих предыдущих замечаний, может сам дать мой ответ, но есть пояснение моего предыдущего обсуждения, которое здесь актуально. Оппонент верно утверждает, что если я полагаю, что этот стол не мог быть сделан из льда, то я должен также считать, что он не мог бы оказаться сделанным из льда; *могло бы получиться, что P* влечет за собой то, что *P* может иметь место. О чем же тогда говорит интуиция, что стол мог бы оказаться из льда или чего-нибудь еще, что он, возможно, даже не состоял бы из молекул? Я думаю, что это просто означает, что может быть стол, выглядящий и воспринимаемый так же, как и этот, и помещенный в это самое положение в комнате, но который был бы сделан из льда. Другими словами, я (или какое-то сознательное существо) мог бы *качественно оценить ту же эпистемологическую ситуацию*, которая на самом деле получается, я мог бы иметь те же самые сенсорные ощущения, которые у меня есть при взаимодействии со *столом*, сделанным из льда. Ситуация, таким образом, сродни тому, что вдохновило сторонников теории двойников; когда я говорю о возможности того, что стол будет сделан из разных вещей, я говорю условно. Сам этот стол не мог иметь происхождения, отличного от того, которое было на самом деле, но в ситуации, которая была бы качественно идентичной этой ситуации в отношении всех сведений, которые были бы у меня заранее, комната могла содержать на этом месте *стол, сделанный из льда*. Таким образом, к ситуации применимо что-то вроде контрфактической теории, но оно применимо только потому, что нас *не* интересует то, что могло бы быть истинным для *этого конкретного* стола, но то, что могло бы быть истинным для *стола* с учетом имеющихся сведений. Именно потому, что это *не* истинно, что этот стол мог быть сделан из льда из Темзы, мы должны обратиться к качественным описаниям и двойникам. Применение этих понятий к реальным модальностям *de re* с нынешней точки зрения является ошибочным.

Общий ответ на возражение может быть сформулирован следующим образом: Любая необходимая истина, будь то априорная или апостериорная, не могла бы быть иной. Однако в случае некоторых необходимых апостериорных истин мы можем сказать, что при соответствующих качественно идентичных не вызывающих сомнений ситуациях соответствующее качественное утверждение могло бы быть ложным. Расплывчатое и неточное утверждение о том, что золото могло бы оказаться соединением, должно быть заменено (грубо) утверждением о том, что логически возможно, что должно существовать соединение со всеми свойствами, изначально обнаруженными у золота. Неточное утверждение о том, что Геспер, мог оказаться не Фосфором, должно быть заменено истинным случайным обстоятельством, упомянутым ранее в этих лекциях: два разных тела, возможно, заняли утром и вечером соответственно те самые позиции, которые

фактически занимал Геспер-Фосфор-Венера.⁷² Причина того, что пример с Последней теоремой Ферма создает другое впечатление, заключается в том, что здесь не существует аналогов, кроме исключительно общего утверждения о том, что в отсутствие доказательства или опровержения *математическая гипотеза* может быть либо истинной или ложной.

Я не предоставил какой-либо общей парадигмы для соответствующего качественного утверждения. Поскольку мы обеспокоены тем, каким образом события могли бы сложиться иначе, наша общая парадигма заключается в том, чтобы качественно пересмотреть предыдущие доказательства и утверждения, и заключить, что они связаны только случайно. В случае идентичностей, используя два жестких десигната, как, например, в вышеприведенном случае Геспер-Фосфор, существует более простая парадигма, которая часто может быть использована, по меньшей мере, примерно таким же образом. Пусть «R1» и «R2» - два жестких десигната, которые обрамляют идентификационный знак. Тогда если «R1 = R2» истинно, то оно необходимо. Ссылки «R1» и «R2», соответственно, вполне могут быть зафиксированы нежесткими десигнатами «D1» и «D2». В случаях Геспера и Фосфора они имеют форму «небесное тело в таком-то положении вечером (утром) на небе». Тогда, хотя «R1 = R2» необходимо, «D1 = D2» вполне может быть случайным, и это часто приводит к ошибочному мнению о том, что «R1 = R2» могло случиться иначе.

Наконец, я обращусь к очень беглому обсуждению применения вышеизложенных соображений к тезису идентичности. Теоретики идентичности были связаны с несколькими различными типами идентификаций: человека с его телом, отдельного ощущения (или события или состояния ощущения) с отдельным состоянием мозга (страдания Джонса в 06:00 были вызваны стимуляцией его С-волокон в то время), а также *типов* психических состояний с соответствующими типами физических состояний (боль - это стимуляция С-волокон). Каждый из этих и других типов идентификаций представляет в литературе ряд аналитических проблем, правильно поднятых критиками картезианства, которых нельзя избежать простой апелляцией к предполагаемой путанице синонимии с идентичностью. Я должен упомянуть, что, конечно, нет очевидных препятствий, по крайней мере (я говорю осторожно), которые не должны появляться у любого умного мыслителя после первого размышления перед сном, для защиты некоторых тезисов идентичности, а также сомнений и отрицания других. Например, некоторые философы приняли идею идентичности конкретных ощущений с конкретными состояниями мозга, отрицая при этом возможность различий между умственными и физическими *типами*.⁷³ Я буду заниматься в первую очередь типовой теорией идентичности, и, следовательно, философы, о которых идет речь, будут защищены от большей части дискуссии; но я кратко упомяну и о других видах идентичностей.

Декарт и его последователи утверждали, что личность или разум отличен от тела, поскольку разум может существовать без тела. С таким же успехом он мог бы сделать тот

---

⁷² Некоторые из заявлений, которые я делаю выше, могут быть в этом смысле расплывчатыми и неаккуратными. Если я скажу: «Золото не может быть элементом», я выражусь корректно; «может» здесь эпистемично и выражает тот факт, что доказательства не оправдывают априорную (картезианскую) уверенность в том, что золото является элементом. Я также абсолютно прав, когда говорю, что элементность золота была обнаружена апостериори. Если я скажу: «Золото могло бы оказаться не элементом», - я, похоже, буду иметь это ввиду метафизически, и мое утверждение подлежит исправлению, отмеченному в тексте.

⁷³ Заметные примеры - Томас Нагель и Дональд Дэвидсон. Их взгляды очень интересны, и я бы хотел обсудить их более подробно. Сомнительно, что такие философы хотят назвать себя «материалистами». Дэвидсон, в частности, основывает свой пример на своей версии теории идентичности на предполагаемой невозможности корреляции психологических свойств с физическим.

Аргумент против знаковой теории идентичности в тексте применим к этим представлениям.

же вывод из предпосылки, что тело может существовать без разума.⁷⁴ Теперь один ответ, который я считаю неприемлемым, - это ответ, который с радостью принимает декартовское предположение, отрицая декартовский вывод. Пусть «Декарт» будет именем или жестким десигнатом определенного человека, и пусть «*B*» будет жестким десигнатом его тела. Тогда, если Декарт действительно был бы идентичен *B*, предполагаемая идентичность, являющаяся тождеством между двумя жесткими десигнатами, была бы необходима, и Декарт не мог существовать без *B*, и *B* не мог бы существовать без Декарта. Случай не совсем сопоставим с предполагаемым аналогом, идентичностью личности первого главного почтмейстера с изобретателем бифокальных очков. Правда, эта идентичность достигается несмотря на то, что мог существовать первый главный почтмейстер, хотя бифокальные очки никогда не были изобретены. Причина в том, что «изобретатель бифокальных очков» не является жестким десигнатом; мир, в котором никто не придумал бифокальные очки, не является *ipso facto* миром, в котором Франклина не существует. Следовательно, предполагаемая аналогия разрушается; философ, который хочет опровергнуть декартовский вывод, должен опровергнуть декартовское предположение, и последняя задача не является тривиальной.

Назовем «*A*» конкретное ощущение боли, и назовем «*B*» соответствующее состояние мозга или состояние мозга, которое сторонник теории идентичности хочет идентифицировать с *A*. *Prima facie*, казалось бы, по крайней мере логически возможным, что *B* должен существовать (мозг Джонса, возможно, был именно в таком состоянии в то время, о котором идет речь), без того, что Джонс вообще испытывал какую-либо боль, и, таким образом, без присутствия *A*. И снова сторонник теории идентичности не может спокойно принять эту возможность и исходить из нее; согласованность и принцип необходимости идентичности с использованием жестких десигнатов, запрещающий любой такой подход. Если *A* и *B* были идентичны, то идентичность должна быть необходимой. Вряд ли можно избежать трудностей, утверждая, что, хотя *B* не может существовать без *A*, боль является просто случайным свойством *A*, и поэтому присутствие *B* без боли не означает присутствия *B* без *A*. Может ли найтись более очевидный факт сущностных свойств, чем тот факт, что доставлять боль является необходимым свойством любой боли? Сторонник теории идентичности, который хочет принять эту стратегию, должен также утверждать, что быть ощущением является случайным свойством *A*. *Prima facie* казалось бы логически возможным, чтобы *B* мог существовать без каких-либо ощущений, с которыми он мог бы быть идентифицирован. Рассмотрим конкретную боль или другое ощущение, которое вы когда-либо чувствовали. Находите ли вы абсолютно правдоподобным, что *это самое ощущение* могло существовать без того, чтобы быть ощущением, как мог существовать определенный изобретатель (Франклин), не будучи изобретателем?

---

⁷⁴ Конечно, тело существует без разума и, по-видимому, без личности, когда тело - труп. Соображение, если оно будет принято, уже показало бы, что личность и тело разделены (см. David Wiggins. «On Being at the Same Place at the Same Time», *Philosophical Review*, том 7 (1968), стр. 90-95). Аналогичным образом можно утверждать, что статуя - это не кусок материи, из которой она составлена. В последнем случае, однако, можно было бы сказать вместо этого, что первое не представляет собой ничего сверх последнего; и такой же прием может быть применен к отношению личности и тела. Трудности в тексте не будут возникать в одной и той же форме, но могут возникнуть аналогичные трудности. Теория о том, что личность не является чем-то большим, чем тело, в том смысле, что статуя не имеет ничего сверх того, из чего она составлена, должна была бы утверждать, что (с необходимостью) личность существует, если и только если ее тело существует и имеет определенную дополнительную физическую организацию. Такой тезис будет подвержен модальным трудностям, аналогичным тем, которые связаны с обычным тезисом идентичности, и то же самое относится к предлагаемому аналогу, заменяющему идентификацию психических состояний физическими состояниями. Дальнейшее обсуждение этого вопроса должно быть оставлено для другого места. Другой взгляд, который я не буду обсуждать, хотя я не склонен его принимать и даже не уверен, что она была изложена с подлинной ясностью, это так называемый подход функциональных состояний к психологическим концепциям.

Я упоминаю эту стратегию, потому что мне кажется, что она принята большим числом сторонников теории идентичности. Эти сторонники, считая, что предполагаемая идентичность состояния мозга с соответствующим психическим состоянием должна анализироваться согласно парадигме случайной идентичности, как в примере с Бенджамином Франклином и изобретателем бифокальных очков, понимают, что так же, как случайная деятельность сделала Бенджамина Франклина изобретателем бифокальных очков, так и некоторые случайные свойства состояния мозга должны превращаться в боль. Как правило, они желают, чтобы это свойство было одним из статусов на физическом или, по крайней мере, на «нейтральном» языке, чтобы материалист не мог быть обвинен в установлении неприводимых нефизических свойств. Типичная точка зрения заключается в том, что боль, как свойство физического состояния, должна анализироваться в терминах «причинно-следственной связи» состояния⁷⁵ в терминах характерных стимулов (например, укол булавкой), которые вызывают ее, и характерного поведения, которое она вызывает. Я не буду вдаваться в подробности такого анализа, хотя обычно я нахожу его ошибочным по конкретным причинам в дополнение к общим модальным соображениям, которые я аргументирую здесь. Все, что мне нужно здесь отметить, это то, что «причинная связь» физического состояния рассматривается сторонниками как случайное свойство состояния, и поэтому предполагается случайным свойством состояния, что она вообще является психическим состоянием; не говоря уже о том, что это нечто на столько конкретное, на сколько конкретной может быть боль. Повторяю, это мнение кажется мне само собой разумеющимся абсурдом. Это сводится к мнению, что *сама боль, которую я сейчас чувствую*, могла бы существовать вообще без психического состояния.

Я не обсуждал обратную задачу, которая ближе к первоначальному декартовому рассмотрению, а именно, что, кажется, состояние мозга могло бы существовать без какой-либо боли, поэтому кажется, что боль могла бы существовать без соответствующего состояния мозга. Обратите внимание, что *быть состоянием мозга*, очевидно, является сущностным свойством *B* (состояние мозга). Действительно, тем более верно: не только быть состоянием мозга, но даже быть состоянием мозга определенного типа является сущностным свойством *B*. Конфигурация клеток мозга, присутствие которых в данный момент составляет присутствие *B*, в это время имеет ключевое значение для *B*, и в его отсутствие *B* не существовало бы. Таким образом, тот, кто хочет утверждать, что состояние мозга и боль идентичны, должен утверждать, что боль *A* не могла существовать без определенной конфигурации молекул. Если $A=B$, то тождество *A* и *B* необходимо, и любое сущностное свойство одного должно быть сущностным свойством другого. Тот, кто хочет сохранить тезис об идентичности, не может просто принять декартовские интуиции, что *A* может существовать без *B*, что *B* может существовать без *A*, что корреляционное присутствие чего-либо с психическими свойствами является просто случайным для *B* и что корреляционное присутствие любого определенного физического свойства просто случайно для *A*. Он должен разобрать эти интуиции, показывая, почему они иллюзорны. Эта задача не невозможна; мы видели выше, как некоторые вещи, которые кажутся случайными, оказываются при ближайшем рассмотрении необходимыми. Задача, однако, явно не детская, и мы увидим ниже, насколько это сложно.

Последний вид идентичности, на который, как я сказал, мы обратим самое пристальное внимание, является типовым видом идентичности (the type-type sort of identity), примером которого является идентификация боли со стимуляцией С-волокон. Предполагается, что эта идентификация аналогична таким научным типовым видам

---

⁷⁵ Например, David Armstrong, *A Materialist Theory of the Mind*, London and New York, 1968, см. обзор дискуссии от Thomas Nagel, *Philosophical Review* 79 (1970), стр. 394-403; и David Lewis, *An Argument for the Identity Theory*, *The Journal of Philosophy*, стр. 17-25.

идентичности, как идентификация тепла с молекулярным движением, воды с гидроксидом водорода, и т.п. Рассмотрим в качестве примера аналогию, которая должна быть проведена между материалистической идентификацией и идентификацией теплоты с молекулярным движением; оба идентификации идентифицируют два типа явлений. С обычной точки зрения идентификация тепла с молекулярным движением и боли при стимуляции С-волокон являются случайными. Мы видели выше, что, поскольку «тепло» и «молекулярное движение» оба являются жесткими десигнатами, идентификация явлений, которые они называют, является необходимой. Как насчет «боли» и «стимуляции С-волокна»? Из предыдущего обсуждения должно быть ясно, что «боль» - это жесткое обозначение типа или явления, которое обозначает: если что-то является болью, это по существу так, и кажется абсурдным предполагать, что боль могла быть каким-то другим феноменом, чем тем, которым она является. То же самое относится и к термину «стимулирование С-волокна», при условии, что «С-волокна» является жестким десигнатом, как я предполагаю здесь. (Предположение несколько рискованно, поскольку я практически ничего не знаю о С-волокнах, за исключением того, что стимуляция их, как говорят, коррелирует с болью.⁷⁶ Это не принципиально, если «С-волокна» не является жестким десигнатом, просто замените их на те, которые являются или предположительно используются в качестве жесткого десигната в данном контексте.) Таким образом, идентификация боли со стимуляцией С-волокон, если это истинно, должна быть *необходимой*.

До сих пор аналогия между отождествлением тепла с молекулярным движением и болью со стимуляцией С-волокон не потерпела провала; он просто оказалась противоположной тому, что обычно считается - и то и другое, если оно истинно, должно быть необходимым. Это означает, что сторонник теории идентичности привержен идее, что не может быть стимуляции С-клетками, которая не была болью или болью, которая не была стимуляцией С-волокна. Эти последствия, безусловно, удивительны и контринтуитивны, но не будем слишком быстро отклонять такие взгляды. Возможно ли показать, что боль не оказалась стимуляцией С-волокна, или аналогично для других феноменов, что вода, возможно, была не гидроокисью водорода, или что тепло могло не быть молекулярным движением? Если это так, это опровергнет декартовский аргумент, не как в обычном анализе, когда вы соглашаетесь с его посылкой, раскрывая ошибочность его аргумента, а наоборот - в то время как декартовский аргумент, учитывая его предпосылку об случайности идентификации, дает свое заключение, предпосылка должна быть раскрыта как поверхностно правдоподобная, но ложная.

Я не думаю, что сторонник теории идентичности преуспеет в таких попытках. Я утверждаю, что, по крайней мере, этот случай не может быть истолкован как аналогичный случаю научной идентификации обычного рода, примером которого является тождество тепла и молекулярного движения. Какова была стратегия, используемая выше, чтобы

---

⁷⁶ Я был удивлен, обнаружив, что по крайней мере один способный слушатель использовал мои термины как «коррелирует с», «соответствует» и т.п., и уже просил вопрос против тезиса личности. Тезис идентичности, сказал он, не является тезисом о том, что боли и состояния мозга коррелируют, они скорее идентичны. Таким образом, вся моя дискуссия предполагает анти-материалистическую позицию, которую я решил доказать. Хотя я был удивлен услышав возражение, которое допускает столь мало сведений для аргументации, я попытался прежде всего избежать термина «коррелирует», который, похоже, вызывает возражения. Тем не менее, чтобы избежать недоразумений, мне следует пояснить использование термина. Предполагая, по крайней мере ради обсуждения, что научные открытия оказались таковы, что с самого начала не опровергают материализм; и дуалист, и сторонник теории идентичности согласны с тем, что существует корреляция или соответствие между психическими и физическими состояниями. Дуалист считает, что рассматриваемое в вопросе соотношение «корреляция» является нерелексивным; сторонник теории идентичности считает, что это просто частный случай отношения идентичности. Такие термины, как «корреляция» и «соответствие», можно использовать нейтрально, не предпринимая заранее, что из этого правильно.

справиться с очевидной непредвиденностью некоторых случаев необходимости апостериори? Стратегия заключалась в том, чтобы утверждать, что, хотя само утверждение является необходимым, кто-то может, *качественно* говоря, находиться в той же эпистемологической ситуации, что и оригинал, и в такой ситуации *качественно* аналогичное утверждение может быть ложным. В случае идентичности между двумя жесткими десигнатами эта стратегия может быть аппроксимирована к более простой: рассмотрим, как определяются референции десигнагов; если они совпадают только случайно, то именно этот факт будет придавать исходному утверждению иллюзию случайности. В случае тепла и молекулярного движения способ, как эти две парадигмы работают, прост. Когда кто-то говорит, неточно, что тепло может оказаться не молекулярным движением, в его словах верно то, что кто-то мог ощущать явление точно так же, как мы чувствуем тепло, то есть ощущаем его посредством производимого им ощущения, которое мы называем «ощущением тепла» (назовем его « S »), хотя это явление не было молекулярным движением. Кроме того, он подразумевает, что планета могла бы быть заселена существами, у которых нет S , когда они находятся в присутствии молекулярного движения, хотя, возможно, они имеют S в присутствии чего-то еще. Такие существа были бы в каком-то качественном смысле в той же эпистемологической ситуации, что и мы, они могли бы использовать жесткий десигнат для явления, которое вызывает в них ощущение S (жестким десигнатом может быть даже «тепло»), но это не будет тем молекулярным движением (и, следовательно, не теплом!), что вызывало ощущение.

Можно ли теперь что-то сказать аналогично, чтобы объяснить, как идентичность боли и стимуляция С-волокон, если это научное открытие, могла бы сложиться иначе? Я не вижу такой аналогии. В случае очевидной возможности того, что молекулярное движение могло существовать при отсутствии тепла, кажется действительно возможным, что молекулярное движение должно существовать без *ощущения как тепла*, т.е. оно могло бы существовать без создания ощущения S , ощущения тепла. Возможно ли аналогично, что в соответствующих разумных существах стимуляция С-волокон должна существовать без ощущения боли? Если это возможно, то стимуляция С-волокон сама может существовать без боли. Такая ситуация была бы противоречивой с предполагаемой необходимой идентичностью боли и соответствующим физическим состоянием, а аналог имеет место для любого физического состояния, которое может быть идентифицировано с соответствующим психическим состоянием. Беда в том, что сторонник теории идентичности не считает, что физическое состояние просто *производит* психическое состояние, скорее он хочет, чтобы они были идентичны и, следовательно, были бы с необходимостью сопутствующими. В случае молекулярного движения и тепла есть нечто, а именно ощущение тепла, что выступает посредником между внешним явлением и наблюдателем. В ментально-физическом случае такой посредник невозможен, так как здесь физическое явление должно быть идентично самому внутреннему явлению. Кто-то находится может в той же эпистемологической ситуации, как если бы было тепло, даже в отсутствие тепла, просто чувствуя ощущение тепла; и даже при наличии тепла он может иметь те же доказательства, что и в отсутствие тепла, просто при отсутствии ощущения S . Такой возможности нет в случае боли и других психических явлений. Быть в той же эпистемологической ситуации, которая кто-то чувствовал бы боль - это чувствовать боль; быть в той же эпистемической ситуации, которая получалась бы при отсутствии боли - это не испытывать боль. Очевидная случайность связи между психическим состоянием и соответствующим состоянием мозга, таким образом, не может быть объяснена каким-то качественным аналогом, как в случае тепла.

Мы только что проанализировали ситуацию с точки зрения понятия качественно идентичной эпистемологической ситуации. Беда в том, что понятие эпистемологической

ситуации, качественно идентичное понятию, в котором наблюдатель ощущал бы S , просто является тем, в котором наблюдатель ощущает это. То же самое можно сделать с точки зрения понятия того, как выбирается референция жесткого десигната. В случае идентичности тепла с молекулярным движением важным соображением было то, что, хотя «тепло» является жестким десигнатом, референция на этот десигнат определялась случайным свойством референта, а именно свойством производить в нас ощущение S . Таким образом возможно, что явление должно было жестко обозначаться таким же образом как явление тепла, причем его референция также должна быть выбрана с помощью ощущения S , без этого явления тепла и, следовательно, молекулярного движения. С другой стороны, боль не выделяется одним из ее случайных свойств; скорее, она отождествляется со свойством быть самой болью по ее непосредственному феноменологическому качеству. Таким образом, боль, как тепло, не только жестко обозначается «болью», но референция на десигнат определяется сущностным свойством референта. Таким образом, невозможно сказать, что хотя боль необходимо идентична определенному физическому состоянию, определенное явление можно выделить таким же образом, как мы выделяем боль, не будучи связанными с этим физическим состоянием. Если какое-либо явление выбрано точно так же, как мы выбираем боль, то это явление - боль.

Возможно, этот же момент может быть более ярким без такой конкретной ссылки на технический аппарат в этих лекциях. Предположим, мы представляем, что Бог создает мир; что ему нужно сделать, чтобы добиться идентичности тепла и молекулярного движения? Казалось бы, все, что ему нужно сделать, - это создать тепло, то есть само молекулярное движение. Если молекулы воздуха на этой Земле достаточно возбуждены, если есть горящий огонь, тогда земля будет горячей, даже если не будет наблюдателей, чтобы увидеть это. Бог создал свет (и таким образом создал потоки фотонов, согласно настоящему научному учению), прежде чем создал человеческих и животных наблюдателей; и то же самое предположительно выполняется для тепла. Как же нам кажется, что идентичность молекулярного движения с теплом является существенным научным фактом, что простое создание молекулярного движения все еще оставляет Бога с дополнительной задачей сделать из молекулярного движения тепло? Это чувство действительно иллюзорно, но то, что является основной задачей для Божества, - это задача заставить молекулярное движение ощущаться как тепло. Для этого он должен создать разумных существ, чтобы убедиться, что молекулярное движение вызывает в них ощущение S . Только после того, как он это сделал, будут существа, которые смогут узнать, что предложение «Тепло - это движение молекул» выражает апостериорную истину в том же смысле, как считаем мы.

Как насчет случая стимуляции С-волокон? Чтобы создать это явление, казалось бы, Богу нужно только создать существ с С-волоконными, чувствительными к соответствующему типу физической стимуляции; являются ли существа сознательными или нет, здесь не имеет значения. Казалось бы, что для того, чтобы стимуляция С-волокон соответствовала боли или ощущалась как боль, Бог должен сделать что-то помимо простого создания стимуляции С-волокон; Он должен позволить существам почувствовать стимуляцию С-волокон как боль, а не как щекотку, или теплоту, или как ничто, что, по-видимому, также было бы в Его силах. Если эти вещи на самом деле находятся в пределах Его возможностей, связь между созданной Богом болью и стимуляцией С-волокон не может быть идентичной. Ибо если это так, стимуляция могла бы существовать без боли; и поскольку «боль» и «стимуляция С-волокон» являются жесткими, это означает, что связь между этими двумя явлениями не связана с идентичностью. Бог должен был сделать какую-то работу в дополнение к сотворению человека, чтобы сделать определенного человека изобретателем бифокальных очков; этот

человек мог бы существовать, не изобретая ничего подобного. То же самое нельзя сказать о боли; если это явление вообще существует, не должно потребоваться никакой дополнительной работы, чтобы сделать его болью.

Суммируя, соответствие между состоянием мозга и психическим состоянием, по-видимому, имеет определенный очевидный элемент случайности. Мы видели, что идентичность не является отношением, которое может быть случайным между объектами. Поэтому, если тезис об идентичности был бы правильным, элемент случайности не присутствовал бы в отношении между психическим и физическим состояниями. Он не может присутствовать, как в случае тепла и молекулярного движения, в связи между явлением (= тепло = молекулярное движение) и способом, как оно ощущается или проявляется (ощущение S), поскольку в случае психических явлений нет «проявления» вне самого психического явления.

Здесь я подчеркиваю возможность, или кажущуюся возможность, физического состояния без соответствующего психического состояния. Обратная возможность, психическое состояние (боль) без физического состояния (стимуляция С-волокон) также представляет проблемы для сторонников теории идентичности, которые не могут быть решены путем обращения к аналогии тепла и молекулярного движения.

Я обсуждал подобные проблемы более кратко для взглядов, приравнивающих собственную личность (self) к телу, и конкретных психических событий к конкретным физическим событиям, не обсуждая так же детально возможные контрмеры, что и в случае типовой теории идентичности. Достаточно отметить, что я подозреваю, что приведенные соображения указывают на то, что теоретику, желающему идентифицировать различные конкретные психические и физические события, придется столкнуться с проблемами, довольно сходными с проблемами теоретика типовой теории идентичности; он также не сможет обратиться к стандартным предполагаемым аналогам.

То, что обычные ходы и аналогии недоступны для решения проблем сторонника теории идентичности, конечно, не является доказательством того, что никаких решений нет. Я, конечно, не могу обсуждать здесь все возможности. Однако я подозреваю, что нынешние соображения в значительной степени противоречат обычным формам материализма. Материализм, я думаю, должен считать, что физическое описание мира - это его *полное* описание, что любые психические факты «онтологически зависимы» от физических фактов, в прямом смысле с необходимостью вытекающих из них. Мне не кажется, что найдутся сторонники теории идентичности предоставившие убедительные аргументы против интуитивного представления о том, что это не так.⁷⁷

---

⁷⁷ Выразив эти сомнения в теории идентичности в тексте, я должен подчеркнуть две вещи: во-первых, сторонники теории идентичности представили позитивные аргументы в пользу их взглядов, на которые я, конечно, не ответил здесь. Некоторые из этих аргументов кажутся мне слабыми или основаны на идеологических предрассудках, но другие видятся мне весьма сильными аргументами, на которые я в настоящее время не могу ответить убедительно. Во-вторых, отказ от тезиса идентичности не подразумевает принятия декартова дуализма. На самом деле, мой взгляд выше, что человек не мог бы появиться из другой спермы и яйцеклетки кроме тех, из которых он фактически возник, неявно предполагает отказ от картезианской картины. Если бы у нас было четкое представление о душе или разуме как о независимой, натуральной, духовной сущности, почему она должна иметь какую-либо необходимую связь с конкретными материальными объектами, такими как конкретная сперма или конкретная яйцеклетка? Убеденный дуалист может не учитывать мои взгляды на сперму и яйцеклетки, которые поднимают вопрос против Декарта. Я склонен рассуждать по-другому; тот факт, что мне трудно представить меня, появляющегося из других спермы и яйцеклетки, отличных от фактических, означает, как мне кажется, что у нас нет четкой концепции души или я. В любом случае, представление Декарта, похоже, стало сомнительным с тех пор, как Хьюм раскритиковал понятие декартовского «я». Я рассматриваю проблему разума как широко открытую и чрезвычайно запутанную.

Приложение А

Эти дополнения представляют собой определенные расширения исходного текста, которые я добавил либо в ответ на вопросы, либо для разъяснения или фрагментарного уточнения.

(а) *Единороги* стр. 23-24 (*прим. пер.: оригинала*). В свете замечаний о естественных видах, сделанных в третьей лекции, я попытаюсь дать краткое объяснение странного взгляда на единорогов, высказанного в тексте. Было два тезиса: во-первых, *метафизический* тезис о том, что нет такой контрфактической ситуации, которая может быть корректно описана и в которой были бы единороги; во-вторых, *эпистемологический* тезис о том, что археологическое открытие существования животных со всеми чертами, приписываемыми единорогам в соответствующем мифе, само по себе не станет доказательством существования единорогов.

Что касается метафизического тезиса, то аргумент состоит в следующем. Так же, как тигры являются реальным видом, единороги являются мифическим видом. Тигры, как я утверждаю в третьей лекции, не могут быть определены просто с точки зрения их внешнего вида; возможно, что должны существовать разные виды со всеми внешними признаками тигров, но которые имели бы другую внутреннюю структуру и, следовательно, не относились бы к виду тигров. Мы можем ошибаться в том, что таких «тигров дураков» не существует, так что на практике для идентификации достаточно внешнего вида. В наши дни не существует реальных видов единорогов; и в отношении нескольких гипотетических видов с различным внутренним строением (рептилии, млекопитающие, земноводные), которые, по-видимому, предполагали бы внешние проявления, чтобы соответствовать единорогам из мифов, нельзя сказать, какой из этих отдельных мифических видов был бы единорогами. Мы можем предположить, что единороги из мифов должны быть конкретным видом, но миф предоставляет нам недостаточно информации об их внутренней структуре для определения уникального вида, и нет никаких реальных или возможных видов, о которых мы могли бы сказать, что это виды единорогов.

Эпистемологический тезис легче аргументировать. Если речь идет об описании найденного вещества с физическим внешним видом золота, на этой основе нельзя сделать вывод, что речь идет о золоте; это может быть «золото дурака». О какой субстанции идет речь - нужно определять, как в случае с собственными именами: исторической связью истории с определенной вещью. Когда связь установлена, вполне может оказаться, что предметом исследования было золото, «золото дурака» или что-то еще. Точно так же простое обнаружение животных со свойствами, приписываемыми единорогам в мифе, ни в коем случае не означало бы, что это были животные, о которых говорилось в мифе: возможно, миф не имеет под собой реальных фактов и то, что животные с таким же внешним видом фактически существовали - простое совпадение. В этом случае мы не можем сказать, что единороги из мифов действительно существовали; мы должны также установить историческую связь, которая показывает происхождение мифа *об* этих животных.

Я придерживаюсь подобных взглядов и на вымышленные собственные имена. Простое открытие, что действительно существовал такой совершавший подвиги детектив, как Шерлок Холмс, не показало бы, что Конан Дойл писал именно об этом человеке; теоретически возможно, хотя на практике крайне маловероятно, что Дойл писал чистый вымысел лишь с частичным сходством с фактическим человеком. (См. отказ от ответственности: «Персонажи в этой работе являются вымышленными, и любое сходство с кем-либо, живым или мертвым, является чисто случайным».) Точно так же я

придерживаюсь метафизического представления о том, что, если Шерлока Холмса не существует, нельзя сказать о любом возможном человеке, что он *был бы* Шерлоком Холмсом, если бы последний существовал. Несколько различных возможных людей, и даже реальных, таких как Дарвин или Джек Потрошитель, возможно, совершили подвиги Холмса, но ни о ком из них мы не можем сказать, что он был бы Холмсом, если бы он совершил эти подвиги. Ибо если это так, то какие именно?

Поэтому я больше не мог писать, как когда-то, о том, что «Холмс не существует, но при другом положении дел он бы существовал». (См. мои «Семантические соображения по модальной логике», Acta Philosophica Fennica, том 16 (1963), стр. 83-94, перепечатано в L.Linsky (ed.), Reference and Modality, Oxford University Press, (1971; стр. 65 в перепечатке.) Приведенное утверждение дает ошибочное впечатление, что вымышленное имя, такое как «Холмс», называет конкретного возможного-но-не-действительного человека. Независимое мнение, которое я пытался высказать, однако, остается и является независимым от любой лингвистической теории статуса имен в художественной литературе. Дело в том, что в других возможных мирах «некоторые фактически существующие индивидуумы могут отсутствовать, в то время как новые индивидуумы... могут появляться» (там же, стр. 65) и что если в открытой формуле $A(x)$ свободной переменной присваивается в качестве значения заданный индивидуум, возникает проблема, следует ли (в теоретико-модельной трактовке модальной логики) значение истины формуле в мирах, в которых этого человека не существует.

Я знаю, что чрезмерная краткость этих замечаний уменьшает любую убедительность, которой они могут обладать. Я рассчитываю подробно остановиться на них в другом месте, в предстоящей работе, обсуждая проблемы экзистенциальных высказываний, пустых имен и вымышленных сущностей.

(b) *Может и должен*, первый абзац стр.35 (*прим. пер.: оригинала*). Неопубликованная статья Барри Т. Страуда обратила мое внимание на тот факт, что сам Кант совершает похожую ошибку. Кант говорит: «Опыт учит нас, что все так и так, но это не значит, что иначе быть не может. Во-первых, если у нас есть предложение, которое, будучи мыслимым, считается *необходимым*, это априорное суждение... Необходимость и строгая универсальность являются, таким образом, критериями априорного знания». (Критика чистого разума В3-4, стр. 43-44 в переводе Кемпа Смита, Макмиллан, 1956.) Таким образом, Кант считает, что, если известно, что предложение является *необходимым*, вид знания не только *может* быть априорным, но *должен* быть им. Напротив, можно узнать о математической истине апостериори, консультируясь с вычислительной машиной, или даже спросить математика. Также Кант не может утверждать, что опыт может сказать нам, что математическое утверждение верно, но не то, что оно *необходимо*; ибо своеобразный характер математических предложений (например, гипотеза Гольдбаха) заключается в том, что (априори) известно, что они не могут быть случайно истинными; математическое утверждение, если оно истинно, необходимо.

Все случаи необходимости апостериори в тексте имеют особый характер, приписываемый математическим утверждениям: Философский анализ говорит нам, что они не могут быть случайно истинными, поэтому любое эмпирическое знание их истины автоматически является эмпирическим знанием того, что они необходимы. Эта характеристика применяется, в частности, к случаям выражений идентичности и сущностных свойств. Это *может* дать ключ к общей характеристике апостериорного знания необходимых истин.

Я должен упомянуть, что если бы возможность узнать математическую истину, консультируясь с компьютером, была единственным возражением против предложения Канта, ему все равно было бы доступно: (1) что каждая необходимая истина познается априори; или, что более слабое утверждение, (2), что каждая необходимая истина, если она вообще известна, должна быть познаваема априори. Оба (1) и (2) связаны с неясным представлением о возможности априорного знания, но в той мере, в какой это понятие разъясняется путем его ограничения на априорное знание стандартного человеческого рода, я выступаю против (1) и (2). Разумеется, я считаю, что предположения, которые современные философы считали бы «эмпирическими», могут быть необходимыми и таковыми являются.

Возможно, я должен также упомянуть, что я не смог найти у Канта характеристику априорной истины как истины, которая может быть известна независимо от опыта; насколько я вижу, Кант ссылается только на априорное знание конкретных утверждений, которые не связаны с дополнительными модальностями. (В тексте я неосторожно приписывал эту общую характеристику априорной истины Канту.) И, конечно, когда Кант использует «необходимое» для типа утверждения и «априори» для типа знания, он не может быть виноват в том, что в современной практике эти два термина повсеместно рассматриваются, как взаимозаменяемые синонимы. С первых страниц «Критики» видно, что он считает тезис о том, что знание о том, что что-то необходимо, должно быть априорным знанием, как важный, хотя и очевидный, предметный тезис.

(с) Некоторые замечания, которые я слышал, заставляют меня предположить, что условию нецикличности необходимы дальнейшие разъяснения. Во-первых, мое замечание на стр.68 (*прим.пер.: оригинала*) было неправильно истолковано: было предположено, что определение, такое как «Иона - это человек, на которое ссылается это имя в Библии», с необходимостью нарушает условие нецикличности. Это не так, при условии, что теория дескрипции может предоставить отчет о референции библейских авторов, не зависящей от нашей. Когда я обсуждаю идеи Strawson, я явно признаю, что говорящий может использовать описание такого рода, которое «сваливает ответственность», и что процедура является нециклической, если дескрипция другого говорящего в конечном итоге не связана с референциями, сделанными первым говорящим. Таким образом, я могу сказать: «Пусть “Глумф” будет именем того, что Джонс называет “Глумфом”», при условии, что Джонс одновременно не скажет: «Пусть “Глумф” будет именем того, что Крипке называет “Глумфом”». Возражение против таких нециркулярных определений, как «Пусть “Глумф” будет тем, что Джонс называет “Глумф”», и «Пусть Гёдель - человек, которому эксперты приписывают теорему о неполноте» (говорит неспециалист) другое: в общем случае, говорящий не может быть уверен, от кого он получил свою референцию; и, насколько он знает, «эксперты» вполне могут понять, что Шмидт, а не Гёдель, доказал теорему о неполноте, хотя неопытный оратор все еще приписывает ее Гёделю. Таким образом, такие определения референта могут дать неверный результат, и говорящий, конечно, не может знать априори (как в тезисе 5), что они не будут ошибочны (см. мои критические замечания о Strawson в тексте). Если, с другой стороны, говорящий пытается избежать возможности такой ошибки, используя свою собственную референцию как парадигму, как в определениях вида «Пусть Глумф будет тем человеком, которого я называю “Глумфом” (сейчас)» или «Пусть Гедель человек, который, как я считаю, доказал теорему о неполноте», определение референции будет циклическим (если только оратор уже не определил свою референцию каким-либо другим образом, и тогда именно это будет определяющим условием). Часто определение референции рискует как впасть в циклическость, так и оказаться уязвимым к ошибке, поскольку говорящий может не знать, могут ли те, на кого он «сваливает ответственность», в свою очередь не свалить ответственность обратно на него. Впечатляющие случаи уязвимости к обоим типам

критических замечаний можно найти в таких определениях, как «Пусть “Глумф” означает человека, которого мы все в сообществе С называем “Глумф”», или «Пусть “Гёдель” означает человека, которого в настоящее время в Сообществе С все считают доказавшим теорему о неполноте», если это определение используется во всем Сообществе С. Отдельный говорящий может ошибаться в таком определении, если сообщество кроме говорящего было проинформировано о мошенничестве Геделя-Шмидта; и даже если не рассматривать эту возможность ошибки, определение будет цикличным, если предполагается, что все или даже значительное большинство говорящих из сообщества С используют его для определения их референции.

Эти пункты излагаются в тексте, но их неправильные понимания слушателями привели меня к мысли, что краткое повторение может принести некоторую пользу. Совершенно другим способом определения референции было бы: «Пусть “Глумф” обозначает человека, называемого “Глумф” людьми, от которых я про это узнал (кем бы они ни были), при условии, что мое настоящее определение референции удовлетворяет условиям, изложенным в “Именование и необходимость” и любые другие условия должны быть удовлетворены». Как я заметил в сноске 38, такое определение будет представлять собой тривиальное выполнение теории дескрипции с нынешней точки зрения, если только нынешняя точка зрения не была бы ослабленной и не включала в себя понятие собственной референции говорящего (с точки зрения его намерения согласиться в референции с теми, от кого он получил имя). Даже если обе эти проблемы были бы преодолены, получившееся описание вряд ли будет одним из тех, которое возникает у говорящего, когда ему задают вопрос вида «Кто такой Наполеон?», как предполагали бы сторонники теории дескрипции. Это было бы верно только для тех говорящих, которые овладели сложной теорией референций, и это была бы эта теория, конечно, а не знание говорящим дескрипции, которая дала истинную картину определения этой ссылки.

(d) *Первоначальное «именование»*, стр. 96 (*прим.пер.:оригинала*). В сноске 70, касающейся натуральных типов терминов, я упоминаю, что понятие первоначального образца, к которому мы обращаемся, дает упрощенную картину. Аналогично для собственных имен, конечно, я признаю, что не всегда должно быть идентифицирующее первоначальное указание; поэтому картина упрощена. Конечно, я также думаю, аналогично сноске 70, что такие осложнения не изменят картину радикально. Однако, вероятно, верно, что в случае имен собственных примеры без идентифицирующего первоначального именованя встречаются реже, чем в случае видов.

(e) *Санта-Клаус*, стр. 93 и стр. 96-97 (*прим.пер.:оригинала*). Gareth Evans указал, что подобные случаи смещений референций возникают, когда сдвиг происходит не от реального субъекта к вымышленному, а от одного реального объекта к другому такого же типа. По словам Эванса, «Мадагаскар» был родным именем для части Африки; Марко Поло, ошибочно полагая, что он использует местный язык, применил это имя к острову. (Эванс использует пример для поддержки теории дескрипции; я, конечно же, этого не делаю.) Сегодня использование этого названия в качестве названия для острова стало настолько распространенным, что оно, безусловно, переопределяет любую историческую связь с родным именем. David Lewis указал, что то же самое могло бы произойти, даже если бы туземцы использовали «Мадагаскар» для обозначения мифического места. Таким образом, реальная референция может перейти на другую реальную референцию, вымышленная референция может перейти на реальную, а реальная на вымышленную. Во всех этих случаях настоящее намерение сослаться на данный объект (или на вымышленный) заменяет первоначальное намерение сохранить референцию в исторической цепочке передачи. Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения. Но это явление, возможно, объяснимо с точки зрения преимущественно социального характера использования собственных имен, подчеркнутых в тексте: мы используем имена для

общения с другими говорящими на общем языке. Объект обычно диктует, что говорящий намерен использовать имя так же, как оно было передано ему; но в случае «Мадагаскара» социальный характер диктует, что нынешнее намерение сослаться на остров переопределяет дистанционную связь с местным использованием. (Вероятно, аналогичным образом объясняется пример Миллера «Джордж Смит» против «Ньютона».) Чтобы заявить все это с какой-либо точностью, несомненно, требуется более разработанный теоретический аппарат, чем я здесь разработал; в частности, мы должны различать настоящее намерение использовать имя для объекта от простого настоящего убеждения в том, что объект является единственным, обладающим определенным свойством, и разъяснить это различие. Я оставляю эту проблему для дальнейшей работы.

(f) Возможно, я должен упомянуть (уточняя сноску 2) о том, что представленная здесь историческая картина именованя, по-видимому, очень похожа на взгляды Keith Donnellan. (Charles Chastain также делал подобные предположения, но у них была большая примесь старой теории дескрипции.) Исследование Дэвидом Капланом термина «Dthat», упомянутое в сноске 22, было распространено на «логику указательных местоимений», в которой, по его словам, большей части аргументации этой статьи может быть дано формальное представление. Действительно, в значительной части этой статьи предлагается определенный формальный аппарат, хотя настоящее заявление является неофициальным.

(g) Третья лекция предполагает, что многое из того, что современная философия рассматривает как физическую необходимость, действительно является просто необходимым. Вопрос о том, как далеко это можно продолжить, - это то, что я оставляю для дальнейшей работы.

Приложение В. Глоссарий

Возможные миры - метод логического анализа модальных и интенциональных понятий, основу которого составляет рассмотрение мыслимых положений дел (идеальных альтернатив, описаний состояний, точек соотнесения). Дунс Скот (1265–1308) первым предложил уточнять смысл модальных понятий в процессе анализа альтернативных состояний дел. В его теории «возможное» понимается как области концептуальной непротиворечивости. Среди логических возможностей (*possibile logicum*) выделяются классы эквивалентных областей на основе отношения их совозможности (*compossibilitas*). Из них выделяется один класс – «действительный мир». При этом некоторые логические возможности понимаются как реальные альтернативы действительному миру (*possibile real*). Идею возможных миров использовал Лейбниц для толкования «необходимо истинного» как того, что имеет место во всех возможных мирах, а случайно истинного как того, что имеет место в некоторых из них. Р.Карнап (1946), исходя из идей Лейбница, строит первую содержательную семантику для модального языка, уточняя понятие возможного мира в понятии «описание состояния». Его система содержит исчерпывающее определение полных и непротиворечивых описаний состояний атомарных фактов. Точные методы семантики возможных миров были созданы к сер. 50-х гг. благодаря независимым работам С.Кангера («классы структур», «свойства модальных операторов»), Р.Монтегю (отношения между «идеальными моделями», «точки соотнесения», «окрестностные семантики»), Б.Джонсона, А.Тарского (связь алгебраических характеристик со свойствами бинарных отношений), Я.Хинтикки («модельные множества», отношение «со-разрешения», отношение альтернативности), К.Мередита, И.Томаса, А.Прайора («мировые скачки», «world-jumping») и – в особенности – работам С.Крипке (1959) по реляционным семантикам, в которых вводится отношение достижимости (*relation of accesibility*) между мирами ([Источник](#)).

Десигнат – обозначение, указатель, *designator* – в модальной логике и лингвистической философии – указатель на объект во всех *возможных мирах*, в которых этот объект существует ([Wiki](#)).

Денотат – *denotator* – в логике и семантике — десигнат, то есть предмет или класс предметов, обозначаемых нарицательным именем некоторого языка (в формализованном языке — термом (константой) или предметной переменной). Тем не менее, денотат следует отличать от десигната — идеального объекта, обозначаемого данным именем. Например, понятия воображаемых миров могут иметь непустой десигнат, но не иметь денотата ([Вики](#)).

Дескрипция – описание, *description* - это описание, т.е. конструкция, по форме имеющая вид «тот ..., который ...». При построении логических средств она включается в язык в числе термов. Определенная дескрипция соответствует терму *ix.Ф*, который канонически читается как «тот единственный *x*, для которого выполняется (верно) *Ф*». Неопределенная дескрипция соответствует терму *ex.Ф*, который канонически читается как «тот *x*, для которого выполняется (верно) *Ф*» ([Вики](#)).

Идентичности теория- также теория тождества, редуктивный материализм, редуктивный физикализм - группа теорий в философии сознания, согласно которым состояния сознания идентичны состояниям мозга, а процессы в сознании идентичны процессам в мозге, то есть сознание тождественно последовательности состояний нейронной активности. Существуют две разновидности теорий идентичности: типовые теории идентичности (*Type Identity Theories*) и знаковые теории идентичности (*Token Identity Theories*). Согласно типовой теории идентичности, если человек представляет, к примеру, собаку, то в его мозге протекает идентичный нейрофизиологический процесс,

который точно соответствует образу этой собаки. Знаковая теория идентичности является более мягким вариантом: согласно ей, нейрофизиологическая идентичность касается только индивидуальных (знаковых) состояний сознания ([Вики](#)).

Необходимость - [Wiki](#)

Предикат - это утверждение, высказанное о субъекте. Субъектом высказывания называется то, о чём делается утверждение ([Вики](#)).

Предикат пустой- Empty names are names that fail to refer, like 'Santa,' 'Pegasus,' and 'Planet Vulcan.' 'Santa Claus' fails to refer because (on most semantics for empty names) there is no entity that is assigned to 'Santa' as its referent. This is clearly distinct from another view (e.g. Frege's) that 'Santa' should be assigned e.g. the empty set as its referent. That is, there is a difference from having no referent and referring to the empty set -- for my cat has no referent, but '∅' refers to the empty set.

So are there empty predicates? That is, are there predicates that do not signify properties (or extensions, kinds, intensions (= functions from possible worlds to extensions), or whatever your preferred semantic value for predicates is). There are of course predicates whose extension is the empty set (e.g. 'is not identical with itself') -- these predicates signify uninstantiated properties (assuming you think predicates signify properties). But they still signify a property (<http://obscureandconfused.blogspot.com/2008/04/are-there-empty-predicates.html>).

Разума-тела проблема – вопрос об активном системном взаимодействии тела и психики человека. Исторически сложившийся научный спор о роли тела и психики в жизни человека, а также их взаимосвязи. Существуют различные взгляды на то, как соотносятся тело и психика, однако данный спор до сих пор не решён окончательно ([Вики](#)).

Референт – в лингвистике объект внеязыковой действительности, подразумеваемый автором конкретного речевого отрезка; предмет референции. Референт некоторого речевого отрезка может принадлежать не только реальному миру, но и воображаемому, например, быть персонажем художественного произведения ([Вики](#)).

Строгая референция - [Wiki](#)

Приложение С. Полезные материалы

Страница о С.Крипке на Википедии

https://ru.wikipedia.org/wiki/Крипке,_Сол

Страница о книге на Википедии

https://en.wikipedia.org/wiki/Naming_and_Necessity